Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№18

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов За рубежом, Нью-Йорк, США

№ 18 Нью-Йорк 1977

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $10.00 USA for three issues
$ 3.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

Mailing address for correspondence:
Mr. Max. Miheyev
43-18 Robinson Street
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЯТЫЙ СЪЕЗД КАДЕТ

Посвящая этот номер «Переклички» пятому съезду кадет Российских Кадетских Корпусов за Рубежом, который состоялся от 8-го до 14-го августа 1976 года в Монреале, мы должны извиниться перед читателями нашего журнала за годовое опоздание. Однако извинение мы приносим не от имени редакции, мы ни в чем не виноваты, а от лица президиума 5-го съезда, который, вероятно, по очень серьезным причинам, так до сих пор и не прислал нам отчетной статьи о съезде. Приходится редакции составить это краткое описание съезда по материалам уже появившимся в печати. Просим извинить нас за невольные пропуски. Со всей беспристрастностью нужно отметить, что эта маленькая неувязка не умаляет незаурядные организационные таланты комиссии по устройству съезда, состоявшей из членов кадетских объединений городов Монреаля и Торонто. В. Змунчилла, А. Перекрестов, Г. Левчук, Е. Ляшенко (ныне покойный), Н. Амочаев и Г. Сперанский из Нью-Йорка провели огромную работу, как до начала съезда, так и во время его.

В Монреаль съехались на кадетский праздник кадеты рассеянные по всем уголкам свободного мира без различия в каких кадетских гнездах они впервые приобщились к родству с «великой воинской семьей».

Кроме кадет из Канады на съезде участвовали кадеты из Америки, Аргентины, Австрии, Австралии, Бельгии, Бразилии, Венецуэлы, Италии, Омана, Франции и Уругвая. Самым молодым участником съезда был капитан оманской авиации Макавецкий, окончивший корпус-лицей Императора Николая Второго в Париже уже после войны.

Съезд начался торжественным молебном в Св.-Николаевском Соборе в Монреале и последующим парадом кадет в украшенном нижнем зале собора. Молебен был отслужен Владыкой Архиепископом Виталием Канадским в сослужении с архимандритом о. А. Граббе и священниками о.о. Шатиловым и Бурлаковым, кадетами зарубежных кадетских корпусов.

По окончании молебна кадеты выстроились в зале имея на правом фланге оркестр канадских кадет в форме великолеп-

но справившихся с возложенной на них задачей. Командовавший парадом Г. Левчук отрапортовал, вошедшей в зал в сопровождении М. Казановича, под звуки встречного марша почетной председательницы всех кадетских объединений Е. В. Княжне Вере Константиновне: «В строю 100 кадет». После ее приветствия кадетам, были вынесены под командой Евгения Ляшенко, стяги георгиевских кавалеров и крымский сокольский, вывезенные из Югославии последними кадетами. Знаменная команда состояла из сыновей кадет, пронесших четким строевым шагом стяги перед строем, заняв затем место на правом фланге построения. Под аккомпанимент оркестра кадеты спели «Коль Славен», «Братья все в одно моленье души русские сольем» и «Наш полк» (слова К. Р., Вел. Князя Константина Константиновича, памяти которого был посвящен съезд).

Парад кадет, вынос знамен, стройное пение молитв и традиционных песен доказали что кадеты, без различия возраста твердо помнят свой девиз «Помните, чье имя носите». Потрясенные виденным все присутствовавшие еще долго после команды «Разойтись» вполголоса обменивались впечатлениями, боясь нарушить торжественную тишину момента.

После парада и легкой закуски все участники съезда со своими семьями поехали в курортное местечко Сант-Адель поблизости от Монреаля, где был снят комфортабельный отель «Шантеклер» с многочисленными павильонами, разбросанными на склоне горы у чудного озера. Вечером банкет-ужин, прошедший с большим подъемом, на котором устроителям съезда были поднесены подарки от кадетских объединений из разных стран.

В понедельник 9-го августа было приступлено к деловой части съезда. Утром на общем собрании были прочитаны предвиденные программой съезда доклады, посвященные памяти Великого Князя Константина Константиновича.

Первый доклад посвященный биографии Великого Князя в отсутствие докладчика С. Дурилина, был прочитан председателем съезда В. Змунчилла. Затем слово было дано профессорам литературоведам П. Пагануцци и Н. Протопопову. Оба доклада на высоком академическом уровне красочно обрисовали шефа военно-учебных заведений как гуманиста-патриота, поэта-лирика и литератора писавшего под псевдонимом К. Р.

Основные доклады съезда закончились докладом Г. Лукьянова, инспекотра приходских школ при Синоде Русской Зарубежной Церкви, посвященным вопросам воспитательной и образовательной работы в русских школах, с призывом ко всем посильно включиться в эту работу. Все основные доклады напечатаны полностью в этом номере.

Следующие заседания были посвящены докладам с мест о жизни и работе кадетских объединений в разных странах. Г. Гуторович говорил о Бельгии и дал обозр кадетской судьбы в годы русской смуты. Доктор-инженер М. Каратеев прославившийся в зарубежьи историческими романами и исследованиями, приехавший впервые на кадетский съезд из далекого Уругвая поделился своими впечатлениями о съезде. А. Бертельс-Меньшой автор ряда научных статей по вопросам агрикультуры, рассказал с большим юмором о Бразильских делах. Очень ясно коротко и толково говорил о положении русских разведчиков в Калифорнии С. Мартынович. Много было приветствий съезду и красочных сообщений с мест, между которыми хочется отметить приветствие переданное съезду председателем Союза Кадетских Корпусов в Париже, Кадетом Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса Сулима.

Особое внимание съезд уделил нашему журналу «Перекличка», выбрав специальную комиссию для выработки рекомендаций по изданию, распространению и содержанию журнала. Комиссия рекомендовала ввести исторический, расширить литературный отделы журнала и привлечь к участию в журнале молодые силы из среды тех, кто заканчивает университеты по отделу русской литературы и истории. Эти начинания смогут, по мнению комиссии, увеличить число подписчиков, создавая этим более прочный финансовый фундамент для издания журнала.

Успешно проведенный съезд закончился грандиозным балом, на котором присутствовало около 300 человек. Делегацией кадет из Сан-Франциско, возглавляемой А. Громыко, председателем 4-го съезда съезду был поднесен серебряный кубок «Кадетской Дружбы». Во время переклички по корпусам, старший представитель вызванного корпуса поднимал этот кубок, наполненный вином, как символическую чашу единства и пригубив произносил «Кадет кадету друг и брат». На балу была разыграна лотерея, которая многих счастливцев обрадовала ценными выигрышами. А делегация из Венецуэлы воз-

главляемая председателем И. Гняздовским вызвала шумные одобрения всех присутствовавших своим решением устроить следующий съезд в 1978 году в приморском клубе «Порт Азул» в окрестностях Каракаса.

Неделя проведенная в милом «Шантеклере» была полна развлечений. В большом помещении бара отеля, после ужина встречались участники съезда на «вечерах кадетской дружбы», где в дружеской и веселой атмосфере под аккомпанимент неутомимых Г. Сапегина и Г. Левчука раскрывались недюжинные таланты одаренных участников съезда.

В среду 10-го августа состоялся прекрасный концерт. Известные певицы г-жи Сосье, Шамбо и Измайлова порадовали нас своим пением. Оказавшийся в Монреале, восходящая звезда Австралии бас-баритон Александр Васильевич Шахматов любезно согласившийся провести с нами вечер восхитил нас своим прекрасным голосом и изумительными артистическими способностями. С особенной теплотой было встречено выступление нашей поэтессы Нонны Белавиной-Миклашевской. Бурю восторга вызвало ее стихотворение, написанное ею на тему съезда, накануне самого концерта. В заключение балерина местного балета своеобразно исполнила восточный и цыганский танцы.

Устроители съезда не забыли и наших товарищей, которые, по воле Божией, никогда уже не будут участниками наших съездов. В дни съезда исполнилось сорок дней со дня смерти, так неожиданно оставившего нас секретаря Нью-Йоркского объединения Миши Михеева, шесть месяцев со смерти Коки Цабеля и почти год со дня кончины Жени Рубанистого, бывшего председателя Монреальского объединения, которому так и не пришлось руководить 5-ым съездом. Перед открытием собрания Нонна Белавина прочла тронувшее всех стихотворение и минутой молчания участники съезда помянули дорогих ушедших от нас друзей. Позже перед иконой св. Александра Невского была отслужена панихида.

Еще раз хочется поблагодарить В. Змунчилла умелого председателя съезда и деятельного организатора, неутомимого труженика А. Перекрестова, вездесущего Г. Левчука, успешно командовавшего и парадом и концертом, и с благодарностью вспомнить жертвенный труд истинного кадета покойного Жени Ляшенко. Им и всем тем здесь не упомянутым, кто потрудился на кадетской ниве глубокий поклон.

Этот 5-ый съезд войдет в нашу историю как Съезд-Объединитель, на котором утвердилось полное понимание между кадетами всех возрастов, окончивших корпуса еще в России и здесь за рубежом. Тот же дух, те же традиции, та же любовь к нашим кадетским гнездам и к Родине России.

Кадет Кадету друг и брат!

По поручению Редакции составил
Н. В. К.

Доклад прочитанный на съезде в Монреале

С. ДУРИЛИНЫМ.

Ваше Преосвященство, Ваше Высочество, дорогие гости, друзья и кадеты-однокашники!

ПОМНИТЕ ЧЬЕ ИМЯ НОСИТЕ!

Темой нашего съезда является девиз внедренный и носимый в наших сердцах: «Помните чье имя носите!», и поэтому я решил оставить его заглавием моего сегодняшнего доклада.

Таковым был девиз сопровождавший нас во время нашего пребывания в стенах родного корпуса; он же стал, затем, целью нашей, не всегда легкой, эмигрантской жизни вдали от родины. А свидетельством этому служит наш пятый съезд, здесь в Монреале, где девять лет тому назад — в 1967 г. состоялся первый почин, с легкой руки нашего однокашника Вали Мантулина, бывшего одним из главных инициаторов этой чудной идеи вылившейся теперь в традицию нашей кадетской семьи.

Но кто же является причиной всему этому — Наш Августейший Шеф В. К. Константин Константинович заложивший своей любовью, преданностью и интересом в воспитании русской молодежи — питомцев военно-учебных заведений Императорской России преданность и любовь к родному корпусу, воинской семье и девизу каждого истинно русского человека: «За Веру, Царя и Отечество», и исполнявших его до последнего своего издыхания во время I Мировой Войны и революции на полях России.

Мне, как представителю одного из младших выпусков нашего родного корпуса на чужбине, особенно дорогого, что старшие однокашники попросили меня сделать этот доклад — мне не бывшему никогда на нашей любимой родине, не видевшего ее величия и былой славы, не ощутившего всей прелести и красоты нашей дореволюционной России с ее чистосердечным хлебосольством и не испытавшего отеческой любви нашего любимого Шефа — Великого Князя, чьи инициалы мы с гордостью носили на своих малиновых погонах. Слушая рассказы наших воспитателей, читая воспоминания о встречах и впечатлениях бывших кадет, юнкеров и офицеров о нашем Великом Князе в кадетской и военной печати, я полюбил его всеми фибрами моей юной души и он для меня стал идеалом воплощающим все светлое и прекрасное нашей великой, а теперь многострадальной родины России.

В. К. Константин Константинович родился в городе Стрельна в 1858 г. Он былъ сыномъ В. К. Константина Николаевича — брата Царя Освободителя — Александра II, и был его верным помощником в реформах преобразований и правлений Империей. В. К. Константин Николаевич был высоко образованным и культурным человеком, также как и блестящим государственным деятелем.

В семейном кругу, где царила гармония любви, понимания и влечения ко всему чистому, доброму и прекрасному рос юный В. К. Константин Константинович. Вполне естественно, что его природные дарования имея такую благотворную почву развивались в обстановке взаимной любви и уважения с влечением к литературе, а в частности к поэзии и музыке, как и к театру тоже. Не даром В. К. сам о себе сказал, что:

«Я баловень судьбы. Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величию я призван...»

Он был прав назвав себя «баловнем судьбы». Все блага дарованные Господом пошли ему на пользу и он достиг желанной цели — быть полезным Государю-Императору и России. Свой крест служения родине наш Августейший Начальник нес безропотно, с достоинством присущим только членам

Императорского дома и с верой в промысел Божий. Этими истинно редкими качествами и своей доступностью он покорял сердца окружающих, не только обвораживая молодежь, но и взрослых и снискал любовь и уважение всех соприкасавшихся с ним. А эти любовь и уважение почти всегда переходили в обожание В. К. — человека весьма чуткого, прекрасного психолога — знатока человеческой натуры, умевшего затронуть правильные струны сложной человеческой души.

Его жизнь «выходила далеко за пределы семьи», пишет В. К. Гавриил Константинович о своем отце, «основное в его жизни было вне ее. Он принадлежал России...».

Отец В. К. был Генерал-Адмиралом, а поэтому семейная традиция требовала и от сына зачисления во флот. Следуя этой традиции и воле родителя В. К. Константин Константинович начал свою военную службу в Императорском Флоте. Ему пришлось участвовать в военных действиях Русско-Турецкой компании в 1877-78 г.г., где он проявил храбрость, находчивость и мужество, был представлен по статуту к пожалованию ордена Св. Георгия Победоносца 4-ой степени. Будучи во флоте В. К. побывал во время заграничного плавания, во многих портах мира, и между прочим, в Нью Йорке.

Но слабое здоровье В. К. дало себя знать — флотская служба полная напряжений оказалась не под силу Константину Константиновичу и Государь милостиво разрешил ему перейти в гвардию, в Измайловский полк, куда он был записан уже со дня своего рождения. В. К. получил командование ротой Его Величества уже будучи в чине штабс-капитана, к великому негодованию и недовольству Августейшего родителя.

Во время своей службы в Лейб-Гвардии Измайловском полку В. К. создал «Измайловский досуг» в августе 1884 г. и стал его вдохновителем. Он понимал что наш русский офицер не должен быть только служакой-солдатом, в полном смысле этого слова, вроде грибоедовского «Скалзуба», а ему следует быть образованным и культурным человеком. Кипучая натура и любовь к искусству одухотворили это прекрасное начинание, которое явилось, как бы продолжением семейных вечеров с домашними концертами, литературными выступлениями и любительскими спектаклями, но на сей раз, в его новой, горячо любимой военной семье.

«Досуг был встречен с некоторым недоверием», сообщает журнал **«Столица и усадьба»** за 15 фев. 1914 г., «со стороны

офицеров сомневавшихся, что возможно совмещать строевую жизнь офицера с занятиями литературы. Но время — лучший судья. Прошло 29 лет и Измайловский досуг развивался, он сплотил и сдружил полковую семью. Оказалось, что он вполне совместим с военной жизнью — служение красоте, любовь к литературе, музыке не мешают строевой жизни».

Досуг основанный во имя «Доблести, добра и красоты» доказал на деле, что при желании, интересе и работе всех участвующих, все возможно. Часто на «Досугах» принимали участие не только сами офицеры полка, но и известные поэты-писатели и музыканты-композиторы той поры, как Майков, Апухтин, Полонский и многие другие.

В 1900 г. произошло очень важное событие в жизни В. К. — состоялось Высочайшее повеление о назначении В. К. Константина Константиновича Главным начальником военно-учебных заведений, а затем несколько лет спустя Главным Инспектором этих же учебных заведений. Вел. Князю пришлось покинуть родной полк и стать воспитателем подростающей смены — нового поколения офицерского состава армии и флота Российской Империи.

Я предполагаю, что выбор Государя-Императора Николая Александровича, человека весьма чуткого, прекрасно образованного остановился на В. К. Константине Константиновиче, потому, что он знал своего дядюшку как высокообразованного и обаятельного человека любившего молодежь. «Досуг» же пользовавшийся интересом и любовью офицерского состава Измайловского полка подтвердил Императору, что Его выбор был правильным.

Следует заметить что члены Императорского дома назначались уже и ранее ведать образованием военно-учебных заведений. Впервые Император Александр I счел нужным назначить В. К. Константина Павловича председателем Совета военно-учебных заведений. На этом посту В. К. Константин Павлович оставался до своей кончины в 1831 г. Затем был назначен его брат В. К. Михаил Павлович Императором Николаем 1-ым, но уже начальником военно-учебных заведений. После его смерти в 1849 г. сменил его Наследник Цесаревич Александр Николаевич — будущий Император Александр II — Освободитель. По восшествию на престол Александра II, его заменил на этом посту В. К. Михаил Николаевич возглавлявший это важное дело до 1891 г. После него никто не был

назначаем до 1900 г., когда выбор пал на В. К. Константина Константиновича.

В. К. Константин Константинович в свою бытность молодым офицером переписывался со своей сестрой — королевой Эллинов — Ольгой Константиновной, и вот в этих письмах можно найти душевные переживания и чаяния В. К., которыми он делился со своей любимой сестрой.

Мы должны быть благодарными судьбе, что эта интимная переписка сохранилась до наших дней, а в частности для исследователей и историков. Эти письма дают нам возможность не только вникнуть в повседневную жизнь В. К. с ее трудностями, печалями и радостями, но также эти письма дают нам возможность осветить правильно все происшедшее. В случае же возможных или намеренных искажений враждебных нам историков-литераторов, желающих опорочить доброе имя России, мы можме вполне спокойно доказать свою правоту фактами.

Мне хочется поделиться с Вами, приведя несколько наглядных выдержек из этой переписки:

Письмо за 5 апреля 1899 г.:

— ... О назначении меня начальником военно-учебных заведений до меня ничего более не доходило, да и слава Богу — будущее от меня не уйдет...»

Письмо за 20 апреля:

« — ... В Страстную Субботу я услышал от Военного Министра что Государь желает вверить мне военно-учебные заведения, но предоставляет мне приняться за это дело после 200-летнего юбилея Лейб-Гвардии и Нарвского боя, т. е., в ноябре будущего года. И так это больше не тайна и не слух, а всем известная действительность. Я и рад и вместе с тем мне это как-то странно. Очень хочется мне занять эту должность и очень не хочется сдавать полк. А совместить и то и другое кажется невозможным...»

Письмо за 10 мая:

« — ... Ты угадала: должность начальника военно-учебных заведений как нельзя более мне по душе и я с радостью ее займу».

Письмо за 21 февраля 1900 г.:

« — ... новая должность меня пугает...»

Письмо за 6 марта:

« — ... Вот и состоялся приказ о назначении меня Главным Начальником военно-учебных заведений».

Письмо за 12 марта:

« — ... мне и радостно и страшно начинать новую деятельность, но я твердо надеюсь, что мои молитвы и молитвы других помогут мне справляться с трудной задачей...».

Письмо за 13 марта:

« — ... Был я в крепости, и молился у родных могил, а также у гробницы Михаила Павловича, одного из предшественников моих, по заведованию военно-учебными заведениями. Завтра вступаю в управление».

Письмо за 25 марта:

« — ... 15, вступил в управление... По утрам приемы или доклады в Главном Управлении, а дома бумаги и бумаги, но не как полковые, требовавшие бесчисленных подписей, а трудные, незнакомые, над которыми надо думать, в которые надо вникать... Сегодня я еду в Москву... Эти посещения доставляют мне очень большое удовольствие, — я люблю молодежь и детей. Теперь, под моей командой тысячи молодых существ, от 10-тилетнего возраста и до 20. Все они так весело смотрят прямо в глаза, приветливо улыбаются, чувствуешь их доверие и сознаешь что можно из них делать что хочешь, хотя бы веревки вить. Но дел у меня... положительно ни единой минуты для себя, а все бумаги и бумаги. И какое увлекательное дело...».

Да, таковой была задушевная беседа В-го К-зя со своей сестрой, Королевой Эллинов. Много интересного и поучительного можно было бы почерпнуть из этой переписки, но нас интересует вопрос о воспитании подростающей русской молодежи, а поэтому остановим наше внимание на этом вопросе. На этом благородном поприще начинает свою усердную и тяжелую работу наш Августейший Шеф.

В одном из своих стихотворений посвященном, иносказательно, ранней переписке со своей сестрой Ольгой Константиновной, Августейший поэт отдавая себя вдохновению музы говорит:

Измученный в жизни тревоги и зол,
Опять, моя радость, я душу отвел
С Тобою:

И на сердце вновь и светло, и тепло,
Как будто бы жаркое солнце взошло
Весною

а оканчивает В. К. свое поэтическое послание словами:

Тебе ж, моя радость, сказать я пришел
Спасибо за то, что я душу отвел
С Тобою!

И видно, как из переписки, так и из стихов В-го К-зя, как он дорожил этим, и как потребно было для него поделиться всем что творилось у него на душе, со своей любимой, но главное, понимающей его сестрой. Она умела не только слушать своего брата, но понимала его с полу-слова, а в нужный момент, своей чуткой и доброй душой, находила нужное-бодрящее слово для его наболевшей души.

А. Геринг в своей статье «Наш Отец и Воспитатель» появившейся в журнале **«Военная быль»** в кратких словах охарактеризовал положение военно-учебных заведений к моменту вступления В. К. Константина Константиновича на должность начальника этих заведений. Я позволю себе процитировать Вам, дорогие слушатели, эту прекрасно сформулированную выдержку нашего однокашника Геринга:

«Положение в военно-учебных заведениях, в тот момент, было чрезвычайно запутанное. Милютиновские реформы заглушили воинский дух, не подняв на ожидаемую высоту, учебную часть. Военные училища жаловались на недостаточную подготовку кадет. Каждый корпус представлял из себя, как бы самостоятельную вотчину директора и отсутствовала, какая бы то ни было, общая линия воспитания и руководства. В. К. горячо взялся за дело, лично объезжая корпуса и училища. В своем знаменитом приказе, от 24 февраля 1901 г., он изложил свой взгляд на воспитание юношества, в духе уважения к ЛИЧНОСТИ человека и его законному самолюбию:

«Поддерживая все свои требования со строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может оскорбить или унизить это достоинство. Только при этом условии, воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны быть

> — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направителями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону».

Таким образом, педагогические идеалы были выдвинуты на первый план и указаны к обязательному руководству.

Действительными, реальными мерами явилось учреждение в 1900 г-у Педагогических курсов для воспитателей, а в 1903 — для учителей. Было введено чтение воспитателями кадетам, лучших произведений родной литературы, для VI-VII классов рекомендовано устройство удобных и уютных читален, с газетами и журналами. Отменены многие прежние мелочные ограничения для кадет старших классов и юнкеров — наоборот, приняты меры к ограничению излишнего франтовства и материального неравенства внутри кадетской среды. Возвращение корпусам знамен, участие в воинских парадах и церемониях способствовало возрождению воинского духа среди кадет. Введено обучение стрельбе, улучшена постановка гимнастики и спортивного воспитания кадет. Для проведения в жизнь этих реформ и с целью объединения и освежения воспитательской работы, по мысли Вел. Князя, созывались съезды воспитателей, законоучителей и преподавателей корпусов. В 1907 г-у введены новые программы в Военные училища, с целью, как сказано:

> «приблизить военные знания юнкеров к воинской жизни и подготовить их к обязанности воспитателя и учителя солдат, и к роли руководителя, вверенной ему, малой части».

В 1909 г-у приступлено к пересмотру курса кадетских корпусов и введению новых программ. Наконец 13 февраля 1910 г-а, В. К., по собственной просьбе, был назначен Генерал-Инспектором военно-учебных заведений, что освободило его от массы канцелярской работы и дало возможность отдаться проверке, — как его требования проводились в жизнь.

В. К. Константин Константинович будучи еще ротным командиром, а затем командиром полка осознал нужду в воспитании солдат и об этом очень заботился требуя от своих подчиненных исполнения и приведения в жизнь всех своих требований. В своем стихотворении «Новобранцу» его стих освещает кратко и метко эту мысль:

«Теперь ты наш. Прости родная хата,
Прости семья! С военною семьей
Сольешься ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Усердием душа твоя богата,
Хоть дремлет ум, объят глубокой тьмой;
Но верность, честь, все доблести солдата
Тебе внушит отныне долг святой...».

Все эти качества нужно было прививать новобранцам, а делали это молодые офицеры, только недавно, окончившие сами юнкерские училища — без нужного опыта в этом деле. Поэтому и нужна была частичная ломка старого устава жизни военно-учебных заведений и обновления программ для исполнения этой трудной и важной задачи.

Теперь же ставши начальником этих заведений В. К. развивал свой давно продуманный план нужных нововведений для улучшения воспитания и обучения воспитанников кадетских корпусов и юнкерских училищ проводя его в жизнь. Ведь, строго рассуждая, между солдатом новобранцем и кадетом очень мало разницы, за исключением их возраста. Оба они вливаются неопытными членами в свою новую воинскую семью.

В. К. был глубоко религиозным человеком и считал что вера является важнейшим моментом и двигателем в жизни любого христианина. Не даром в народе говорится что «без Бога и не до порога», а поэтому В. К. считал что в воспитании молодежи следует тоже дать прочное основание в форме истинного русского православия. На религиозной основе человек становится честным, искренним, с чистым умом и сердцем. Имея это в виду В. К. добивался чтобы вся воспитательно педагогическая работа исходила из этого положения, прививая птенцам военно-учебных заведений религиозность.

Если же вспомним мы строки письма В. К. за 13 марта 1900 года, из его вышепирведенной переписки со своей сестрой, Ольгой Константиновной, то найдем там упоминание, что В. К. перед своим вступлением на должность начальника военно-учебных заведений съездил в Петропавловскую крепость помолиться у могил своих предков прося у Господа помощи в его трудной предстоящей работе. Августейший поэт в своем стихотворении «Молитва» описывает свои душевные чувства весьма красноречиво говоря:

«Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биением...»

В другом своем стихотворении он говорит:

« ... Я начинаю новый день мольбою:
Благослови меня!

Вот эти же чувства и чаяния Константин Константинович старается передать младшему поколению. Но молодежь, как молодежь, не видела нужды в проникновенном ознакомлении с Законом Божьим и освоении христианского подвига в жизни, за редкими исключениями, конечно. Это равнодушие к религии большинства питомцев побуждало В. К. очень часто в своих беседах с ними затрагивать этот больной, но важный вопрос. Он говорил им: «ведь вы ежедневно моетесь и заботитесь о своей внешней опрятности, тем более вы должны заботиться о чистоте вашей души: ежедневно читайте Евангелие и благоговейно проникайтесь его чтением.

Мысль свою он выразил простыми и наглядными словами поэта:

«Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.

Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются, —
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой».

Любовь к родной литературе и отечественной истории тоже прививалась кадетам с малых лет. С каким удовольствием и интересом мы слушали чтение ее нашими воспитателями, в свободные от уроков часы. А кто из нас не любит и по сей день перечитывать наших классиков?! При этом мы не только вспоминаем наше юношество, но и находим много нового — незамеченного в своей родной литературе и начинаем понимать более глубже быт и былое России. Наши ротные коридоры, классные комнаты, столовые, залы и корпусной музей с реликвиями, видами и картинами на батальные и исторические темы — весь наш корпус на чужбине являлся угол-

ком былой РОССИИ, того прекрасного, красивого, чудного мира канувшего в вечность для многих, но жившего в наших юных сердцах. Начало всему этому положил наш Августейший Шеф требуя от корпусного начальства прививать с ранних лет любовь своим питомцам к родиноведению, литературе и религии. Нашу любовь и знания о России, теперь, можем МЫ передать подростающему поколению — нашей смене, также как и поучать остальной мир правдивым освещением фактов о нашей многострадальной родине РОССИИ.

Я вполне уверен, что многие из нас, здесь присутствующие, сами испытали всю прелесть заученных нами наизусть стихотворений, а между ними одного начинающегося следующими словами:

«Растворил я окно — стало грустно невмочь,
Опустился пред ним на колени,...

Сколько прелести и силы в этих простых, проникновенных словах подписанных двумя скромными, но близкими нашему сердцу, инициалами — К. Р. Особенно теперь понятны нам следующие слова этого стихотворения — нам политическим изгнанникам:

« ... И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,...

Будучи еще малышами мы читали эти строки, быть может бессознательно, но, сейчас, когда мы умеем вникнуть в суть этих слов, как они нам понятны. Тогда же при чтении их — слова лились журча кристально чистым потоком и мы наслаждались внимая им.

Так закладывались необходимые культурные устои и традиции патриотического образования, даже и на чужбине, которые являются для нас ценнейшим кладом нашей жизни. Никакие земные богатства не могуту заменить этого вклада заложенного в тайниках нашей души воспитательским и педагогическим персоналом наших военно-учебных заведений, благодаря заботам и усердной работе Константина Константиновича.

В стихотворении посвященном нам КАДЕТАМ — В. К. говорит:

«Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой;
Ты не один — орлиная вы стая...

а далее наш Августейший начальник напоминает:

« ... Но подвиги и славные дела
Свершить лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд, и знанья, и усилья.

Чтоб мог, и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя
Пускай твои растут и крепнут крылья!»

В. К. став начальником военно-учебных заведений добился возвращения корпусам знамен и участия их в воинских парадах, и таким образом вводил и приобщал кадетские корпуса к воинской семье. Одним из наглядных примеров следует привести Первый Кадетский корпус праздновавший свой Корпусной праздник 17 февраля.

«В этот торжественный день весь корпус ездил в Царское Село для представления своему Державному шефу. В манеже Лейб-Гвардии Гусарского полка происходил всегда парад. После обхода начальствующими лицами кадетского строя все Августейшие бывшие кадеты Корпуса, Ген.-Инспектор Военно-Учебных Заведений и Главнокомандующий войсками выстраивались на правом фланге парада для встречи Государя-Императора. Директор Корпуса командует парадом — рапортует держа шашку «подвысь», а затем начинается обход строя по ротно Государем-Императором. После молебна весь Корпус перестраивается и проходит церемониальным маршем перед Царской ложей при Высочайшем присутствии Особ Императорской Фамилии. На правом фланге головного взвода проходят Военный Министр, В. К. Константин Константинович, В. К. Николай Николаевич и другие высшие начальники».

Из вышеприведенного отрывка из статьи Г. Бенземана, трогательного описания «Высочайшего парада», мы видим наглядно, что наш В. К. был не только начальником, но он считал себя частицей своего детища — нашей кадетской семьи, и принимал участие в общей жизни подчиненных ему заведений своим личным участием в ней.

Следующим примером мне хочется привести эпизод происшедший со старшим кадетом А. Лампе. Случилось это в один из отпускных дней зимой. Был солнечный день; отпускной, спускаясь с Полицейского моста повстречался с двумя младшими кадетами и со штатским господином. Младшие ка-

деты увидев Лампе отдали ему честь, как требует устав, которую он принял не без удовольствия, и продолжили свой путь. При этом ст. кадет Лампе заметил, что башлыки обоих кадет, хотя и были продеты под погонами, не были завязаны на груди положенным бантом, а завязаны «по пажески». Лампе нагнал удалявшихся кадет и сделал им замечание. Младшие кадеты довольно странно отреагировали на выговор, ничего не предприняв продолжили свой путь. Лампе озадаченный случившимся последовал за ними и вскоре увидел их, как они скрылись в подъезде Мраморного Дворца.

Кадету Лампе стало как-то не по себе. Он вспомнил, что совсем недавно кн. Иоанн Константинович был зачислен в Первый Кадетский Корпус. По возвращению из отпуска ст. кадет Лампе доложил о случившемся по начальству, которое растерялось услышав о происшедшем. Директор Корпуса незамедлил поехать к В. К. с рапортом и извинением. В. К. Константин Константинович, к великому удивлению начальства и общему ликованию кадет, решил все дело по-кадетски. В. К. сказал директору, что он, в данном случае, не видит ничего плохого в замечании старшего кадета младшему, а поэтому какие-либо извинения излишни. Можете себе представить, как поднялся авторитет В. К. в кадетской среде. Да, Наш Августейший Шеф понял кадет и решил дело по-кадетски.

Последним примером мудрого и отеческого подхода В. К. в работе с юношеством мне хочется пересказать случай, рассказанный Ее Высочеством Верой Константиновной о кадете Середе. Сей кадет за «тихие успехи и громкое поведение» был выставлен из двух корпусов. Выхода не было, и он решил поехать в Павловск и увидеть В. К. Швейцар его не пустил к В-му К-зю, а поэтому он отправился на разведку, пробрался в сад, залез на дерево и увидел В. К. читающим в своем кабинете. Не долго думая, он проник туда. Услышав шорох В. К. поднял голову и увидел перед собой Середу, которого он сразу же узнал, и спросил:

— «Середа, ты здесь что длеаешь?»

Середа сильно заикаясь, ответил: «Ввв-аше Иии-мператорское Вввысочество — вввыперли!»

— «Так», сказал В. К. — «Что же ты теперь думаешь делать?»

На это Середа, не задумываясь, воскликнул: «Ввв-аше Иии-

мператорское Ввв-ысочество — думайте В-в-ы!»

В. К. подумал и шалун был назначен в Одесский Кадетский Корпус, который кончил, впоследствии вышел в кавалерию. Во время 1-ой Мировой войны он отличился, заслужил Георгиевский крест и пал смертью храбрых.

Вот каковым был наш Августейший Шеф. Каждый из выше приведенных эпизодов освещает натуру Константина Константиновича по разному, сперва как начальника, затем как педагога-психолога, и наконец как отца-воспитателя.

Заветы внедряемые с малых лет в юные сердца подростков пустили благородные ростки. Годы Первой Мировой Войны, затем революции с эмиграцией, и Второй Мировой Войны с ее последствиями показали на деле, что чаяния нашего дорогого воспитателя Августейшего Шефа исполнились — его питомцы доказали своей доблестью и жертвенностью в сражениях с нашим главным врагом — большевиками. Царство Вам небесное, дорогие кадеты убиенные или замученные нехристями — Имена же Ты их веси!

Господь пославший нам великое испытание оградил нашего В. К. Константина Константиновича от всех ужасов надвигающейся революции и избавил его быть свидетелем величайшего предательства, позора и исчезновения великой империи с ее идеалами, которые он старался привить кадетам — своим птенцам — подростающей смене. 2-го июня 1915 г. он тихо угас в своем Павловском дворце, оплакиваемый всеми.

Недавно, работая в одной из здешних библиотек, совсем случайно я обнаружил одно мало известное стихотворение, написанное Роговичем по случаю кончины нашего Августейшего Начальника. Мне хочется прочесть его Вам дорогие слушатели:

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
В. К. КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
(8 июня 1915 г.)

Темный, высокий собор...
Чинно идет погребенье...
Клироса тихое пенье
Льется как ангельский хор...

«Вечную память» поют...
Золотом блещут палаты...
Пушек глухие раскаты:
Славы последний салют.

Лишними здесь почему
Кажутся пышность и громы?
Были иные знакомы
Дивные звуки ему:

В сердце жила благодать,
Князю с сияньем порфиры
Отзвуки нежные лиры
Было дано сочитать.

Песни его повторяют,
Скажут, прочтя его снова:
В творчество русского слова
Сделал он Царственный вклад!

Ко всему сегодня сказанному следует еще упомянуть, что в то время когда исторические события мелькают перед нами молниеносным калейдоскопом, когда США празднуют свое двухсотлетие существования, наш пятый съезд должен тоже отметить столетний юбилей! Точно сто лет тому назад, во время своего заграничного, кругосветного путешествия, в 1876 г. В. К. Константин Константинович, будучи молодым морским офицером, побывал в Нью Йорке — Новом свете, куда сто лет спустя, волею судеб, забросило и нас, его воспитанников, и где мы обрели наш новый кров и приют.

Тяжко нам изгнанье!
Только унованье
В милости Творца
Да любовь к Отчизне
Смысл дает нам в жизни
Веру до конца!

говорит поэтесса графиня С. Граббе в своем стихотворении «За Веру, Царя и Отечество», мне же хочется закончить этот доклад словами нашего Авгуустейшего поэта и шефа:

« ... Ныне ж одно только на сердце бремя
Незаменимых потерь...
Где это доброе старое время,
Где это счастье теперь?»

Сергей Дурилин
кадет XXVII вып.
ПРВКККК.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

«К. Р. — ПОЭТ, ГУМАНИСТ И РУССКИЙ ПАТРИОТ».

Доклад прочитанный на Обще-кадетском Съезде в Монреале
ПАВЛОМ ПАГАНУЦЦИ.

На мою долю выпала почетная но и не легкая задача: познакомить вас с лирикой великого князя Константина Константиновича, сделать литературную оценку его произведений и, в достаточной мере, осветить личность К. Р., как гуманиста и русского патриота!

А поэт Конст. Конст. — «трудный» т. к., кроме двух книжек его стихов, драмы «Царь Иудейский» и небольшого сборника воспоминаний, нет у нас зарубежом почти что ничего: нет ни одного автографа, нет и ценных дневников в. князя, как и его эпистолярного наследия. И, несмотря на то, что между нами находится дочь августейшего поэта, княжна Вера Константиновна, сведения о жизни К. Р. полны пробелов, а особенно в конце 70-х, в начале 80-х годов.

Все литературное наследство Конст. Конст. осталось там, у нас на родине, и стало теперь достоянием советских критиков. И только, сравнительно, недавно начали появляться работы с упоминанием имени вел. князя в связи с забытыми и вновонайденными письмами Достоевского, подтверждающие взаимоотношения и дружбу совсем юного Константина Константиновича с великим писателем земли русской!

Лирика К. Р. уходя своими корнями к традиции Пушкина, Лермонтова, и, до некоторой степени, к романтизму Жуковского, появилась во время ожидания «гроз и бурь» и начала буйного расцвета декадентства, символизма и модернизма в русской поэзии.

В период начала литературной деятельнотси К. Р., т. е. приблизительно, с восьмидесятых годов прошлого столетия, начался в России и революционный разгул. Константин Конст. происходил из царского рода, приходился внуком имп. Николаю I и был военным. Как раз в это время, в связи с революционным брожением в России стало заметным отчуждение между русскими людьми, носившими военный мундир и граж-

данский сюртук. Революционная интеллигенция «крестила» всех лиц носящих офицерские погоны «отсталой военщиной», а последние не оставались в долгу и презрительно называли штатских «шпаками», против чего вел. князь всегда боролся!

Распропагандированная часть интеллигенции последних десятилетий прошлого века не желала и знать — какой вклад сделала эта «военщина» в ризницу русской культуры! Ведь к ней принадлежали: СУМАРОКОВ, кому выпала честь основать при Первом Кад. Корпусе — Российский Императорский Театр; поэт-гусар ЛЕРМОНТОВ, чей гений блестящим метеором осветил небо России, чтобы затем превратиться в звезду-путеводную буквально для всех поколений русских поэтов и писателей. И даже сам «лев» русской литературы — ТОЛСТОЙ, хотел походить на Лермонтова. Не забудем также, что и великий Пушкин стремился в гусары, да помешали домашние обстоятельства! А Преображенец МУСОРГСКИЙ, моряк РИМСКИЙ КОРСАКОВ, или проявивший чудеса храбрости в Турецкую кампанию писатель ГАРШИН?

И последними из могикан в этой плеяде замечательных русских военных людей, обогативших сокровищницу русской культуры, были в. кн. Конст. Конст. и, расстрелянный без суда Троцким, георгиевский кавалер, поэт-акмеист ГУМИЛЕВ! (Мой список, конечно, далеко не полный!).

Еще во второй половине прошлого столетия известный литературный критик ВИСКОВАТОВ, справедливо упрекал МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ(в стенах которого ЛЕРМОНТОВ учился) в том, что этот главный храм РУССКОЙ НАУКИ не предпринял ничего для увековечения памяти величайшего нашего поэта. Сделали это военные в лице доблестного генерала БЕЛЬДЕРЛИНГА, начальника ГВАРДЕЙСКОЙ ШКОЛЫ — (НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ), основав при училище ЛЕРМОНТОВСКИЙ МУЗЕЙ!

Жизнь и характер каждого писателя, а в особенности поэта, не может не отразиться в их произведениях и не повлиять на творчество. А поэтому прежде чем перейти к литературной оценке произведений К. Р. попытаемся, по мере возможности, пользуясь крупными штрихами, восстановить как можно рельефней его духовный облик, как человека, гуманиста и русского патриота, стараясь пользоваться малоизвестными для нас материалами, и не говорить о том, что всем давно знакомо!

Родившись в семье, где умственные и культурные интересы

были на завидной высоте, великий князь получил прекрасное образование под руководством лучших педагогов, что и способствовало развитию его природных дарований в области литературы, критицизма, педагогики, театра и музыки. Кроме того был К. Р. и хорошим переводчиком иностранных произведений как и знатоком искусства.

От своих родителей Конст. Конст. унаследовал и многие высокие моральные качества, развившиеся в нем до предела.

> «Скромный, добросердечный, простой в обращении, доброжелательно расположенный к людям, независимо от их положения — таким в душе и памяти запечатлелся общий облик К. Р.» одному из его последних издателей.

> «Это был искренний и добрый молодой человек, поразивший моего мужа пламенным отношением ко всему прекрасному»,

писала в своих мемуарах вдова Достоевского о 22-хлетнем вел. князе. Далее она сообщала, что

> «ни одно, из доброй тысячи сочувственных писем, по поводу смерти великого писателя, не поразило ее и не растрогало так, как письмо Конст. Константиновича, посланное из Неаполя с фрегата «Герцог Эдинбургский».

Познакомился Конст. Конст. с Достоевским 21 марта, 1878 года в доме в. князя Сергея Александровича и с этих пор между ними установилась дружба:

> «С молодым князем у моего мужа, несмотря на разницу лет, установились дружеские отношения, и он часто приглашал мужа к себе побеседовать с глазу на глаз...»,

писала Достоевская.

Конст. Конст. отвечал писателю тем же, и как то занес в свой дневник следующее:

> «Я люблю Достоевского за его детское и чистое сердце, за глубокую веру»!

Но, вот Достоевский пошел посмотреть на казнь Млодецкого, террориста, совершившего покушение на министра внутр. дел графа Михаила ЛОРИС МЕЛИКОВА (умер в 1888 году) и вел. князь, возмутившись, заметил в дневнике:

> «Достоевский ходил смотреть на казнь Млодецкого, это мне не понравилось, мне было бы отвратительно сделаться свидетелем такого бесчеловечного дела»!

По всей вероятности Константин Конст. не питал никакой симпатии к маньяку-революционеру, но с моральной точки

зрения считал, для всякого культурного человека недопустимым присутствовать на такого рода зрелище из чистого любопытства (Достоевский позднее объяснил причину своего поступка).

Для нас важно также мнение о вел. князе писателя Гончарова в его письме к Фету:

> «У него в натуре так много задушевной искренности, сочувствия и любви к людям»!

И недаром в одном из писем к своей сестре, греческой королеве, вел. князь писал:

> «Любить мне не трудно, и не любить я не могу! А любовь плодит только одну любовь».

А в «Царе Иудейском» поэт идет еще дальше:

> «Где любовь, там смерть побеждена»!

В приемной Константина Константиновича, в Мраморном дворце, можно было встретить наряду с важным администратором — скромного волостного писаря, наряду с ученым академиком — простого сельского учителя, наряду с известным писателем — трепетную гимназистку, вспоминал один из современников К. Р.

> «Вообще он был стоик, очень выдержан. Никогда не сердился, всегда был спокоен. Не торопился, не волновался. Совсем не похож на других людей».

Таким представляла своего августейшего отца, его старшая дочь, игуменья Тамара.

Имя Конст. Конст. было популярным во всех слоях русского общества, и даже во враждебной к престолу среде: у революционно настроенных рабочих. Во время железно-дорожной забастовки в революцию 1905 года для поезда вел. князя было сделано забастовщиками исключение: комитет дал инструкции пропустить великокняжеский состав без замедления.

Отец К. Р., вел. князь Константин Николаевич сыграл важную роль в освобождении крестьян, добился отмены телесных наказаний во флоте и слыл большим либералом. К нему нередко обращались Тургенев и другие писатели с просьбой помочь облегчить участь некоторых лиц замешанных в революционной деятельности, и, по доброте своего сердца, великий князь часто это и делал.

Просмотрев записи в дневнике Тургенева о Константине Николаевиче, и записи вел. князя об авторе романа «Дым»

(Из-за которого у Тургенева произошел полный разрыв с Достоевским в 1867 году), я пришел к заключению, что они далеко не в пользу Тургенева. О Константине Константиновиче также закрепилась молва, существующая еще до сих пор заграницей, об его крайнем либерализме. Но теперь, когда в России открыт доступ к его дневникам и другим бумагам, мы видим насколько это неверно. Несомненно, вел. князь стоял в стороне от политики, но никаких симпатий к социалистам и левым никогда не питал и нигде не проявлял. Это ясно видно из его записей в дневнике, в период первой, провалившейся революции. Он наоборот сетует на вялость администрации и высших военачальников по усмирению мятежа, возмущается ходатайством академиков о помиловании за акт терроризма директора музея в Чите... А, по свидетельству, известного советского литературоведа Л. Гроссмана: «Негодует, как смел мерзавец Петрункевич требовать амнистии политическим, а кроме того мечтает послать в Варшаву нового Муравьева».

Особенно любил Константин Константинович русского солдата, этого незаметного героя, просто и скромно совершавшего невиданные в истории подвиги! А позднее эту свою любовь он перенес на русскую молодежь: питомцев кадетских корпусов и военных училищ. Но этот вопрос не входит в рамки нашего доклада. Родился в. князь вскоре после того, как отгремели последние выстрелы в осажденном и израненном СЕВАСТОПОЛЕ, и, быть может нигде и никогда русский солдат не проявил столько мужества и самоотверженности, как в СЕВАСТОПОЛЬСКУЮ СТРАДУ. И чтобы меня не упрекнули в преувеличении предоставим теперь слово Льву Толстому, который участвовал в обороне Севастополя на одном из самых опасных участков: на 4-ом Бастионе. Вернувшись из Крыма в Россию Толстой остановился у Тургенева и вот что он рассказал ему и поэту Некрасову:

«Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов объезжая войска, вместо — «Здорово ребята» — говорил — «Ребята! Умрете»?

И это был не эффект... Раненый солдат, почти умирающий, рассказывал мне, как они брали французскую батарею и их не подкрепили, он плакал навзрыд! Рота моряков чуть не взбунтовалась из-за того, что их хотели сменить с батареи на которой они стояли 30 дней под бомбами! Что же заставляло их так поступать? Это чувство редко про-

являющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине
души каждого, — любовь к родине»,

закончил свой потрясающий рассказ Толстой. Надо упомянуть, что в те времена и его подозревали в «популяризации военщины», а Некрасов считал, что Толстой «еще до сих пор не изжил следы барского и офицерского влияния».

И можно ли было не полюбить такого солдата, да еще с таким любвеобильным сердцем, и вел. князь всей своей благородной душой привязался к русскому солдату и полюбил его. В сборнике военных стихотворений под заглавием «В СТРОЮ», СПБ., 1915, посвященных лагерным стоянкам под КРАСНЫМ СЕЛОМ, товарищам-офицерам, полковым маневрам, много теплых и задушевных слов уделено РУССКОМУ СОЛДАТУ, и сколько в них таится СОЧУВСТВИЯ и ЛАСКИ:

«Умер бедняга! В больнице военной,
Долго родимый лежал...»

И, с чисто отеческой заботой, несмотря на свои 27 лет, вел. князь сетует на тяжесть разлуки новобранца с родным гнездом:

«Рано его от семьи оторвали,
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали,
Трудно пером описать»!

Стихотворение это сыграло важную роль в деле урегулирования солдатских похорон. В стихах К. Р. как бы критиковал существующий неприглядный порядок обряжения умершего солдата в старый мундир, после чего дроги с телом умершего

«Старая кляча, знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла лишь дойти:
Взводу до первого лишь поворота
Надо за гробом идти».

В последних строках К .Р. явно перекликается с ЛЕРМОНТОВЫМ. У К. Р.:

«Спи же товарищ ты наш одиноко!
Спи же, покойся себе,
В этой могилке, сырой и глубокой!
Вечная память тебе»!

А у ЛЕРМОНТОВА в «Рядах стояли безмолвно толпой»:

«Прощай наш товарищ, недолго ты жил,
Певец с голубыми очами,
Лишь крест деревянный себе заслужил,
Да вечную память меж нами».!

После публикации этого стихотворения была учреждена специальная комиссия с участием вел. князя, и солдатские похороны

> «были обставлены торжественностью, которая приличествовала носимому воином высокому званию — защитника родины».

А слова этого стихотворения разнеслись по всей матушке-России. Как-то раз, приехав в Москву и отправившись погулять на ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ (теперь оскверненные именем Ленина) августейший поэт услыхал звуки песни, которую с чувством исполнял, под аккомпанемент «венской трехрядки» какой-то фабричный. Подойдя ближе К. Р. ясно разобрал слова его стихотворения:

«С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смышленный, живой...»

Желание поэта сбылось: его баллада, кем-то переложенная на музыку, песней потекла по всей великой стране, и, даже по признанию советского критика Благого, получила широкое распространение по всей России.

В другом стихотворении «ПЕРЕД УВОЛЬНЕНИЕМ» К. Р. дает нам понять, что в строю, в роте жил он собственно не своей жизнью, а интересами вверенных ему солдат:

«Я с ним делил и радости и горе,
А он — печаль в моем прочтет ли взоре,
Которым я взгляну ему во след»?

И нередко в своих военных стихах сокрушался К. Р. о тяжелой солдатской доле вследствии полной оторванности от родной семьи, и эти мысли ясно выражены в стихах «УВОЛЕН».

Ввиду того, что некоторые черты характера вел. князя, как, например, его патриотизм, любовь к родному северу и т. д. неразрывно связаны с его ТВОРЧЕСТВОМ, то теперь мы и перейдем к разбору его произведений.

Хотя ТХОРЖЕВСКИЙ и считает, что трагедия в стихах «ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ» надолго сохранит имя К. Р. в русской литературе, Константин Константинович, по преимуществу, **поэт-лирик.** Его стихотворения начали появляться в период, когда чистая поэзия, стремившаяся остаться классической,

явно начала слабеть и «единственным властителем дум остался только Тютчев — полусимволист»!

Кое кто из критиков-любителей считает К. Р. преемником ФЕТА-ШЕНШИНА, с которым вел. князь был довольно дружен, переписывался и посвятил ему несколько стихотворений. И, действительно, в своем предсмертном сборнике «ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ» Фет как бы завещал К. Р. нести дальше поэтический факел:

«Трепетный факел, — с вечерним мерцанием
Сна непробудного чуя истому, —
Немощен силой, но горд упованием,
Вестнику света сдаю молодому»!

А в стихах обращенных Фету, вел. князь призывал умирающего поэта:

«Своей дряхлеющей рукой
На трудный путь благослови»!

ШЕНШИН-ФЕТ был действительно крупнейшим русским поэтом и, испытав на себе влияние поэтической музыки Лермонтова *), довел русскую ЛИРИКУ ДО ПОЛНОГО СОВЕРШЕНСТВА. Но человеком он был совершенно другого закала и морали, чем К. Р., начав жизнь свою жертвой первой любви ради материальных благ и закончив ее самоубийством: «Бог, идеал, вера...» — не для Фета, выразился про него один из лит. критиков.

Корифеи русской литературы предсказывали Константину Константиновичу блестящее будущее на литературном поприще. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

«Провидел в юном вел. князе истинный поэтический дар и выражал сожаление что, он избрал, по примеру отца, морскую карьеру, тогда как...»

по мнению Достоевского

«...его деятельность должна была развиваться на литературной стезе...»

ЧАЙКОВСКИЙ также считал вел. князя талантливым поэтом, а писатель ГОНЧАРОВ сообщал ФЕТУ:

«У него так много страстности к поэзии, что он может стать образцовым лириком, если условия его быта не задержат роста его таланта и сил...»

К сожалению, для ценителей русской поэзии, талант К. Р.

*) Который "разгорячил кровь русской поэзии" и вывел ее из состояния Пушкинского равновесия.

не смог развиться до предела, так как морская служба, заграничные плавания, забота о солдатах в полку, Царско-Сельские лагеря, и, наконец, педагогическая деятельность, в которую вел. князь ушел с головой последние 15 лет своей жизни, мало способствовали поэтическому вдохновению, отгоняли от него музу и мешали целиком использовать Богом данный дар:

«Глаголом жечь сердца людей»!

К величайшему нашему сожалению интерес к печатному русскому слову, которое, между прочим, осталось единственным нашим оружием в борьбе за сохранение своей национальности, среди русского младшего поколения — нашей смены — очень мал! И имя автора стихотворений под инициалами К. Р. разве что известно в бывшей военной и кадетской среде!

Но ничего не поделаешь: «американизация» большинства нашей молодежи идет быстрыми темпами, а с ней и полное непонимание отечественной литературы и истории. И не даром еще вещий Державин на смертном одре, уже хладеющей рукой, успел записать следующие несколько строк:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей,
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей!

МУЗА К. Р. примыкает к ПОЭЗИИ ЧИСТОГО ИСКУССТВА, а его ЛИРИКА не поддается суждению холодного рассудка, быть может противоречит иногда анализу современного подхода к поэзии, но в ней есть что-то неуловимое, недосказанное, то, что мы встречаем и у ЛЕРМОНТОВА (напр. в «Русалке») какая-то загадочная прелесть, в которой как раз и должна крыться заманчивость всякой поэзии. Константин Константинович в совершенстве овладел искусством удачно ИЗОБРАЖАТЬ СОДЕРЖАНИЕ своих произведений и придавать им ИЗЯЩНУЮ ФОРМУ. Был он всегда противником всякой ПОШЛОСТИ и БАНАЛЬНОСТИ в поэзии и не любил облекать в стихотворную форму ЗЛОБОДНЕВНОЕ ПРОЗАИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ!

Великому князю прекрасно удавались ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕЙЗАЖИ, что было и отмечено ЧАЙКОВСКИМ, который написал на стихи К. Р. ШЕСТЬ РОМАНСОВ, посвятив их АВТОРУ, а также хор на слова К. Р.

Кто из любителей музыки не помнит певучих мелодий «МНЕ СНИЛОСЬ», «СИРЕНЬ», «ПОВЕЯЛО ЧЕРЕМУХОЙ», «ПЛЫВИ МОЯ ГОНДОЛА», «КОЛОКОЛА» и др.

Из лирических пейзажей К. Р. литературные критики отмечают на первом месте:

«Отцветает сирень у меня под окном
Осыпаются листья пушистые...
Уж пахнуло, повеяло летним теплом,
Гуще зелень берез, солнце знойным лучом
Золотит их стволы серебристые...»

Я же лично больше ценю и люблю другое стихотворение, которое дышет глубокой любовью к русскому СЕВЕРУ и прелестно своей неподражаемой простотой:

«Вчера мы ландышей нарвали,
Их много на поле цвело,
Лучи заката догорали,
И было так тепло, тепло!
«Обыкновенная картина:
Кое где березовый лесок,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песок»!

Не будем на этом месте касаться двух, всем известных, хватающих за душу и щемящих сердце нам, изгнанникам родины, стихотворений:

«Растворил я окно, — стало грустно не в мочь, —
Опустился пред ним на колени...»

и «КОЛОКОЛА».

Вел. князь Константин Константинович был сыном СЕВЕРА, и никакие «райские» пейзажи юга не могли заменить ему «кудри белые русских берез». В одном, так наз. «венецианском» стихотворении он восклицает:

«Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину туда,
На север где теперь, согретая весною
Душистая черемуха цветет».

Тут К. Р. опять таки перекликается с Лермонтовым:

«Нет! И под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах
И в граде Рима многолюдном,
Все будешь ты в моих очах»!

Обращаясь к своим ИЗМАЙЛОВЦАМ в письме «с чужбины далекой» Конст. Константинович пишет:

«Стосковалась по России
И по вас душа моя,
Надоело заграницей
Киснуть по чужим краям,
Обернутсья мне бы птицей
Да лететь скорее к вам»,

На Север родимый, на родину поэта!

А вот еще две замечательных картины природы, в которых сквозит какой-то, просто, религиозный восторг:

«Я в широкое сбегаю поле,
Где волнуется нива кругом,
Где хлеба дозревают на воле,
Наливается колос зерном.
«Где кружится рой пчел золотистый,
Копошатся привольно жуки,
Где пестрея во ржи колосистой,
С алым маком цветут васильки».

или в другом месте:

«Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные,
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные».

Но как только поэт переходит к описанию осенних пейзажей, картин прощальной улыбки природы, в ожидании сурового зимнего сна, в его лирике начинает сквозить все больше и больше грустных ноток, и больно в сердце отдаются «красок осени уборы», хотя поэт и находит, что «наша осень полна обаянья»:

«Зарумянились клен и рябина,
Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина
Что спалит ее первый мороз.
Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотят,
И последние дни доживая
Сохраняют зеленый наряд».

И дальше уже появляются признаки грусти за уходящим теплом и летом:

«Пронеслись мимолетные грезы,
Беззаботные минули дни!
Словно осенью листья березы,
Незаметно умчались они».

И чтобы понять эту лирическую грусть К. Р., навеянную увяданием природы, необходимо упомянуть о замечательной статье историка Ключевского «ГРУСТЬ»:

«Всмотритесь в какой угодно пейзаж русской природы», — пишет Ключевский

«Он не весел, а грустен»...

А разве этого мы не находим и у К. Р.:

«Пускай все это и уныло,
И некрасиво и бедно,
Пусть хорошо все это было
Знакомо нам давным давно,...»

или «Осенней красою любуются взоры,
И радость в душе и печаль:
Нас радужно-пестрые тешат узоры,
И листьев опавших нам жаль...»

и еще одно: И пока не навеяло снега
Ледяное дыханье зимы,
Нас томит непонятная нега,
И печально любуемся мы».

И, наконец в «ПОСЛЕДНЕЙ СТАЕ ЖУРАВЛЕЙ», написанной под впечатлением возвращения из Шамордина в имение ПРЫСКИ в конце сентября 1901 года, поэт уже говорит о приближении смерти, которая, быть может, своим КРЫЛОМ уж ВЕЕТ НАД НИМ:

«Последней стаи журавли
Под небом криком прозвучали
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.
Как знать. Невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без бою...»

И вот такие лирические вспышки грусти КЛЮЧЕВСКИЙ считает чисто русской национальной чертой.

Один из довоенных критиков как-то заметил, что в своего рода стихийной тяге к ГАРМОНИИ СТИХА следовало искать

причину известного ПОЭТИЧЕСКОГО ОБОГОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, которому он посвятил свою известную КАНТАТУ, выбранную на тайном конкурсе Р.И.А. Наук, в связи с празднованием СТОЛЕТИЯ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА. Композитор ГЛАЗУНОВ написал на слова произведения музыку.

Касаясь в кантате поэзии Пушкина, великий князь восклицает:

«Его уж нет, — но дивных песней
Не позабыть сердцам людей:
«Они звучат нам все прелестней
И все их трогают живей»!

Небольшой цикл стихотворений ПОСВЯЩЕН КОНСТАНТИНОМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ ВЕНЕЦИИ, где он побывал моряком, а потом во время свадебного путешествия, и среди них прелестнейшая БАРКАРОЛЛА:

«Плыви моя гондола
Озарена луной
Раздайся баркаролла
Над сонною волной».

И перечитывая теперь «ВЕНЕЦИАНСКИЕ СТИХИ» вел. князя, я невольно опять переношусь на те места, на которых мне посчастливилось побывать летом 1975 года:

«Под мóстом вздохов проплывала,
Гондола позднею порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.

. . . .

Безмолвна мраморная арка,
Безмолвен сумрачный канал,
Крылатый лев Святого Марка,
Сном вековечным задремал»!

или:

«Мимо палаццо мы дожей,
Мимо Пьяццеты колонн,
Плыли с тобою.... О Боже,
Что за чарующий сон...»

Относительно драмы «ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ уже было упомянуто в начале этого доклада, и представляет она собою самое значительное произведение К. Р. В этой РЕЛИГИОЗНОЙ МИСТЕРИИ АВТОР ПОКАЗАЛ НЕ ТОЛЬКО СВОЙ

ТВОРЧЕСКИЙ ТАЛАНТ, но и ГЛУБОКУЮ ВЕРУ, как и большое знание ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ. Таким образом значение «ЦАРЯ ИУДЕЙСКОГО» отмечено не только одними литературными достоинствами, но и ЧИСТОТОЙ НАСТРОЕНИЯ И ЧУВСТВ АВТОРА.

ДРАМА-МИСТЕРИЯ напоминает нам о последних днях земной жизни и страданиях Господа нашего, Иисуса Христа, и, по рассказам очевидцев, присутствовавших на ее исполнении, оставляет неизгладимое впечатление на зрителей. Этим и объясняется факт постановок «Царя Иудейского» даже в первые годы большевицкой революции, в Петрограде, Москве и Киеве. Насколько нам известно, за рубежом не было сделано ни одной попытки исполнить это исключительное произведение К. Р.

Первый раз «ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ» был поставлен на сцене Императорского Эрмитажного театра в январе 1914 года в присутствии государя и членов императорской фамилии. Константин Константинович исполнял одну из главных ролей — богатого ученика Иисуса Христа — ИОСИФА АРИМАФЕЙСКОГО уступившего, как известно, приготовленную для себя гробницу, для тела Спасителя. Тому, кто имел возможность побывать в Иерусалиме, содержание драмы представляется гораздо ясней. Римский император Адриан в 135 году, перестраивая Святой город, разрушил скалу, в которой было похоронено тело ХРИСТА (сохранился только камень, которым был завален вход: КАМЕНЬ АНГЕЛА), а на ГОЛГОФЕ поставил капище ВЕНЕРЫ, отчего она и сохранилась в целости, как и пещеры — гробницы Никодима и Иосифа Аримафейского.

Разбор литературной деятельности К. Р. был бы не полным, если бы мы не упомянули его знаменитых ИЗМАЙЛОВСКИХ ДОСУГОВ, при Лейб Гвардии ИЗМАЙЛОВСКОМ ПОЛКУ, имевших целью знакомить офицеров полка с произведениями русских писателей, поэтов, композиторов, как и читать друг другу свои собственные литературные произведения и пробовать музыкальные таланты. Первое собрание ДОСУГОВ состоялось в ноябре 1884 года, и великий князь был бессменным председателем кружка. Кульминационным пунктом деятельности ДОСУГОВ как раз и была постановка «ЦАРЯ ИУДЕЙСКОГО» перед мировой войной.

Последний ИЗМАЙЛОВСКИЙ ДОСУГ состоялся уже на фронте, вскоре после кончины великого князя и был посвящен его памяти.

Уже в изгнании, старейший измайловец, полк. ДАНИЛЬЧЕНКО, несмотря на тяжелую работу и большие материальные затруднения, выпустил в Нью Йорке несколько машинопечатных номеров «ИЗМАЙЛОВСКОГО ДОСУГА».

Имя К. Р. отмечено также в аналах ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИЦИЗМА. К сожалению до нас почти что ничего не дошло из его статей и других работ с отзывами по поводу разных стихотворных сборников и других подобных произведений. А великий князь был критиком тонким, чутким и строгим. Приведем, для примера, часть из одного стихотворения, выделенного К. Р. «Как должное прекрасному»:

«Любовь — мечта, любовь мгновенье,
Звезда блеснувшая вдали.
Любовь — волшебное виденье
Тоской измученной земли.
. . . . . .
Любовь-восторг пред ярким светом,
Луч рая в сумраке могил.
Лишь тот был счастлив в мире этом,
Кто был любим, и кто любил»!

Талант Константина Константиновича был разносторонним, что редко сочетается в одном человеке. Будучи, по природе, очень музыкальным, он прекрасно играл на рояле и других инструментах. А когда знаменитый Йоганн Штраус приезжал в Россию и стоял за дирижерским пультом в Павловске и Царском Селе, вел. князь играл в оркестре на виолончели. Кроме того К. Р. сам написал ряд романсов и других музыкальных композиций.

Широкий круг деятельности вел. князя Константина Константиновича, начиная со службы во флоте, где требовались солидные знания, заслуг в области отечественной литературы, и, кончая музыкально-театральными интересами и познаниями в других отраслях науки и культуры, принесли ему, в 1899 году, почетное звание ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (РИАН). На этом посту К. Р. сделал очень много для процветания российской науки, что и было отмечено старейшим академиком Веселовским в 1909 году. В частности вел. князь сыграл главную роль

в помощи адмиралу МАКАРОВУ построить первый русский ледокол «ЕРМАК» *), а также поддерживал всегда полярные экспедиции КОЛЧАКА и ВИЛКИЦКОГО.

Когда же при Академии был учрежден РАЗРЯД ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ то, в число первых десяти академиков был избран и великий князь.

Во время пребывания Конст. Константиновича на посту президента РИАН произошел любопытный случай с избранием Максима Горького в члены Ак. Н. за его заслуги в области литературы. Как мы уже упоминали вел. князь стоял в стороне от политики и не знал, что ГОРЬКИЙ-ПЕШКОВ находился под следствием за революционно-подрывную работу, а поэтому сам подал голос за его принятие в академики. Император НИКОЛАЙ II аннулировал этот выбор, что дало повод революционерам и наивным либералам поднять шумиху на всю страну, в результате чего Короленко и даже Чехов вышли из состава Академии, а Страхов перестал посещать заседания. Всем этим людям даже и во сне не могло присниться, что скоро, очень скоро, после короткого периода заступничества перед Лениным даже за своих политических оппонентов, после ликвидации своего злейшего врага Зиновьева, ГОРЬКИЙ протянет «братскую руку» Сталину и сам превратится в кровожадного зверя, за что и заплатит своей жизнью в 1936 году!

И вот пронеслось 60 с лишним лет со дня смерти в. князя Конст. Константиновича и неслыханные бедствия обрушились на нашу многострадальную родину. И образ Святой Руси, подменен временно, твердо мы верим, звериным оскалом, чуждого русскому народу, бесчеловечного марксизма-ленинизма.

И все мы, здесь слетевшиеся, буквально со всех концов земного шара, дети, внуки и правнуки воспитанников великого князя, обращаемся теперь к его памяти со следующими словами:

«Благородный и торжествующий гений! На этом торжественном собрании, посвященном твоей памяти, мы приветствуем Тебя как друга и учителя, как звезду путеводную в своем движении к храму НАУКИ, ИСКУССТВА и ПРОСВЕЩЕНИЯ»!!!!!

П. Пагануцци.

---

*) Как ни странно, частично сохраненный большевиками в музее Северного флота!

ДОКЛАД,
прочитанный на Обще-Кадетском Съезде в Монреале Н. ПРОТОПОПОВЫМ

Ваше Высочество, Господин председатель Съезда, дорогие однокашники и... однокашницы!

Беру на смебя смелость от имени кадет-участников Съезда, посвятивших себя аакдемической и педагогической деятельности, от души поблагодарить кадет-устроителей за блестящую идею посвятить 5-й наш Съезд памяти Вел. Князя Константина Константиновича.

К. Р., как вы уже слышали из только что прочитанных прекрасных докладов, был не только Августейшим «отцом» всех кадет, но и одним из наиболее выдающихся и заслуженных деятелей русской культуры конца прошлого и начала текущего столетия.

По понятным причинам о К. Р. ничего не известно сейчас в СССР. Но, к сожалению, и в эмиграции жизнь, творчество и деятельность Великого Князя — это тоже, как бы, нераспаханная целина, неизученная и неисследованная область культурно-просветительного наследия дореволюционной России.

И вот каждый наш Съезд в какой-то степени является, как бы, историческим. Не буду перечислять всех Съездов, но для примера укажу лишь на 4-й, предыдущий, на котором усилиями его председателя А. С. Громыко было положено начало полному объединению всех кадет, вне зависимости от того, где и когда они учились в кадетских корпусах.

Данный Съезд также имеет все основания стать историческим, ибо на нем нами, его участниками, может быть положено основание «К. Р.» — ведению» — изучению жизни, творчества и деятельности Великого Князя Константина Константиновича.

Вношу предложение: От имени 5-го Съезда просить устроителей всех последующих кадетских съездов в программу включать симпозиумы или коллоквиумы по «К. Р. — ведению». Этим мы, кадеты, не только докажем, что «помним, чье имя носим», но и можем сделать значительный вклад в изучение еще совсем почти неизученной области русской культуры, за который будущая Россия когда-нибудь с благодарностью помянет кадет императорских и зарубежных кадетских корпусов.

А сейчас разрешите предложить вашему вниманию не доклад, в академическом смысле этого слова, а лишь краткое сообщение на тему:

«К. Р. и ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА»

Ко дню кончины Великого Князя Константина Константиновича Государь Император Николай Александрович издал Высочайший манифест, в котором, между прочим, было сказано, что Великий Князь «посвятил свою жизнь отечественной науке».

Любовь к науке Великий Князь унаследовал от своего отца. Но лишь уже в зрелом возрасте получил он возможность сделать и свой ценный вклад в сокровищницу отечественной науки. Нет никакой возможности в этом кратком сообщении охватить всю многогранную и высокополезную деятельность Великого Князя на постах: сперва почетного члена, а затем действительного, Разряда Изящной Словесности, и, наконец, президента Российской Императорской Академии Наук. Остановимся лишь на двух моментах в жизни Великого Князя, ярко иллюстрирующих его любовь к науке и ее верным служителям.

Как известно, адмирал славного Российского флота Степан Осипович Макаров разработал проект постройки мощного ледокола «Ермак» для плавания в водах Арктики. Для осуществления своего проекта он обратился за помощью и содействием в Морское ведомство. Там он натолкнулся на стену непонимания и индиферентности и после ряда тщетных попыток заинтересовать своим гениальным проектом ответственных лиц министерства, адмирал Макаров обратился к Великому Князю Константину Константиновичу, прося его помочь соорудить то, что, в ту пору, нельзя было не считать чудом техники. Великий Князь не только горячо приветствовал идею талантливого адмирала, но и сделал все, чтобы поскорее претворить ее в действительность.

Но посмотрим, как Великому Князю удалось это сделать. Очень умно и осторожно он приступил к осуществлению своего плана. Во-первых, он пригласил адмирала Макарова прочесть лекцию-доклад на тему о сооружении ледокола для плавания к устьям Оби, Енисея и в Финском заливе. Доклад этот состоялся в конференц-зале Академии наук и на нем присутствовали академики, профессора университетов и инженеры специалисты.

Через некоторое время по распоряжению Великого Князя состоялась вторичная лекция адмирала Макарова, уже в Мраморном дворце, прочитанная им на экстренном заседании Географического общества. На этот доклад были приглашены уже и члены Императорской фамилии, многие высокопоставленные лица, ученые, военачальники, представители военного и торгового флота, писатели и журналисты, а также и специально приглашенные: министр финансов граф Витте и Дмитрий Иванович Менделеев.

После этой лекции, на основании отзыва ученых во главе с маститым Менделеевым, а также и других компетентных лиц, министр граф Витте. при посредстве Министерства Торговли и Промышленности, ассигновал крупную сумму на реализацию проекта адмирала Макарова. Так дальновидность Великого Князя способствовала прославлению русской науки сооружением замечательного ледокола, являющегося и поныне образцом искусства ледокольного судостроения.

А вот другой, мало известный случай с талантливой русской женщиной-ученой Софьей Васильевной Ковалевской. Ковалевская прославилась не только своими литературными воспомианниями о великом писателе Достоевском, но, главным образом, ткаже и своими научными трудами, ибо была «одною из немногих русских женщин, достигших трудом и дарованиями веского авторитета на математическом поприще» (Из сообщений Императорской Академии Наук).

В 1874 году Софья Васильевна была удостоена докторской степени в Геттингенском университете в Германии за исследования в области математики и после этого она вернулась в Россию. Предварительно же, еще до получения докторского диплома, она сделала попытки устроиться в Берлинском университете, но по существовавшим тогда законам двери университета столицы Пруссии для женщин были закрыты.

Такое же положение было в то время и в России: если мужчина возвращался на родину с иностранным дипломом, он получал право рбаотать в университете по своей специальности, а затем мог защитить магистерскую и докторскую диссертации и тогда уже занять кафедру в высшей школе. Женщине же, по действовавшим в ту эпоху уставам учебных заведений, все это было совершенно недоступно.

Тем не менее, по возвращении в Россию, Ковалевская сама и через своих друзей хлопотала о предоставлении ей

права сдачи экзамена на магистерскую степень. Все ее попытки оказались безуспешными, ибо при университете в то время существовала «сильная партия ненавистников женского вопроса», и даже довольно либеральный министр просвещения Сабуров как-то сказал, что и Ковалевская и ее дочь успеют состариться «прежде чем женщин будут допускать к университету».

После смерти мужа Софью Васильевну пригласили читать лекции по высшей математике в Стокгольмском университете. Замечу лишь, что в 1888 году Ковлаевская выигрывает конкурс Парижской академии наук на тему: «О вращении твердого тела». Причем, из 15 поданных работ ее рабоат была признана не только лучшей, но и настолько ценной, что решено было увеличить чуть ли не вдвое первоначальный размер премии. Через год Ковалевская получает премию и от шведской Академии наук. После этого имя русской женщины-ученой становится известным всему научному и культурному миру.

Многочсиленные друзья и коллеги Ковалевской в России прикладывали все старания к тому, чтобы привлечь ее к научной и академической работе на родине. Не видя, после многочисленных попыток, никакой возможности благоприятно разрешить этот вопрос в правительственных кругах, они решили обратиться к Великому Князю Константину Константиновичу с просьбой содействовать возвращению Софьи Васильевны в Россию.

Тут нельзя не упомянуть еще об одном важном обстоятельстве: надо предполагать, что не одному только правительству было известно об интересе, который Ковалевская проявляла к так наз. «общественным вопросам», т. е. попросту к модным в то время течениям социально-политического характера. И тем не менее то, что казалось тогда неосуществимым для правительства, было осуществлено Великим Князем Константином Константиновичем, осуществлено осторожно, но мудро и дальновидно, а главное благородно, — как это всегда было свойственно Августейшему президенту Академии наук.

По распоряжению Великого Князя вопрос о Ковалевской был передан на рассмотрение общего собрания Академии наук, на котором и было принято предложение «к избранию членом-корреспондентом Академии, в разряд математических наук, доктора математики Стокгольмского университета Со-

фью Васильевну Ковалевскую».

Хотя член-корреспондент — не более как почетный титул, никаких прав в российских университетах не дававший, все же Великий Князь отдавал себе отчет в том, что благоприятное решение вопроса о Ковалевской — создавало прецедент о допущении и лиц женского пола к избранию в члены-корреспонденты. В случае же, если открывалась вакансия на место действительного члена, то уже не могло быть никаких законных препятствий к занятию этой вакансии даже членом-корреспондентом –- женщиной. А для действительного члена Императорской Академии наук тем более не существовало препятствий для занятия кафедры в любом высшем учебном заведении в России.

(К сожалению, Ковалевской не суждено было стать первой русской женщиной — действительным членом Академии наук и профессором российского университета, ибо меньше чем через год после ее избрания членом-корреспондентом, она скончалась от простуды в возрасте сорока лет).

Так во славу русской науки, с достоинством и без ненужных потрясений Великий Князь Константин Константинович мудро разрешил вопрос об участии женщин в научной и академической жизни страны. Вопрос же этот являлся тогда существенной составной частью большого и очень больного для той эпохи вопроса о равноправии женщин.

Коснувшись же вопроса о женском образовании в России, нельзя не скзаать несколько слов о созданном Великим Князем первом в России женском высшем учебном заведении — «Высших женских курсах». Оборудовано оно было по последнему слову техники, с прекрасным общежитием, а при нем была и Опытная Константиновская гимназия с лучшим в то время преподавательским составом. После революции эти Высшие женские курсы были переименованы в Первый педагогический институт и деканом его, одно время, состоял академик-профессор Платонов.

О том какой популярностью среди слушательниц и профессоров Института продолжала пользоваться память Великого Князя и в совесткое время, ярко свидетельствует один рассказанный мне моей коллегой случай, свидетелем которого она была. На состоявшемся в 1922 году переходном вечере (выпускном акте) Первого педагогического института тогдашний декан, известный ученый-физиолог Тур, пригласил всех

присутствовавших почтить память Августейшего основателя Института Великого Князя Константина Константиновича.

В заключение, хотелось бы вспомнить здесь слова старейшего члена Академии наук, известного историка литературы Веселовского, сказанные им по случаю десятилетия пребывания Великого Князя в должности ее Президента: «Пробегая мыслью более чем полуторавековую летопись нашей Академии, мы не найдем в ней ни одного периода ее существования, который можно было бы поставить наряду с этим десятилетием по важности всего, сделанного для открытия русской науке новых путей и для поднятия ее значения. Ваше Высочество возлюбили науку, а потому и преданных ей служителей: вот ключ к уразумению всего того, что свершилось в нашей среде в последние 10 лет».

Как видите и здесь, в области сухой и материалистической науки, по свидетельству благодарных русских ученых, на первом месте у Великого Князя была любовь, столь характерное для всей его жизни и деятельности чувство любви к ближнему, его всепокоряющее человеколюбие.

Н. Протопопов.

ДОЛГ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.

Доклад прочитанный на Обще-Кадетском Съезде в Монреале, (Канада)
Г. В. ЛУКЬЯНОВЫМ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

На теперешнем этапе зарубежной жизни на территории почти всех стран нашего рассеяния появилась, в среде молодежи, большая угроза ассимиляции. Наблюдается повсеместная тенденция к потери знания русского языка и известного, связанного с этим, отхода от религии.

Параллельно с этим и вследствие этого теряются все те принципиальные установки которые были переданы нам нашими отцами. С ними мы жили и они придавали смысл нашему существованию за рубежом.

Видя, что у молодежи, благодаря ассимиляции, постепенно теряются завещанные нам идеалы и что нам, как этнической группе угрожает исчезновение, мы считаем, что необходимо предпринять чрезвычайные меры против этого разрушительного процесса. Встает вопрос: что же нужно и что можно еще сделать?

Частичный ответ выработался уже самой жизнью. Были организованы церковно-приходские школы. Организация школ при церквах оказалась естественной т. к. церковь стала не только духовным, но и национальным центром. Принадлежность к церкви стала указывать и на этническо-политическую принадлежность.

В настоящее время церковные школы являются единственными образовательными организациями направленными на сохранение религиозно-национального лица русской эмиграции. Работа ведется с нашими детьми т. е. как раз с тем поколением, на котором больше всего сказывается ассимиляция. Естественно, поэтому, что каждый, кто стремится к сохранению религии и русскости, должен по мере сил и возможностей поддержать работу школ, а если можно, то и включиться в ответственное дело работы в школе.

Перед русской эмиграцией, в целом, стоит вопрос ответственности перед историей. Выполним ли мы свое назначение, сохранив те идеалы, которые мы получили от наших отцов или же, отмахнувшись, отдадимся бытовому самоудовлетворению, которое, как правило, предшествует развалу не только отдельных групп или организаций, но целых государств.

Нашими отцами нам была передана миссия, возможно по промыслу Божию для оправдания нашего существования за рубежом: сохранить религию и национальный дух и вернуть их в освобожденную Россию.

Что это значит для нас, в нашей повседневной жизни? Некоторые истолковывают эту задачу как передачу наших идеалов своим собственным детям, воспитав их в надлежащем духе. Мысль правильная, но не законченная и слишком узкая. Перед нами, как и перед каждым человеком, лежит не только личная, но и общественно-групповая ответственность, а перед всей эмиграцией и религиозно-национальная ответственность перед Богом и отечеством.

ДОЛГ

Борьба за самосохранение, это борьба за души и умы молодежи, поэтому обязанность каждого русского находящегося за рубежом, вложить свою посильную лепту в общее дело воспитания молодого поколения. Каждый пусть дает по мере своих возможностей из того, что он получил на хранение от своих предков.

Учившиеся в Кадетских Корпусах относятся к той группе эмиграции, которая получила на хранение больше всех других в рассеянии сущих, так как обучаясь в закрытом учебном заведении, они в течение всего учебного года, круглосуточно находились в сугубо русской обстановке, впитывая в себя те идеалы, с которыми наши отцы покинули Россию.

Сейчас пришла наша очередь передать эти идеалы следующему поколению.

Что наши отцы справились со своей задачей свидетельствуют Кадетские съезды. Будут ли наши дети собираться так как собираемся мы?

Наиболее эффективная, если не единственная, возможность выполнить наш долг, это через учебные заведения. Поскольку единственными учебными заведениями за рубежом являются церковные школы, то естественно, чтобы передача осуществлялась через эти школы.

Каким способом можно принять участие в процессе передачи? Ответ простой: включайтесь в работу школ. Школы нуждаются в людях, которые могут пожертвовать хотя бы небольшим количеством времени; для таких работ, которые требуют лишь одного-двух дней в год. Вот на такую помощь я и призываю вас всех, кто хочет быть частью этой работы, но не может предоставить большого количества времени. Эта помощь в один-два дня в год крайне важна и необходима для функционирования школьной организации. Главная из этих работ — инспектирование школ.

Может показаться, что тут как бы неувязка. Вначале говорилось о чрезвычайных мерах — а сейчас об одном-двух днях в году. Чрезвычайные меры по сохранению молодежи, в школьном плане, предпринимаются широким диапазоном. Уже началось составление собственных учебников, административных пособий, составлены общие уставы, постепенно налаживается связь с печатным органом для помещения статей о школьной жизни, приняты меры сближения некоторых организаций со школами.

Составление собственных учебников было вызвано употреблением советских учебников за неимением подходящих эмигрантских изданий. Но советские учебники не подходят по политическим, религиозным и методологическим причинам. В собственных учебниках учитываются наши требования.

Привлечение общественных организаций очень важно, т. к. жизнь школ не может быть оторванной от жизни эмигрантской. Кроме того, общественным организациям необходимо познакомить молодежь с собой чтобы получить пополнение своих рядов. Взаимодействие школ и общественных организаций основывается на взаимной заинтересованности в нашем будущем.

Все эти начинания вводятся относительно медленно из-за недостатка рабочих рук, но они все же вводятся, и при том во всем зарубежьи. Если вы можете лично присоединиться к этим усилиям, это лучше всего, а если же это невозможно, то вносите свою лепту в один-два дня и принимайте таким образом участие в постройке большого дела.

ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ

Школьная работа проходит в тесном сотрудничестве и под руководством церковной иерархии. Директорами школ обычно являются священники при приходах, где находятся школы. Необходимо действовать с благословения и с помощью Епархиального Архиееря, который автоматически возглавляет все школьные начинания на территории своей епархии. Мероприятие по организации инспектората во всезарубежном масштабе было одобрено Архиерейским Синодом и в частности было дано благословение на призыв содержащийся в этой статье. Было высказно предположение, что члены Кадетского Объединения не только на словах, но и на деле, поддержат это начинание. Как сказано: «По делам их — узнаете их».

ИНСПЕКТОРСТВО

В современной обстановке испекторство приобрело особое значение, которое отличается от своего классического облика. Раньше, инспектор проверял функционирование школ и докладывал по начальству о том что происходит в школах. Начальство принимало соответствующие меры. В теперешней обстановке добровольных школ с неоплачивающимися преподавателями, значение школьного управления и инспектора изменилось. Переменилось также и назначение школ. Церков-

ные школы являются не только очагами знания, но и воспитательным органом. Этим и обуславливается характер и цель инспекторства.

Инспектор сегодняшнего дня является, как бы посланником доброй воли, связывающим звеном между школами и управлением и известной моральной поддержкой школ. Он дипломатично проверяет функционирование школы и координирует ее связь с управлением.

В плане школьного управления, инспекторство является костяком административной части между-школьной организации, проводящим советы и инструкции в школах, а также препровождающим потребности, просьбы и данные о функционировании в управлении.

Необходимость инспектирования и существования инспекторской организации можно проиллюстрировать исторической параллелью. В процессе расселения русской эмиграции по различным странам после 2-ой Мировой войны, отдельные группы осели на новых местах и имея еще общий дух, стали думать о сохранении религии и русскости, в частности, стали открывать церковные школы. Завязавшаяся связь, с годами, стала теряться и местные интересы стали преобладать. В результате этого появились как бы автономные группы. Стали забывать, что мы являемся членами единой церковной и национальной группы. Начался период «удельных княжеств», несущий в себе угрозу развала единения русской эмиграции.

Как в нашей истории, в соответствующий период приняли должные меры, так и теперь надо жертвенно взяться за общее дело.

Это воссоединение можно и нужно проводить через школы — во имя сохранения нашего существования. Осуществить это воссоединение можно различными мерами и главная из них это инспекторская организация.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Церковные школы являются очагами религиозного и национального образования и воспитания. В этом плане школы являются единственными преемниками и наших зарубежных Кадетских Корпусов. Школы, вследствии однодневного (в неделю) преподавания, не в состоянии передать всю полноту национального духа, которую внедряли Корпуса. Наш долг максимально увеличить эффективность школ, их качество, их

уровень и их количество. Поэтому надо считать обязанностью каждого из нас помогать, как уже существующим школам, так и открытию новых. При наличии инспекторской организации, вновь открытые школы можно сразу направить на правильный путь.

Приведу одну важную и печальную статистическую цифру: в данное время, в зарубежьи, в среднем приходится одна школа на пять приходов. Это значит, что 80% молодежи не получает религиозного и национального образования на нужной высоте и, к сожалению, можно быть уверенным, что для нашего будущего, это потерянная молодежь, если нами ничего не будет предпринято. Изменить это положение — в наших силах и руках. Если в ваших или соседних приходах или просто в русских колониях нет школ то содействуйте их открытию.

Проявляйте инициативу, не ждите толчка сверху, сами начинайте, сами действуйте.

Начальный размер школ, если он небольшой, не должен никого останавливать. У нас есть ряд школ с количеством учащихся в 5-10 учеников. И эти маленькие школы проводят свою важную работу. Употребляя стандартные программы, они могут предоставить тот же курс обучения как и большие школы.

Также можно содействовать тому, чтобы дети ездили в школы соседних приходов, если расстояния позволяют.

Помогайте существующим школам; открывайте школы где их нет, связывайтесь со школьным управлением и мы будем вам посильно помогать.

От успеха этого начинания, во многом, будет зависеть судьба нашей эмиграции.

Г. В. Лукьянов.

ДОКЛАД Г. ГУТОРОВИЧА НА СЪЕЗДЕ.

Ваше Высокопреосвященство, Ваше Высочество, Милостивые Государи, Милостивые Государыни, Дорогие Институтки, Друзья Кадеты!

На этот раз я не один: со мной прилетели — из Брюсселя, Ростислав Попов, Крымского Кадетского Корпуса, «кадровый» Полтавец, с супругой, Игорь Ветров, Княже-Константиновец, коренной Одессит, — из Франции — Сергей Калинин,

Княже-Константиновец, с супругой и из Австрии — Борис Белоусов, Княже-Константиновец!

Приношу искреннюю благодарность Комитету по Организации Съезда и всем друзьям за их кадетскую помощь «староватым» и «бедноватым» однокашникам...

Мой доклад не будет о жизни нашего О-ия за последние 2 года, а только скажу, что деятельность О-ия продолжается по-прежнему, несмотря на все увеличивающуюся «староватость» его членов и, слава Богу, венков заказывать не пришлось...

Я позволю себе воспользоваться предоставленной мне возможностью, чтобы ответить на два вопроса, которые мне задали некоторые из Вас в связи с нашим 50-тилетним юбилеем: во-первых, ЧТО меня заставило посвятить столько лет моей жизни кадетскому делу и жить и интересоваться ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО славным прошлым России; во-вторых — КАК мне удалось довести благополучно О-ие до столь редкого в среде эмиграции юбилея? Эти два вопроса носят совершенно личный характер, особенно первый, и, чтобы ответить на него, мне нужно вернуться далеко назад и говорить о пережитых мною событиях, чтобы показать, как, последовательно и постепенно, они влияли на мои идеи и убеждения. Это будет нечто вроде политической автобиографии... — В России были 2 категории Кадет — одна, большинство, это были сыновья офицеров, которые шли автоматически в Корпуса, где содержались на счет казны, что, принимая во внимание скромное офицерское жалованье и еще более скромную пенсию вдов офицеров, погибших на войне, было лучшим выходом из иногда трудного положения; другая, более малочисленная категория, это были мальчики, которые рождались кадетами и поступали в Корпус по призванию. Я имел счастье принадлежать к последним. Среди кадет 1-ой категории многие вначале плакали ночью под одеялами — я же был счастлив и горд одеть кадетскую форму и приобщиться к «Великой Воинской Семье». Для меня существовала в жизни лишь одна приемлемая, прямая, намеченная дорога, выбранная еще с детства — поскорее перейти в 1-ю строевую роту, где меня, как имевшего 11 баллов в среднем, ждали унтер-офицерские нашивки и должность знаменщика; затем сменить белые погоны с красным с сургучным вензелем М и короной, на погоны Михайловского Артиллерийского У-ща, и

производство в офицеры конной артиллерии и м. б. позже Военная Академия!? — Но вот над этой налаженной, спокойной и беззаботной жизнью, жарким летом, в 14-ом году разразилась страшная гроза — мировая война! Волна неописуемого энтузиазма и патриотического подъема прокатилась по всей России и всколыхнула русский народ! Повсюду были манифестации с национальными флагами и портретами Государя. Вероятно, как во всем мире, восторженное население, уверенное в скорой победе, провожало с цветами уходившие на фронт полки. Все мы, Кадеты, следили за ходом войны и остро переживали наши неуспехи на фронте, главной причиной которых были: наша неподготовленность к войне, оказание помощи для спасения Франции («чудо на Марне»!) и ошибки высшего командования. Об этих неудачах узнавали, конечно, не из газет, а из рассказов раненых офицеров в тыловых госпиталях. Чтобы пополнить громадные потери в кадровых офицерах, стало возможным, с 4-х классным аттестатом пройти 4-х месячные курсы и быть произведенным в офицеры в чине прапорщика, чин не существовавший в мирное время. Несмотря на все мое желание принять участие в войне, мне пришлось дома дать слово, что я на фронт не сбегу и не пойду в школу прапорщиков, потому что: «после войны России будут нужны офицеры, получившие полное военное образование»!

Настал 1917 год, когда весной предполагалось наступление Союзных Армий одновременно на всех фронтах, которое, конечно, закончилось бы полной победой. Но увы! какой-то злой рок, «мойра» у древних греков, как нас учил полк. Миляшкевич, т. е. злая неизбежная судьба преследовала Россию с начала этого века. Я воздержусь говорить о всех трагических и пагубных для России событиях и обстоятельствах, которые мною узнавались со временем и влияли на мой безграничный энтузиазм и веру во все то, что было моим идеалом и целью моей жизни, т. е. служение Родине в рядах Императорской Армии.

В один серый февральский день Корпус был построен в Сборном Зале и Директор прочел манифест об отречении Государя от Престола и без всяких комментарий приказал развести Кадет по ротам. Никто из нас в тот момент не мог себе ясно представить «почему?» и ответить на вопрос: «что же будет?». Вскоре выяснилось, что Престол остался незаня-

тым и это вызвало падение 1000-летней Монархии и гибель России, переставшей быть Царской. Только со временем я почувствовал, что произошло ужасное, непоправимое несчастье и смертельная опасность угрожает Родине. Солдаты, которые ходили в бой за «Веру, Царя и Отечество» не хотели умирать за Временное Правительство и Керенского, а усталость от затянувшейся позиционной войны и большевистская пропаганда, обещавшая немедленный мир, землю крестьянам и фабрики рабочим, быстро разложила 12-миллионную Армию. Все началось в Петрограде, где произошел перебой в подвозе продовольствия, что вызвало недовольство населения, чем воспользовались профессиональные революционеры и агитаторы. Гвардейские полки, потерявшие на фронте свои кадры и пополненные призывными ненадежными новобранцами, вместо того, чтобы укротить «бабий бунт», сами взбунтовались... Кадеты сильно переживали все революционные события, ведущие к полному развалу страны, а кроме того их заставили принять присягу Временному Правительству и знамена заменили красными флагами. Летом 17-го все надежды возлагались на ген. Корнилова, единственный генерал, спасшийся из немецкого плена. Когда он приехал в Москву на Чрезвычайное Совещание ему была оказана грандиозная встреча — в нем все видели того, кто мог бы восстановить дисциплину в Армии и довести войну до победного конца. Был образован Триумвират из Савинкова, Керенского и ген. Корнилова, но вскоре Керенский предал ген. Корнилова и объявил его изменником. Наступает роковой, жуткий Октябрь. Большевики разгоняют Временное Правительство и захватывают власть... Кровавый кошмар охватывает всю Россию. Всюду царит террор, грабеж страны и дикая расправа с офицерами, духовенством, интеллигенцией и вообще «буржуями», дорвавшейся до власти черни. Святыни поруганы, террор сопровождается издевательством над совестью, религией и вековыми обычаями русского народа. В это смутное время, когда для нас не оставалось ничего кроме отчаянья и ненависти к палачам русского народа, в этой непроглядной тьме зажегся мерцающий маленький огонек — прошел слух, что генерал Алексеев и Корнилов формируют где-то на юге, на Дону, Белую Армию, которая спасет Россию. Теперь все мои надежды и мечты стали: как бы добраться до этой сказочной Армии! Когда стало известно о зверском убийстве

евреем-чекистом Вейсбартом (псевдоним Белобородов), Царской Семьи, мое желание бороться с красным врагом еще усилилось, но мне не удалось скоро выполнить мое решенье т. к. я разбился на уроке гимнастики в Корпусе, перенес трудную операцию, долго ходил на костылях и впоследствии вынужден был садиться на коня с правой стороны... Я не собираюсь читать урок по современной истории, а только говорю о событиях, которые привели меня постепенно к полному разочарованию во всем и во всех, оставляя одну любовь к Светлому Прошлому и непримиримость к настоящей власти, причинившей столько зла России и моей семье в частности... Наконец наступил этот долгожданный САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ день моей жизни, моя мечта сбылась: я в Белой Армии, в Донском Казачьем полку, с винтовкой и шашкой на коне!! О моих НЕЗАБЫВАЕМЫХ переживаниях, как нибудь в другой раз...

Злой рок не оставляет Россию: шальным снарядом под Екатеринодаром убит ген. Корнилов, гибнет ген. Марков и от легкой раны, в подозрительных условиях, умирает ген. Дроздовский... Стоявший во главе Вооруженных Сил Юга России ген. Деникин оказался совершенно не государственным человеком. После крупных успехов и дойдя в направлении на Москву до Орла, летом 19-го года, Добрармия начала отступать по всему фронту. В совершенно неорганизованном тылу процветала дикая спекуляция, не было никакой информации, ни пропаганды, «Осваг» — осведомительное агентство служило прибежищем для шкурников, мобилизация не проводится, что способствует развитию дезертирства. Такой важный вопрос как земельный остается неразрешенным и многие помещики, возвращаясь в свои рзаграбленные именья, собирают мебель и порят мужиков... В Добрармии Кадеты всех Корпусов и возрастов являлись самым надежным элементом. Не буду долго говорить о их храбрости и жертвенности, но только скажу, что Императорские Кадеты свой долг перед Россией выполнили...

Наступает, опять на наше несчастье, холодная зима 19-го года, сопровождаемая сильной эпидемией тифа. Согласно приказу Главнокомандующего меня отсылают с фронта кончать Корпус, но видя все, что происходило в тылу мне стало ясно: Белая Армия гибнет и покинуть ее равно дезертирству. В Полтаве поступаю на бронепоезд «Кавалерист», ко-

манда которого — Дроздовцы 2-го Офицерского Конного Полка. Занимаясь эвакуацией раненых и больных, когда на Рождество мы вошли в Крым, я заболел возвратным тифом и попал в Феодосию в госпиталь с неотопленной палатой и с малой надеждой выйти отсюда живым. Мораль стоит низко, ко всему полное равнодушие и только желанье уехать куда-нибудь подальше из этой грязной, голодной, вшивой палаты, где каждый день кто-нибудь умирает, только не слышать этих ужасных стонов несчастных Добровольцев с отмороженными руками и ногами...

Ген. Деникин благополучно уезжает, кажется, на английском крейсере и передает командование остатками Добровольческой Армии в Крыму ген. бар. П. Н. Врангелю, герою Великой Войны, который разбивает крупные силы красных (конница Жлобы!) и, выйдя из Крыма проводит земельную реформу, имевшую большой успех, но увы! — это слишком поздно!.. В это время меня эвакуируют на пароходе «Владимир» в Варну, прямо в карантинный госпиталь со вторым тифом, сыпным. Еще непоправившийся, слепой на один глаз я собираюсь возвращаться в Крым, но Военный Агент в Болгарии направляет меня в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев в г. Панчево, где находится группа Кадет Одесского Корпуса. Вскоре последовал переезд в г. Сараево и соединение с Кадетами Киевского Корпуса. Мораль поднимается и даже, с двумя Кадетами, собираемся вернуться в Россию с определенными намерениями, но Директор Корпуса, ген. Адамович, которому мы изложили наш план, быстро нам доказал всю его абсурдность. После окончания Корпуса в 21 году, группа Кадет поступает в Университет в Белграде.

Работать на улицах и постройках и одновременно учиться — трудно и поэтому «пионеры», с визой в Уругвай и транзитной через Бельгию, устраиваются в последней на заводы, как рабочие и, наконец, я получаю стипендию и поступаю в Лувенский У-тет.

В 1925 году в г. Лувене основано наше О-ие, которое не теряет связь со своим Корпусом, благодаря ген. Адамовичу и его, столь ценным, для нас письмам. Вскоре мне удается провести мою первую задачу: основание университетских стипендий для младших Кадет при Комитете Кардинала Мерсье в Лувене и это с помощью подписных листов и устройства вечеров.

...Подошла 2-ая Мировая Война и Бельгия была оккупирована в течение 4-х лет, во время которых наше О-ие прекратило свою деятельность. С вторжением германской Армии в Советский Союз появилась надежда на возможность восстановления Национальной России и возвращения на Родину. Увы! вскоре новое разочарование: колонизация России, истребление ее населения, расовые проекты Розенберга, «унтерменши» и т. п. подняли против немцев весь русский народ. Опять еще раз эмиграция разделилась: на желавших победы немцев и на надеявшихся на победу союзников, что усложнялось еще тем, что победа последних означала также победу большевиков и крушенье надежд на возвращенье в возрожденную Россию.

...С окончанием войны появилась острая нужда в помощи Кадетам и быв. Воспитателям, очутившимся в тяжелом положении. Кроме того нужно было помешать развалу О-ия, т. к. некоторые Кадеты, как и многие эмигранты, решили, что их долг вернуться в Россию потому что как будто большевики в корне изменили свою политику и цели: война стала — «отечественной», Советский Союз — «Россией» и «Родиной», одели погоны, гвардейские полки, ордена имен старых полководцев, исчезли политические комиссары и даже «Интернационал» заменили гимном... Я совершенно этому НЕ ВЕРИЛ и т. к. мне удалось проникнуть в советское посольство, я вскоре убедился, что НИКАКОГО изменения нет, хотя на это надеялись даже в красной армии. Мне удалось доказать желавшим ехать, что их долг оставаться в эмиграции, сохраняя наши кадетские традиции и русские обычаи, чтобы передать их в освобожденную Россию — в то время еще верили в эту возможность... Вот тогда я поставил себе главной целью и решил приложить все мои усилия к ее выполнению, посвящая мое свободное время кадетству, в котором у меня не было разочарования...

Теперь я буду отвечать на второй вопрос, касающийся нашего 50-летнего существования. Прежде всего нужно было сплотить Кадет в одну дружную, товарищескую семью, объединенную ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО на почве нашего общего воспитания в русском национальном духе и традиций Императорских Корпусов, а также воспоминаний о наших юношеских годах. В О-ии социальное различие не должно играть НИКАКОЙ роли и крупный счет в банке и высокое положе-

ние в жизни должны служить лишь как возможность помочь нуждающемуся однокашнику. Обязательно нужно ИСКЛЮЧИТЬ всякие споры на политические и религиозные темы. Наш Кадетский Клуб мне много помог в этом отношении: в нем не полагается церковных и политических разговоров, а регулярные встречи, приглашение Друзей и устройство празднеств много способствовали сближению Кадет и их Семей.

Наше О-ие является самостоятельным и независимым и никогда не связывало свою судьбу ни с каким другим О-см, строго придерживаясь по уставу правила приема новых Членов. Ввиду малочисленности нашего О-ия мы установили категорию Членов Соревнователей, наших Друзей, вполне разделяющих наши убеждения, принимающих полное участие в жизни О-ия, кроме присутствия на Общем Годовом Собрании. Это испытанные Друзья О-ия и они много способствовали его развитию и укреплению. Хотя наше О-ие никаким образом не соединялось ни с одним Кад. О-ием наши Кадеты могли входить ЛИЧНЫМ порядком во все Кадетские и Русские национальные О-ия и Союзы. Почти все мы были членами О.К.О. в Брюсселе, которое было совершенно независимо и имело свое Правление, а многие также состояли членами О.К.О. в Париже.

Важной задачей было установление связи с Кадетскими О-иями и отдельными одинокими Кадетами. В этом мне много помогли наши периодические Съезды. Вы не можете себе представить как много Кадет, даже семейных, жалуются на отсутствие Товарищей-Однокашников! Я уже не говорю о тех, кто живет в старческом доме, да еще не русском! У меня об этом есть письма из нескольких стран и, вероятно, поэтому мне пишут, просят присылать мою «жиденькую» Информацию, интересуются жизнью нашего О-ия и даже записываются в него!.. Половина Кадет нашего О-ия живут заграницей!.. Много способствовало укреплению нашего О-ия — это совместное постепенное выполнение поставленных мною задач, о которых я говорил в докладе на Юбилейном Заседании. Теперь же, оставив всякую надежду на передачу кому-либо наших традиций, будем стараться сохранить их до естественного конца нашего О-ия.

О-ие должно, как можно чаще, устраивать встречи и организовывать поездки, во время которых легче и крепче всего устанавливаются дружеския отношения и это ВСЕГДА с Да-

мами, по следующим соображениям: стол без Дам — это сад без цветов, кроме того на банкетах Дамы служат «сдерживающим началом», заботясь о нашем «драгоценном» здоровьи, в отношении «крепких напитков» и их присутствие дает хороший тон нашим собраниям. Благодаря этому, когда наше О-ие собирается чувствуется единая, дружеская кадетская Семья, пережившая за 50 лет нашей жизни горести и радости, всех и каждого, семья, в которой быв. Институтки 3-х Зарубежных Институтов, наслушавшись за эти долгие годы кадетских рассказов и воспоминаний, чувствуют себя почти быв. Кадетами 3-х Зарубежных Корпусов!.. Никакие внешние события и раздоры никогда не смогут развалить наше О-ие!

Г. Гуторович.

СПИСОК

участников 5-го обще-кадетского съезда в Ст.-Аделе, пров. Квебек, Канада

с 7-го по 14-ое Августа, 1976 года.

Австралия:

Г. Чикалов	К.К.К.	6 выпуск
Бельгия:		
И. Ветров	Р.К.К.	7 выпуск
Г. Гуторович	Р.К.К.	2 выпуск
Р. Попов	К.К.К.	1 выпуск
Франция:		
С. Калинин	1 Р.К.К.	16 выпуск
Е. Оглоблев	Киев. Влад. К. К.	
Н. Сулима	Полтав. К. К.	
Австрия:		
Б. Белоусов	Р.К.К.	4 выпуск
Иордания:		
О. Маковецкий	Имп. Николая 2го, Версаль	
Мексика:		
П. Величко	1 Р.К.К.	24 выпуск
Бразилия:		
А. Бертельс-Меньшой	К.К.К.	2 выпуск

Аргентина:

С. Якимович	К.К.К.	5 выпуск
И. Андрушкевич	1 Р.К.К.	26 выпуск
О. Ауэ	1 Р.К.К.	26 выпуск
Италия:		
А. Золотницкий	1 Р.К.К.	14 выпуск
Уругвай:		
М. Каратеев	К.К.К.	1 выпуск
Венецуэла:		
В. Бодиско	1 Р.К.К.	10 выпуск
Д. Брылкин	1 Р.К.К.	14 выпуск
Н. Домерщиков	1 Р.К.К.	11 выпуск
И. Гняздовский	1 Р.К.К.	15 выпуск
В. Кошкаров	1 Р.К.К.	21 выпуск
К. Жолткевич	1 Р.К.К.	11 выпуск
Г. Ольховский	1 Р.К.К.	21 выпуск
В. Турчанинов	Д.К.К.	44 выпуск
С.Ш.А. Центральные Штаты, Чикаго:		
Л. Хантель	1 Р.К.К.	22 выпуск
В. Гегстрем	1 Р.К.К.	19 выпуск
Л. Иванов	Д.К.К.	39 выпуск
Нью Орлеанс:		
Д. Ивашкевич	Киев. Влад. К.К.	
Миами:		
Н. Шлиттер	1 Сибирский К. К.	
С.Ш.А. Западное побережье:		
Н. Богословский	1 Сиб. К.К.	96 выпуск
Н. Лепко	1 Сиб. К.К.	97 выпуск
В. Соколов	1 Сиб. К.К.	95 выпуск
И. Половнев	1 Сиб. К.К.	95 выпуск
С. Сосье	Ташкентский К. К.	
А. Линицкий	Сумский К. К.	
А. Пустовойшенко	Д.К.К.	43 выпуск
В. Грейц	Д.К.К.	44 выпуск
Ю. Телятников	1 Р.К.К.	10 выпуск
П. Григорьев	К.К.К.	7 выпуск
А. Шамбо	К.К.К.	8 выпуск
Е. Ковалевский	К.К.К.	8 выпуск
А. Амочаев	1 Р.К.К.	11 выпуск
А. Мальчевский	Р.К.К.	9 выпуск
П. Завадский	Р.К.К.	3 выпуск

А. Истомин	1 Р.К.К.	21 выпуск
С. Радченко-Мартинович	1 Р.К.К.	27 выпуск
Н. Протопопов	1 Р.К.К.	20 выпуск
В. Белдыцкий	К.К.К.	7 выпуск
М. Хлопов	1 Р.К.К.	20 выпуск
Н. Грицай	1 Р.К.К.	31 выпуск
А. Стацевич	1 Р.К.К.	2 выпуск
Г. Граф	1 Р.К.К.	24 выпуск
К. Граф	1 Р.К.К.	16 выпуск
Е. Квасников	1 Р.К.К.	14 выпуск
С. Миокович	1 Р.К.К.	25 выпуск
А. Громыко	1 Р.К.К.	2 выпуск
С.Ш.А. Восточное побережье:		
М. Потоцкий	К.К.К.	4 выпуск
Г. Сперанский	1 Р.К.К.	11 выпуск
А. Карпов	К.К.К.	2 выпуск
Н. Козякин	К.К.К.	8 выпуск
М. Егоров	Д.К.К.	42 выпуск
В. Гума	Р.К.К.	5 выпуск
П. Жарков	1 Р.К.К.	29 выпуск
о. В. Шатилов	1 Р.К.К.	21 выпуск
Д. Шатилов	Член Н. Ю. объединения	
Г. Шатилов	Член Н. Ю. объединения	
В. Голицин	Член Н. Ю. объединения	
Г. Ламзаки (младший)	Член Н. Ю. объединения	
Г. Кованько	1 Р.К.К.	21 выпуск
Н. Боголюбов	1 Р.К.К.	25 выпуск
В. Ермаков	1 Р.К.К.	20 выпуск
О. Окшевский	1 Р.К.К.	12 выпуск
А. Корсаков	1 Р.К.К.	21 выпуск
Д. Горбенко	1 Р.К.К.	28 выпуск
А. Новосильцев	1 Р.К.К.	16 выпуск
Г. Ламзаки	1 Р.К.К.	18 выпуск
А. Левандовский	1 Р.К.К.	20 выпуск
С. Муравьев	1 Р.К.К.	19 выпуск
о. П. Бурлаков	1 Р.К.К.	24 выпуск
А. Иордан	1 Р.К.К.	21 выпуск
Л. Попов	1 Р.К.К.	20 выпуск
П. Карасик	1 Р.К.К.	26 выпуск
В. Сташевский	Р.К.К.	8 выпуск
И. Агатов	1 Р.К.К.	13 выпуск

О. Сальников	1 Р.К.К.	27 выпуск
А. Нещерет	1 Р.К.К.	28 выпуск
М. Лермонтов	1 Р.К.К.	25 выпуск
о. А. Граббе	1 Р.К.К.	27 выпуск
Канада, западное побережье:		
Ванкувер:		
Н. Сторомилов	3 Петребургский К.К.	
Б. Романовский	1 Сиб. К.К.	93 выпуск
Канада, восточное побережье:		
Оттава:		
о. О. Болдырев	Д.К.К.	
Торонто:		
Н. Амочаев	1 Р.К.К.	12 выпуск
А. Скивский	1 Р.К.К.	20 ывпуск
К. Дермеджиев	1 Р.К.К.	16 выпуск
Г. Сапегин	1 Р.К.К.	17 выпуск
Д. Миронович	1 Р.К.К.	23 выпуск
В. Змунчилла	1 Р.К.К.	28 выпуск
В. Найда	1 Р.К.К.	23 выпуск
П. Дубильштейн	1 Р.К.К.	26 выпуск
И. Левшин	1 Р.К.К.	10 выпуск
Б. Крылов	К.К.К.	7 выпуск
С. Тырас	К.К.К.	8 выпуск
Монреаль:		
Г. Левчук	1 Р.К.К.	17 выпуск
М. Казанович	Р.К.К.	6 выпуск
А. Пущин	1 Р.К.К.	10 выпуск
Е. Ляшенко	1 Р.К.К.	11 выпуск
А. Перекрестов	1 Р.К.К.	27 выпуск
Г. Новосельцев	1 Р.К.К.	22 выпуск
Г. Малашенко	1 Р.К.К.	6 выпуск
М. Пущин	1 Р.К.К.	12 выпуск
С. Николаев	1 Р.К.К.	10 выпуск
П. Пагануцци	К.К.К.	10 выпуск
Г. Хижняков	К.К.К.	3 выпуск
Н. Гридин	Д.К.К.	
Б. Калинович	Морской К.К.	

Почетные гости

Е. В. Пр. Архиепископ Виталий Монреальский и Канадский К.К.К.

Е. В. Кн. Вера Константиновна

Кап. Б. И. Орлов — председатель Канадского Легиона (отдел Георгия Победоносца)

Н. С. Миклашевская Пред. объединения Мариинского Донского Института.

Количество участников

Кадет	120
Их Супруг	82
Сыновей-дочерей	34
Присутствовало на банкете	248
Присутствовало на балу	380

ПИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ ИЗ БРАЗИЛИИ

А. Бертельс-Меньшой

Ваше Высочество, Ваше Преосвященство, Дорогие однокашники!

Приветствую вас от имени русских кадет в Бразилии. В этой обширной стране как и в других странах нашего рассеяния, тоже нашли приют русские кадеты. Как и в других странах, и в нашей группе большинство нелегким трудом достигает права на жизнь. Есть однако, в нашем сознании нечто высшее, что отличает Бразилию от многих стран в теперешнем мире и что дает нам, русским монархистам, большое удовлетворение.

Мы, русские в Бразилии, знаем, о мудрой и дальновидной политике императорского правительства в начале прошлого века признавшего, одновременно с Англией, и нужно отметить, что только английский король и русский Император из всех европейских монархов, признали провозглашение бразильской империи и ее первого императора Дона Педро I.

Русская дипломатия аккредитировала, в ранге посла, при бразильском дворе графа Лансдорфа. тот блестящий представитель России был и выдающимся ученым-натуралистом. В свободное от своих обязанностей время он организовал ряд экскурсий изучая бразильскую флору и фауну. В экскурсиях со своими моряками, сопровождал графа командир русского фрегата Румянцев. Результаты этих экскурсий отмече-

ны бразильской наукой — назвав растение Лансдорфия, с которого собирает нектар бабочка — тоже Лансдорфия, а именем капитана Румянцева названа самая распространенная в Бразилии пальма.

Было ли это вступлением в духовную связь между высшими и чистыми мыслителями и гуманистами, но идея создания высшего международного суда в Гааге во имя мира всего мира принадлежит русскому Императору Николаю Александровичу и бразильскому премьер-министру Руй Барбозе.

Заканчиваю эту историческую справку пожеланием продуктивной работы на этом съезде.

К ПЯТОМУ СЪЕЗДУ В МОНРЕАЛЕ

Нас ждет холодная Канада
С ее осенней красотой
Когда леса уже покрыты
Как будто краской золотой.

Но нас согреет радость встречи
И теплый дружеский прием
Внимание, ласковые речи,
Хозяев наших милых жен

И мы средь красочной природы
В кругу заботливых друзей
Забыв житейские невзгоды
Пробудем семь счастливых дней.

Н. Домерщиков.

БЛАГОДАРНОСТЬ УСТРОИТЕЛЯМ 5-го СЪЕЗДА.

В этом номере «Переклички», посвященном нашему Пятому съезду, я хочу выразить мою особую благодарность его устроителям. Все животворное значение для нас подобных съездов едва ли кто-либо другой может так глубоко оценить, как я, вот уже сорок лет живущий в таких захолустьях Южной Америки, где кадета можно встретить лишь случайно и

мимолетно. Без излишних слов понятно, какое значение для меня имел этот съезд, давший возможность целиком окунуться в атмосферу нашего незабываемого прошлого, провести неделю в родной кадетской среде и вновь ощутить давно потерянное чувство локтя. Словно жизненного эликсира хлебнул.

С законной гордостью мы можем сказать, что в то время как все другие эмигрантские организации дробились, мельчали и разваливались, наше Кадетское Объединение неуклонно ширилось и крепло, покуда не сплотило всех бывших русских кадет в единую, сильную и дружную семью.

От всей души приветствую решение впредь устраивать наши съезды каждые два года. Мы стареем, для любого из нас очередной съезд может оказаться последним. Чем меньше нас остается, тем чаще мы должны встречаться и тем теснее смыкать наши редеющие ряды. И да не обратится никогда в простую «банкетную фразу» наш священный девиз **«кадет кадету друг и брат»!**

Кн. М. Карачевский-Каратеев.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Наш однокашник Игорь Автамонов, стихи которого неоднократно печатались в «Перекличке», выпустил новый сборник своих стихов «ГРОЗДИ». С любовью изданная книга лирических стихотворений, поэм и поэтической сатиры является призывом автора к Правде, Чести, Добру и Красоте и исповедью его любви к Родине и ее изумительной истории. В русских газетах уже вышли отзывы литературных обозревателей. Мы рекомендуем эту книгу своим читателям. Сборник можно заказать в редакции «Переклички». Цена для подписчиков 5 долларов. **Н. В. К.**

СЕДАЯ ДУША
(Памяти Ивана Савина в 50-ую годовщину смерти)

... «Посмотри — душа седая в двадцать три...» это написал в 1922 г. Иван Савин, успевший за несколько лет войны пережить столько, что в пору было поседеть и самому. Необычна история этой семьи. Дед Савина по линии отца чистокровный финн Саволайнен, переселившись в Россию, женился на гречанке. Другой дед, молдаванин, был женат на русской. Сколько же русской крови было в поэте? Но, читая его стихи убеждаешься в том, что невозможно быть более русским.

Родился Иван Савин 29 августа 1899 г. в маленьком городке Полтавской губернии и там провел детство и раннюю юность. Так как его отец женился на вдове, у него оказалось три сводных брата и две сестры. Был еще и родной брат. Когда началась гражданская война, все братья решили идти в Белую армию. Ивана сперва вернули домой, но в 1919 г., после получения аттестата зрелости, как только части Белой армии заняли город, где он жил, он примкнул добровольцем к этим частям. Тяжелая участь ожидала всех членов семьи. Первыми погибли младший брат Николай, которому едва минуло 16 лет, и один из сводных братьев. Два других были расстреляны большевиками. Потрясающие стихи, подчеркивающие своей несколько неровной формой правдивость рассказа, посвящены братьям Михаилу и Павлу.

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках.
   Как пулемет на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, звонко крикнул: «Что, начнем?»
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздем.
   Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: «Ложись»,
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.
   И плыл расвет ноябрьский над туманом,

И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломаном плече
Вдруг начал петь — и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...

Бунин сказал когда-то, что, при чтении этих стихов «холод жуткого восторга прошел по голове и глаза затуманились страшными и сладостными слезами». Между прочим две последних строчки написаны на памятнике на могиле Савина.

Прекрасны и трагично-трогательны стихи о смерти других братьев, особенно о гибели брата Николая:

...Липы да клевер. Упала с кургана
Капля горячего олова.
Мальчик вздохнул, покачнулся и странно
Тронул ладонями голову.
Словно искал эту пулю шальную.
Вздрогнул весь. Стремя зазвякало.
В клевер упал. И на грудь неживую
Липа росою заплакала.

Именно потому, что Савин был всей душой до конца предан Белой идее, его стихи на так называемую «гражданскую» тему не являются холодной данью исторической злободневности. Благодаря силе, глубине чувства и предельной искренности, в соединении с большим талантом, эти стихи и через 50 лет «живут», доходят до души читателя и заставляют вместе с автором переживать и Первый бой:

«Я крикнул товарищу: «Слушай, давай за Россию умрем»,
и то, что молодость

«увели из дому на семнадцатом детском году»
и многие строчки из стихов тех лет.

Короткий срок оставлен был поэту для творчества. Измученный войной, пленом, пытками физическими и душевными, Савин наконец вырвался в Финляндию в 1922 году, как финский гражданин. С 1923 г. он стал сотрудничать в зарубежной прессе: газета «Сегодня» в Риге, «Иллюстрированная Россия» и «Возрождение» в Париже, «Руль» и т. д. Писал статьи, рассказы, стихи. Были даже две пьесы («Там» и «Молодость») поставленные кружком молодежи в Гельсингфорсе.

В 1924 г. поэт женился на Л. В. Соловьевой. Жизнь вошла в спокойную колею, жена работала, Савин целиком отдался творчеству. К этому времени относятся поездки на Валаам, в Куокаллу, знакомство, перешедшее позже в дружбу, с художником Репиным. Внезапно острый припадок аппендицита, повлекший за собой зараженье крови, несколько недель борьбы с болезнью и 12 июля 1927 года Савин скончался. Эта раняя смерть — потеря не только для поэзии. Стихи Ивана Савина, отражая события того страшного времени, но не изменяя при этом высокой поэзии, являются как бы осколками истории: стихи о Галлиполи, «России», уже выше упомянутый «Первый бой» и многие другие. Приведу полностью одно из стихотворений, посвященных ген. Корнилову, пожалуй, лучшее из всего, что о нем написано.

Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажег
Над Русью бунт костры из муки.
Народ, как раб, на плаху лег.
  И только ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Был мертвой родины достоин
В те недостойные года.
  И только ты, подняв на битву
Изнемогавших, претворил
Упрек истории — в молитву
У героических могил.
  Вот почему с такой любовью,
С благоговением таким
Клоню я голову сыновью
Перед бесмертием твоим.

Неожиданны и новы у Савина образы и сравнения, особенно в лирических стихах:

когда судьба из наших жизней
Пасьянс раскладывала зло,
Меня в проигранной отчизне
Глубоким солнцем замело.
Из карт стасованных сурово
Для утомительной игры,
Я рядом с девушкой трефовой
Упал на крымские ковры.

или:

Ушла с заплаканной улыбкой
Твоя двадцатая весна.

и так далее.

Стихи всегда выдержаны в ритме и поэт пользуется исключительно точными рифмами, что особенно ценно в наше время.

Рассказы Савина тоже полны настроеньем тех лет, когда Бог «с каждым днем горе множил», то горе, от которого стала седою душа. Некоторые рассказы: «Дроль», «Моему внуку», «Трилистник» и др. были напечатаны в 50-х годах в разных газетах. Рассказ «Лимонадная будка» был напечатан в газете «Руль» 53 года тому назад.

Надо надеяться, что когда-нибудь все литературное наследство Ивана Савина будет переиздано, чтобы потомки наши, изучая русскую Литературу (с большой буквы) смогли бы прочесть короткую, но блестящую страницу о Белом воине, о молодом поэте с седою душой.

Нонна Белавина.

ЛИМОНАДНАЯ БУДКА.

Хорошо, Господи, что у всех есть свой язык, свой тихий баюкающий говор. И у камня есть, и у дерева, и у вон той былинки, что бесстрашно колышется над обрывом, над белыми кудрями волн.

Даже пыль, золотым облаком встающая на детской площадке, у каменных столбиков ворот, говорит чуть слышно горячими, колющими губами. Надо только прислушаться, понять.

Если к камню у купальни — толстущий такой камень, черный, в жилах серых — прилечь чутким ухом и погладить его по столетним морщинам, он сначала заурчит, закашляет пылью из глубоких трещин — спать мешают, вот публика, ей-Богу. А потом подумает: нехорошо, брат, и для здоровья вредно на старости лет злиться. И много, много интересного расскажет своим добрым каменным языком.

Расскажет о пугливых жуках, живущих под его запрятанным в земле животом. О морской пене, которая, собственно, никому не нужна, потому что только смеяться и умеет. О звездах, падающих в августе с неба, где им, должно быть,

тесно. А, может быть, просто попутешествовать хочется.

Расскажет о том, как давно-давно всю ночь плакала на нем золотоволосая девушка, обсыпая его горячими горошинами слез, а под утро бросилась в море. Говорили, какая-то там любовь со смертью ее обручила. Глупые эти люди, будто без любви и жить нельзя. Повыдумывали разное, а что в мире солнце есть и что вон та щепка бьющаяся о борт лодки, прекраснее нестоющей человеческой любви — им и дела нет. Тоже венцы творения...

У всех есть свой язык, свой тихий говор. И всех можно понять, только надо быть ласковым и бездомным. Бездомным потому, что только потеряв свой край, свои поля начинаешь понимать, что многоглагольна и чудесами вспахана земля Божия. И слушать начинаешь говоры чужого края и полей чужих.

Вот лимонадная будка например (плотно прилепилась она к забору у входа в парк). Она какая-то особенно полная и понятная. Может, оттого что и будка тоже беженка — родилась она в России, в молодости была грузовой баржей, по Неве плавала. Потом разобрали старенькие ее кости и, эвакуировали их на чужбину, сколотили в киоск, для толстой фрю Густавсон, и ее бутылок с лимонадом.

По русски будка говорит совсем хорошо, хотя с маленьким финским акцентом, ударения почему-то всегда на первом слоге, и никак «Ы» выговорить не может. Но и не мудрено — сколько лет прошло уже с юности на Неве. Когда-когда русскую речь услышишь, а русских газет лет двадцать не видела. Вот только «Ы» немножко смешно у нее выходит, а так она очень очень милая приветливая и мудрая, и я часто сижу в прохладной траве, прислонив голову к ее старым костям — они до сих пор еще не утратили запаха смолы — и слушаю долгие рассказы обо всем, чему свидетелем была она, лимонадная будка, и сбегающий к сонному морю парк.

Летом в лимонадной будке толстая фрю Густавсон, урожденная фрекен Гранхолм, вдова водопроводного мастера, о чем любезно сообщала вывеска над киоском, продавала влюбленным парочкам лимонад, яблоки и пестрые пакетики с мятными лепешками. Зимой в будке жил Миша, которого катавшиеся с гор мальчишки каждый раз встречали и провожали радостными криками:

— Вэнеляйнен, вэнеляйнен! (русский, русский!)

Где жил Миша в остальное время года, никто не знал. Правда, серебряная былинка, певшая по вечерам старинные романсы —и очень не дурно, только школы ей не хватало — часто говорила, будто ее друг — ветер видел, как весной и летом Миша бродил за городом и собирал грибы. Но все знали, что ветер большой фантазер, и ему никто не верил.

Как только влюбленные парочки меняли темные аллеи парка на дансинги и кафэ и старинным золотом листопада покрывались его скамьи, изрезанные тысячами инициалов и пронзенных стрелами сердец, у лимонадной будки останавливалась белая, слепая на один глаз лошадь, фрю Густавсон, урожденная фрэкен Гранхольм, вдова водопроводного мастера, укладывала свои бутылки, яблоки и пакетики в корзину, и белая лошадь увозила ее и корзину в пригородный поселок, где водопроводный мастер оставил ей маленький домик и семь человек детей.

Через несколько дней приходил Миша. Вечно покачивающийся со стороны на сторону, худой до темной синевы под скулами и в падинах глаз, с безмятежной улыбкой на неестественно ярких губах, он каждую зиму останавливался перед дверью опустевшего ларька с громким возгласом:

— Приветствую тебя, мой кров священный, — и кланялся сложив руки по-индусски.

Миша приносил с собой чугунную печку без дверцы и такую дымную, что лимонадная будка чуть было не захворала скоротечной чахоткой, да здоровый сосновый воздух, к счастью вылечил ее. Приносил Миша несколько ящиков из под чая для кровати и стола, большую консервную банку — он варил в ней овес, мерзлый картофель и шеколад — связку книг, тетрадей и гитару с выцветшей лентой.

На гитаре Миша играл с утра до ночи, играл до самозабвения, восторженно улыбаясь, блестя в полумраке синими каплями безумных глаз. Смеялся чему-то очень хорошему и очень родному и играл, играл, забывая сварить себе почерневший картофель или протопить печь.

Еще в бытность свою в России, перевозя лес и бочки с керосином по Неве, лимонадная будка полюбила музыку: старшая дочь хозяина, Люба, душевно играла на мандолине. Но у Любы все так просто было и трогательно — «Очи черные, очи страстные», «Пойду в лесочек погуляю, свово предмета поискаю» или «По улицам ходила большая крокодила».

А Миша... Суетились, цветным бисером прыгали по стенам и потолку, тонко плакали и громко смеялись толпы звуков, проворные пальцы бегали по струнам — и не уследишь за ними, бешенными. А понять ничего нельзя: не то вальс какой-то перепутанный, не то песня странная, на «Очи черные» совсем не похожая.

Только один раз Миша сказал со вздохом: Бах на гитаре не выходит. Сыграем-ка лучше баркароллу Чайковского. Сыграем, милый?

Никакого милого в будке не было. И никто Мише не ответил. Но с баюкающей нежностью запела старая, исцарапанная гитара:

— Та-та-та-та — та-та-та-та-татам... Та-та-та там... Та-та-та-там... Где доставал он овес и картофель, чем жил — так и осталось тайной. Лимонадная будка с горечью созналась мне — даже ржавый навес зашумел внятно: да, да... что Миша в общем очень достойный молодой человек, работать терпеть не мог.

А когда я, по откровенности своей и желанию поговорить с родным человеком, сказал лимонадной будке, что и я, между прочим, работать совсем не люблю, а люблю девушку, забывшую меня, малороссийские хутора и стихи Бунина — она прочла мне целую нотацию о вреде праздности.

— Тут тоже один все к нам в парк ходил, все стишки какого-то Гумилева читал. А потом возьми и повесься в парке, в кармане еще записку нашли: пишет, если такого поэта расстреляли, так зачем я жить буду...

Впрочем осуждение праздности людской лимонадная будка заимствовала у своего соседа, камня с пугливыми жуками и под мшистым животом. Тот все время недоумевал, для чего Господь Бог создал людей...

Но не только человек, каждое создание Божье и бабочка капустница, и облачко, и дождевая капля — в свободное от труда время выдумывают себе какую-нибудь забаву, каприз или радость.

Была забава и у Миши: он дресировал тараканов. Зажигал огарок, подбрасывал в печь шишек и вынимал из кармана спичечную коробку с коричневыми, блестящими зверьками.

Тараканы разбегались по ящику из под чая, шевеля длинными усами и ежились от холода, а грязная рука с тонкими

музыкальными пальцами загоняла их в очерченный углем квадрат, строила в две шеренги и рассыпала в цепь. Может быть, Мише и удалось бы, в конце концов, приучить их к строгой дисциплине и военной выправке, но серые деревенские парни — тараканы, привыкнув к жарко натопленной печке, дезертировали целыми взводами и замерзали, траурно опустив палочки усов. Миша хоронил их в снегу под Траурный Марш Шопена, а на следующий день приносил новых. Когда с детским криком лопались струны, когда переставала дыметь чугунная печка и голод затушевывал прозрачно-синие глаза Миши, он кутал голову башлыком и шел на пристань грузить пароходы.

Лимонадная будка провожала его материнским взглядом, скрипела тревожно. Все казалось ей, замерзнет бедный. Ноги то только тряпками обмотаны, грудь в легкой курточке с дырой на левом локте. И так уже кашляет беспрестанно...

Но к вечеру возвращался Миша домой с шеколадом в золотой обложке, с грушами и виноградом, с новыми струнами в крохотной плетеной корзинке, и будка, вдыхая знакомый запах сладостей и фруктов, успокаивалась.

Весь в угольной пыли, усталый и беззаботный, Миша раскрывал квадратное окно, чудесно разрисованное морозом — большой художник, хоть и самоучка — и бросал в рыхлые сугробы снега груши и матовые кисти винограда.

Шумная стая мальчуганов, побросав салазки и коньки, спотыкаясь и падая на бегу, бросались к окну со знакомым, радостным криком:

—Вэнеляйнен, вэнеляйнен...

Серебристо-коричневые пузыри шоколада ласково шумели в консервной банке. Сердито ворчала набитая углем чугунка и со злости — Бог ее знает; почему у нее всегда было плохое настроение — напускала столько дыму, что будка заливалась кашлем, будто страдала коклюшем. Миша разваливался на ящиках и, блаженно улыбаясь, говорил кому-то может быть тому милому, кого и в будке не было:

Нам все равно, да? Пусть там — потоп из крови. Они не понимают, что ты такой огромный. И у меня в душе — звезда твоя. Пусть там все. А здесь ходит Бог. Ступит — след ноги в цветах и в музыке.

А утром выскребывал заплесневевшими корками пенку со дна банки — опять надо было идти на пристань — и играл

Преображенский марш так четко и гордо, что тараканы в спичечной коробке начинали искренне раскаиваться в своем отвращении к военной службе.

Раза два за зиму в будке появлялась маленькая костлявая женщина в дорогой, потертой шубе — сестра Миши.

У нее было желтое птичье лицо, то и дело сводимое тиком, узкие руки с грязными ногтями и те же, Мишины глаза, — прозрачно-синие, немного удивленные, усыпанные тревожными искорками. Только у брата искорки эти ушли вглубь и оттуда выглядывали редко, а у сестры они горели тоскливым, живым пламенем.

Женщина ставила на ящик бутылку с молоком, большой круглый хлеб и котлету в засаленной бумажке. Вздохнув прерывистым, трехэтажным вздохом, сестра, резко отчеканивая слова, говорила брату всегда одно и то же: «Сначала мы думали, что это просто блажь какая-то, но это уже третий год тянется. Если тебе себя не жалко, пожалей маму. Зачем было тогда бежать из России — пусть бы расстреляли лучше. Ты или страшный эгоист, или юродивый»...

Миша тихо перебирал струны, и думая о морском прибое, отвечал:

«Я сам не знаю, кто я. Да это и не интересно, Валя. А вот хочется, чтобы эта будка поднялась вверх и полетела. Около солнца, наверное, нет ветра, Да?»

«Мы все изнервничались, я понимаю: и у тебя это со временем пройдет. Но нельзя же, Миша, так опускаться, стыдно. Как-нибудь продержаться эти годы, а еще будет хорошо, я знаю, будет еще хорошо. Ты опять в консерваторию поступишь, мама повеселеет. Рояль твой...»

«Не надо, Валя. Погибло, ну и пусть. Ты пойми — погибло. Так как же ты вернешь? Странная ты. Тут Бог ходит, а ты про консерваторию».

Женщина испуганно оглядывала голые стены лимонадной будки и, прикрыв руку платком, крестила мелко и торопливо верхнюю пуговицу шубы.

«Дорожить этим совсем не надо, Валя. Этим, то-есть родиной, домом и там еще... роялем. У меня — звезда светит. Я люблю вот, когда печка и никого нет. И пусть».

«Чем же дорожить по твоему? Холодной будкой? Дрессированными тараканами или романсами Глинки на этой идиотской гитаре? Скажи чем, Боже мой, Боже?»

«И этим не надо. Это тоже случайно. А вот идти по лесу, густом таком прегустом, и слушать, как под ногами хрустит песок. Или бросать камешки в воду. Камешки — буль,буль. Круги расходятся. И радостно».

Сердце костлявой женщины было глухо к этой радости, понятной даже самой глупой волне, и по ее желтому лицу текли желтые, злые слезы.

Прошлой осенью Миша не пришел в темный парк, не поклонился старой лимонадной будке по-индусски.

Фрю Густавсон, урожденная фрэкен Гранхольм, еще в конце сентября увезла на белой слепой на один глаз лошади свои бутылки и пакетики, но и в октябре, и в декабре, и весной все так же пуст был священный кров дресировщика тараканов.

Миша не пришел больше.

Лимонадная будка затосковала, совсем сгорбилась, с горя ослепла на единственный глаз — стекло в квадратном окошке лопнуло студеной зимней ночью. Она расспрашивала о Мише весь парк, все море, все небо. Никто ничего не знал ни птицы, ни волны, ни звезды, которые, как известно, иногда знают больше, чем нужно.

Только ветер сказал как-то, что он видел жильца лимонадной будки за городом, на пыльном шоссе, еще в июле. Лежал Миша с открытыми стеклянными глазами и смеялся ласково, как всегда. Только и улыбка была будто стеклянная, и не дышал он. Вероятно перед тем как лечь на шоссе, пил Миша красное вино, потому что с детских губ его сбегала на булыжник тоненькая красная струйка.

Но все знали, что ветер большой фантазер, и ему никто не поверил...

ИВАН САВИН — Финляндия.

ОТ РЕДАКЦИИ

В прошлом номере нашего журнала была напечатана статья «Кадеты в Ярославском восстании» без указания имени автора. Имя автора, по стечению обстоятельств, редакции не было известно. Автором статьи является Борис Павлов.

ПОСЛЕДНИЙ ЗНАМЕНЩИК.

В моем архиве есть черновик, скорее отдельные черновые наброски описания последних дней 1-го Московского кадетского корпуса, написанные Борисом Райкиным-Кречетовым, последним знаменщиком последнего, 137-го, выпуска этого корпуса.

Как уже у нас в «Перекличке» писалось, 1-ая рота 1-го Московского кад. корпуса вместе с другими 1-ми ротами московских корпусов активно участвовала в Октябрьские дни 1917-го года в борьбе с большевиками. Оборону 1-го Московского кад. корпуса возглавил полковник Рар, остальное офицерство корпуса участия в ней не приняло. Директор корпуса. ген. В. В. Римский-Корсаков (впоследствии директор Крымского кад. корпуса), ответственный перед родителями за судьбу вверенных ему детей, безрезультатно уговаривал кадет остаться нейтральными. Даже сочувствуя кадетам, поступить иначе он не мог.

Неравная борьба продолжалась 6 дней. В ночь перед капитуляцией, когда выяснилась безнадежность обстановки, полк. Рар, командующий кадетами, ушел в Кремль, где еще продолжалась борьба, оставив своим замсетителем знаменщика Райкина-Кречетова.

На другой день сдавшийся корпус наполнился разнузданными толпами красноармейцев, обвешанных гранатами и пулеметными лентами. Всем кадетам было приказано собраться в приемных комнатах корпуса. Вот как описывает этот момент Райкин-Кречетов: «Мы были одни, одни кадеты, — не было с нами ни одного офицера. Хорошо запомнилась нахальная фигура, в полу-папахе, комиссара Гроссмана. (Как я понял из разрозненных записок Р.-К-ва, директор корпуса был сразу арестован пришедшими большевикмаи в своей квартире, но позднее был ими выпущен. **Б. П.**).

«Кто здесь старший кадет, подписавший сдачу?» был его первый вопрос. Один из красноармейцев показал на меня. Комиссар быстро подошел ко мне и отвел штык от моей груди (я стоял прижатый красногвардейским штыком к стене). «Где полковник Рар?» — спросил он меня. «Не знаю» — ответил я, окаменевший от страха. Комиссар Гроссман наотмашь ударил меня по лицу... Кто-то из кадет малышей заплакал... Кадеты 137-го выпуска, помните ли вы эту мою

пощечину последнего вашего знаменщика, полученную от большевистского комиссара? Вся трагичность этих минут была спасена не знаю откуда появившимся полк. Халтуриным. Он подошел к комиссару и начал что-то быстро ему говорить. Я расслышал только его слова: «поймите, — это не их вина, ведь они только еще дети»... мы были спасены. Избиения, которого можно было ожидать, не произошло...».

Во время обороны корпуса было убито 9 кадет. Их изуродованные тела были большевиками отвезены в морг на Скобелевской площади и там брошены. На деньги, данные Райкину ген. Римским-Корсаковым (личные деньги генерала), они были им выкуплены и с честью похоронены. Сам генерал, рискуя своей жизнью, вместе с ним шел за гробами девяти своих кадет-мальчиков.

Потом, на восьмой день после сдачи, был кадетами выкраден ключ от церкви и ночью Райкиным знамя корпуса, находившееся там, было срезано с древка, вынесено и спрятано. До 1935-го года было известно, что знамя в сохранности. О его местонахождении знал только ген. Римский-Корсаков и он — Райкин-Кречетов.

Пошли слухи, что на окраинах начинается борьба с большевиками. Московские кадеты устремились на Дон и в Сибирь. Борис Р.-Кречетов бежал на Дон. Там в рядах Корниловского Ударного полка проделал 1-ый Кубанский поход, был произведен в офицеры, потом поход на Орел, Крым, Галлиполи и наконец Париж. Умер уже после 2-ой Мировой войны, точная дата смерти мне неизвестна.

Борис Райкин-Кречетов был также немножко поэтом. У меня есть несколько его черновиков. Стихи его бесхитростно-просты, но очень трогательны. Не знаю, печатались ли они где-нибудь. Привожу одно из них. Оно было прочитано на одном из собраний бывших кадет 1-го Московского кад. корпуса.

Все меньше нас... кадетским строем
Дойдя до сени гробовой,
Кончаем жизнь мы на чужбине,
Но с чистым сердцем и душой.
Все меньше нас, но мы как прежде
Верны, — О, Родина, — Тебе.
В Кадетской верности, в надежде
Черпаем силы мы себе.

Пройдут года и рожь златая
Над нами пышная взойдет,
О нас же память вековая
В легенду — сагу перейдет.

И там... на Родине — Отчизне
Нас добрым словом помянут, —
На Русском празднике и тризне, —
Штандарты честь нам отдадут!..

Борис Павлов.

Е. В. Княжна Вера Константиновна

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Война кончилась. Германия капитулировала. Страна, разрушенная и побежденная, разделенная на три зоны, переживала жуткое время. Полный хаос, неопределенность, неуверенность в будущем. — Иностранные рабочие репатриировались. Бедные «остарбайтеры». Что их ждало? Говорили, что они попадали за проволоку где-то в Силезии и домой не возвращались — или же, как «изменники», осуждались на каторгу в концлагеря.

Американцы в Альтенбурге вели себя прилично. Удивлялись, что не все немцы «наци». — Городским головой Альтенбурга был назначен старый социалист, занимавший этот пост до прихода к власти Хитлера. Я знала его племянницу, что в дальнейшем оказалось весьма полезным.

Местные военные власти потребовали сдачу оружия и фотографических аппаратов. Мою кавказскую шашку с кинжалом подарок принца Вельдемара Прусского (его отец, принц Генрих, был братом Императора Вильгельма, а мать сестра Императрицы Александры Феодоровны) я сдала в музей замка Альтенбурга, вместе с кортиком, принадлежавшим офицеру с знаменитого крейсера ВАРЯГ. Фотокамеры понесла к указанному месту. Там лежала целая пирамида аппаратов и стоял часовой. Сказала ему: «я немка, сдавать ли и мне?» Он ответил: «Гоу ахед» (т. е. «следуйте дальше», или «валяйте»), а сам отвернулся. Я все же положила в эту кучу, из которой

легко можно было взять себе аппарат фирмы Лейка, вместо моего Роллей-флекса... Несколько дней спустя меня навестили два американца; один из них был пастором, на его стальном шлеме был крест. Им я рассказала про сдачу фотоаппаратов, что оказалось противозаконно. Скоро после этого мои квартиранты сказали мне, что эти американцы приходили, но им было сказано, что я отдыхаю и я их больше не видела. Повидимому они хотели вернуть мне мою любимую камеру, чудный Реллейфлекс! Прятать что-либо, да еще в замке, я не рисковала, боясь репрессий.

Пошла я, как-то, к «Остам», в лагерь Хазаг, где была переводчицей, работала в почтовом отделении и на самом заводе во время войны. Со мной была молодая фольксдейч из Словении, жившая у меня после смерти камеристки моей матери. На столах стояли банки со всевозможными консервами, полупустыми. Нас угощали но разговор не клеился. Дали два мешка провизии. У выхода из лагеря нас остановил француз, хотел отнять мешки. Я на него грозно посмотрела и он оставил меня в покое, но нас отвели к начальнику, французскому лейтенанту с югославянской фамилией. Выручило знание французского языка и нас отпустили. По пути домой зашли в гостиницу с надписью «оф лимитс». Я не знала, что это значит, а главный знакомый мне, лакей не объяснил. Разговаривала с американским солдатом — поляком. Наконец он мне объявил, что я слишком много понимаю из разговоров его сослуживцев и просил уйти. Я ждала подругу, ушедшую с одним из мешков и рада была ее возвращению. Солдат был неприятен в некотором отношении.

Познакомилась я с очень симпатичной русской парой: оба были дантистами и хотели открыть зубоврачебный кабинет, или же просто набирали инструменты. Пошли в склад. Немец не хотел дать хорошее сверло. Спрятать его в карман я не решалась, но в конце концов так и сделала, когда заведующий вышел. В другой раз эти же милые люди принесли мне головку голландского сыра: мне не удалось получить такой сыр, стоя в очереди: его больше не осталось под самый конец очереди.

Я приняла к себе в квартиру семью Волковых, беженцев из Польши: родители, дочь и трое детей. Дочь пошла работать в польский лагерь, в казармах. Старики очень волновались, что к нам скоро придут советы. Я пошла к американ-

скому майору, начальнику гарнизона. Маленький, с черными усиками офицер вышле ко мне часов в 9 утра, застегивая манжеты защитной рубашки. На мой вопрос, придут ли в Альтенбург советские войска, ответил, что это военный секрет и даже если бы он знал, то мне бы не сказал.

При встрече на улице с бывшей сослуживицей иностранного лагеря завода «Хазаг», на ее вопрос, что я, конечно, буду переводчицей, когда придут русские, я ответила, что, мол, меня уже здесь тогда не будет!

У меня в Америке были родственники. Среди них князь и княгиня Чавчавадзе. Княгиня моя троюродная сестра по отцу: дочь великого князя Георгия Михайловича; по матери — двоюродная племянница: дочь великой княгини Марии Георгиевны, мать которой, королева Еллинов, Ольга Константиновна, была родной сестрой моего отца. Я все молилась: Господи, если Павлик здесь, пришли его ко мне! И вот стою я раз в кухне и чем-то занимаюсь: приходит соседка и говорит, что ко мне приехал родственник: и вот Павлик Чавчавадзе стоит передо мной! Он был майором американского красного креста и занимался военнопленными и «Ди-Пи». Сказала ему про свои волнения. «Хотел бы я знать чтобы Советы с тобой сделали, если бы они тебя видели, по моему — ничего»... Все же сказал, что попробует сделать, что сможет. Он был в районе другой армии, чем я, а американские армии друг с другом не сообщались, как будто это чужие страны. Просил не уходить и эту фразу я упустила из виду. Когда пришел мой двоюродный брат (немец), он тоже не слышал этого совета, или же Павлик его не повторил. Через пол часа после отъезда Чавчавадзе пришла племянница городского головы, с которой я сговорилась, что ее дядя предупредит меня в случае советской опасности. Городской голова просил передать, что следует быть наготове. Двоюродный брат мой, принц Фридрих-Эрнст Саксен-Альтенбургский, решил времени не терять. Он размышлял, что мне грозит большая опасность, чем его матери в британской зоне и решил идти не на северо-запад, к матери, а на юг, в Баварию, где у него были знакомые около Бамберга. Было 9 часов вечера, 6-го июня 1945 г. Решили идти вдвоем. Взяв с собой мешок со сменой белья, Евангелием, молитвенником и двумя образами, вышли. На окраине города, на возвышенном месте, оглянулись: все пропало, начинай сначала, свободны, как птицы и даже

прыгали от удовольствия!.. Пошли в соседний городок, Шмелн, в 14-ти километрах от Альтенбурга. Там жила наша общая учительница. Частично бежали под гору и переход проделали в 2 часа. При входе в Шмелн завыли сирены — вечерняя заря — когда надо было быть в домах и невыходить на улицу. К учительнице дошли благополучно. Собираясь в поход, я не нашла целые носки, а лишь порванные. Надела 2 пары чулок, надо было бы надеть 3-4. Башмаки всегда натирали пятки, а нужна была солидная обувь для такого перехода. Уже в Шмелне я чувствовала, что протираю правую пятку. Брат попросил у учительницы пластырь, у него оказалась та же беда. Я не решилась тоже попросить, зная, что такой товар на вес золота. Так и шла, все больше протирая ногу. Шли мы всего около 240 километров. Ночевали у добрых людей. Вторую ночь тоже у знакомых брата. Спали на полу в зале, или большой комнате. Погода стояла сухая и жаркая. В общем идти было весело. Проходили лесистую Тюрингию, которую брат Фритц знал хорошо. На родине второй жены Императора Вильгельма, Императрицы Германии, в Рейсс-Грайц-Шлейц, нас в замок не приняли, не зная кто мы. Вся Германия была в пути, с запада на восток, с востока на запад, с севера на юг и с юга на север. Все куда-то стремились: кто домой, а кто бежал от коммунистов или из разрушенного бомбами запада. Несколько раз проезжал американский джип, кажется красно-крестный. Остановила его и попросила перевязочный материал, для сильно протертой пятки. Дали.

Проходили также бывшее княжество Рейсс младшей линии. Все мужские члены этой семьи (и старшей и младшей линии), носят имя Генрих с соответствующим номером и многие селения имеют названия, исходящие от этого имени. Мы шли в Хайнрихсдорф. Там жил бывший владетельный князь с семьей и родственниками. По дороге встретили крестьян, предложивших нас накормить, ибо у них были запасы. Мы скромно отказались, ответив, что идем к родственникам, которые нам наверно что-нибудь дадут. Пришли под вечер к старичкам принцу и принцессе цур Липпе, беженцам из Дрездена. Они как раз обедали и предложили нам обоим тарелку яичницы, от которой стало еще голоднее. Старички жаловались, что ничего не вывезли из Дрездена, «только 17 сундуков»...

Зная, что главная опасность миновала и мы уже на границе Баварии, от реакции и усталости мне стало дурно. Принцессе, видя, что мне нехорошо, тоже стало плохо, а муж, понятно, больше заботился о ней, чем обо мне. Пришел очень симпатичный доктор, выдававший себя за украинца, со своей ассистенткой; говорили на чисто русском языке. Врач осмотрел, сказал, что ноги требуют по крайней мере три дня отдыха, или больше. Дали маленькую банку консервов и кусок мыла. Нас поместили недлаеко от цур Липпе, у мясника. В комнате, к счастью, были 2 кровати. Еду мне приносили, кажется, от мясника. Старички пришли проведать бывшего служащего, стояли у моих окон, но не зашли. Навестила же меня некая принцесса Рейсс, мне знакомая; пришла, хромая от артрита с палкой и собачкой, а жила далеко... — Там, в Хайнрихсдорфе, находился главный лесничий, фон дер Габеленц, родственник однофамильцев, наших друзей в Альтенбурге. Мать жены была канадка и поэтому там в доме бывали офицеры американского штаба. Стол был обильный. Я старалась не показывать голода. Брат Фритц, сидевший напротив меня, грозно посмотрел на меня и прошипел: «фрисс нихт зо»! («не жри так»)... Канадка, несмотря на просьбу и предупреждение, рассказала американцам про меня. Они ответили, что большевики уже не те и даже если у меня и погибли три брата, то времена изменились. Пришлось покинуть сей дом и устроиться иначе. Меня там перевязал американский санитар и заметил, что «это не от короткого марша». Ответила, что не слишком большой. —Мы же, примерно, прошли пол пути. Наследующее утро нас отвезли на автомобиле до места, где вчера еще стоял американский пост. Теперь там стояла телега и нам сказали, что пост — дальше. Мы же были без пропусков и дальше своего уезда не имели права куда-либо уходить. Шел дождь. В лесу, по мягкой хвое, хорошо шлось босиком и ноги не болели. Спустились к речке. Пересекли ее у мельницы, где нас при-вкусно накормили клецками. По дороге спросили беженцев из Рейнланда где баварская граница. «А вон здесь»... Я перекрестилась. Мы шли в соседний городок, где нам заказали комнату в гостинице при мясной. Не пошли туда из-за постов и направились в город Корнах: это старинная крепость, орудия которой были так поставлены, что не образовывали мертвого угла и крепость была неприступная. Там мы где-то ночевали.

Не доходя Кронаха надо было пересечь речку, по проложенным деревьям; мы просто на них сели: чудно — и ног не надо! По шоссе шмыгала взад и вперед санитарная машина, оказавшаяся примитивным автобусом, в котором мы и доехали до города. В больнице мне перевязали ногу и мы неожиданно встретили знакомых. — Дальше шли мы, приближаясь к Бамбергу. Встретили литовский «трек» в несколько телег. Нас взяли, но на ходу я от слабости и усталости не могла вскочить на воз, который, все же, на минутку остановился и я села. Какое счастье! Недалеко от Бамберга мы снова пошли пешком, боясь каждого американца: как будто они на нас обращали внимание, ведь таких, как мы были тысячи и тысячи. Спросили немецкого полицейского где можно переночевать. Он назвал своих знакомых во дворе собора — бывшая резиденция местного епископа: средневековая красота, дома, обшитые деревянными балками. Позвонили. «Что это он нам все посылает людей, у нас места нет!» был ответ и дверь захлопнулась. Нас принял к себе милый старичек сапожник, не имевший права работать, будучи притянут в нацистскую партию. Нацистам не давали права работать, то есть мелким: крупные обыкновенно устраивались, и с квартирами и т.д. Мы попали в комнату с кроватью без матраца, с видом прямо на дивный собор романского стиля. Я от усталости и волнения не могла заснуть. Светила полная луна. Каждые четверть часа старинные часы отбивали время, а утром затрезвонили к мессе. Что это, сказка, или действительность? — Утром осмотрели собор. Знаменитая статуя «бамбергского всадника», которую я так люблю, была еще заколочена досками от бомб. На ней изображен император Максимилиан.

...Должна вернуться немного назад. Примерно за день до прихода в Бамберг мы попали в деревню Штапельфельд, недалеко от башни «Альтенбург» и решили, что если нас спросят часовые, говорить, что идем оттуда. (Мы были в таком виде, что нам вряд ли бы поверили...). Кажется, тут-то нас и остановил американский пост. Что мы ему объясняли, уже не помню. Он велел нам на следующее утро явиться местному коменданту — чего мы не сделали. Идя дальше по местечку набрели на чистенькие деревянные бараки с цветами перед ними. Послышалась русская речь! Говорю брату: «знаешь, лучше туда не идти, кто знает кто и какие они, да возможны

и «жители» (насекомые). Устроились ночевать у сердобольных штапельфельдцев...

В Бамберге нам советовали выйти на шоссе и ждать грузовика, перевозившего молоко. Он брал путешественников. Ждали не долго и поехали. Нас оказалось человек 6. Среди них солдат по фамилии Вебер, возвращавшийся из плена. Узнав, что мы едем в Поммерсфельден, просил передать своим родственникам, что он жив-здоров и направляется домой где-то недалеко от Поммерсфельда. Его близкие наверно нас примут, услыхав, что он благополучен. Так и случилось. Сторож огромного дворца нас не принял, не пускал незнакомых и честно исполнял свои обязанности. Этот дворец копия Версаля, кажется на одно окно больше и принадлежит графам Шенборн-Визентхайт. Мы отправились к Веберам. Действительно, узнав о возвращении шурина приняли нас очень радушно, накормили и устроили на ночь. В одной комнате с огромной кроватью. В умывальнике воды не было — он только для видимости. Прилично нас накормили; хозяйка спросила мужа: «ну, старик, а мы что будем есть?» и принялись за яйца, от которых мы, стесняясь, отказались, у меня же слюньки текли... Графиня Шенборн-Визентхайт оказалась в Визентхайте, куда мы и направились на следующий день. По дороге еще ночевали в 8-ми или 9-ти километрах от этой деревни. В гостинице меня тайком накормили без продовольственных карточек, которых мы, странники, не имели. Дали мне номер для ночевки, конечно с не свежим бельем. Брат пошел в Визентхайт на разведку. На следующий день я отправилась туда же, отчасти на телеге, на которой было неудобно сидеть, отчасти хромая пешком. Примерно на пол пути меня встретил посланный графиней автомобиль. Мы ее лично не знали — у брата Фритца там был знакомый пианист. Приняли нас очень радушно и чудно устроили. Даже дали мне выкупатсья. Загорела я как орех и была худа, как щепка. Ноги заживали 6 недель. Шли мы 12 дней.

Впоследствии я узнала, что князь Чавчавадзе приехал с грузовиком и джипом в субботу, 8-го июня 1945 г. Зато он взял мои драгоценности и отвез их к родственникам. Он не имел права сказать, что до прихода советчиков оставалось еще три недели... Также заезжал за мной принц Луи-Фердинанд Прусский с женой княгиней Кирой Кирилловной: они тоже бежали от красных. Я им этого никогда не забуду!

В уютном замке был лазарет. Ежедневно приезжали американцы, играли с детьми, живущими в замке. Нас чуть не вернули в Альтенбург, но влияние графини спасло от такой участи.

Залечив ноги мы с братом отправились разъезжать по всей южной Германии, на всякий случай навещая родственников и знакомых, если снова нагрянет война. В воздухе пахло порохом. Навестили, между прочим и Вольфсгартен, который так любила Императрица Александра Феодоровна, моя крестная мать. В Мюнхене пошли к знакомым по Альтенбургу, имевших дом на той же Мауэркирхерштрассе, где находился «Дом Милосердного Самарянина» и русская школа о. А. Киселева. За мной зашел о. Георгий Граббе и устроил меня в Синоде на Донауштрассе. — Побывали мы и во французской зоне, и в Швебиш-Гмюнд, откуда навестили о. Адриана Рымаренко (архиепископа Андрея Рокландского). В конце концов, на поезде, в пустых угольных вагонах прибыли в Гамбург, надеясь оттуда перебраться в Англию. В Гамбурге у меня были знакомые. Почему-то они отправили меня в город (жили в предместье), а брата устроили у себя, а не наоборот. Электропоезд шел только до предместья Альтона. Завыли сирены вечерней зари. Куда ткнуться? Спросила английского Томми, разгуливающего со своей «фрейлайн». Советовал пойти в бункер, превращенный в ночлежку. Переполненный. В женских отделениях воздух стоял отчаянный. Нашла пустую койку у мужчин, но из матраца вылезало что-то острое и я ушла в другое место. Следующую ночь провела там, где меня устроили знакомые и это оказалось домом терпимости. Совсем хорошо! Такую подробность я узнала позже... На следующий день друзья устроили меня в хорошем пансионе в центре города. В отличной комнате, даже с балконом. Правда, не кормили, давали лишь утренний кофе — и не топили.

В Гамбург мы приехали 5-го января 1946 г. Я требовала у брата прибыть туда к русскому Рождеству. По случаю праздника, о. Нафанаил (теперь епископ Венский) устроил прием. Я сидела между ним и представительницей УННРА на Гамбург, милейшей мисс Помфрей, англичанкой. Напротив меня сел профессор Илья Ильич Слатин, пианист. Недалеко оказался Николай Николаевич Герард, которого я знала по Берлину. Я спросила Мисс Помфрей, можно ли устроиться переводчицей у нее в УННРЕ, в Английском Красном Кресте, или у фло-

та. Она ответила, что переводчиков больше, чем достаточно. Герард за меня заступился. Я была вызвана Мисс Помфрей. Я пошла с двоюродным братом, что было ошибкой, он же немец. Извинились за грязные руки — мыла нет. На прощанье Мисс Помфрей дала мне кусок мыла, розового «Лайфбой». К 15-тому января меня вызвали в Бриатнский Красный Крест на испытание. Отвозили больных туберкулезом по соседству с Гамбургом. Шофферская кабина санитарной машины открытая, а на дворе 15° градуосв мороза! — Меня приняли и я почти 4 года работала для отделения 139, заботившееся о больных Ди-Пи. Мои прямые начальницы, 2 барышни, с которыми я отлично ладила. Сперва с ними, потом самостоятельно я навещала больных всех наций в больницах Гамбурга, включая дом для умалишенных. — В первый день работы в больнице, в 11 часов, за чайной переменой, мы знакомились. Меня спрашивали о родстве с Государем и спросили, что с ним стало.

Как-то раз я встретила в больнице молодую пару, чей сынок был болен. Расспрашивали, дочь ли я Царя: нет, говорю, троюродная сестра. Они расплакались и целовали руки... В другой раз, когда я работала в медицинском Ди-Пи Центре, пришла наниматься сестрой хохлушка, приблизительно тех же лет 30-ти как и пара из под Петрограда. Это было в 1950 году и в журналах встречались снимки событий первой половины нашего столетия. Была фотография Государя, убиравшего снег в царскосельском парке, после революции. Показываю этот снимок пришедшей: она тупо на него посмотрела, сказав: «Романов, Вы, кажется, тоже Романова?» «Случайно да», ответила я... — Мы раздавали одежду Ди-Пи: пациентам. Пришла женщина. Получив что-то, спросила как подписать расписку: по русски, украински, или по английски? Как хотите, сказали ей. Она поставила крестик! В конторе ИРО повторила то же самое. Мы целую неделю смеялись над этим случаем, как хитрая бабенка нас высмеяла!!!

Появился у меня неожиданно в пансионе бывший измайловец, Иван Иванович Павский и еще один типичный Ди-Пи. Пивский еще в Петербурге, будучи молодым офицером, увлекался парусным спортом и был членом Петербургского Императорского Речного Яхтклуба. Теперь у него зародилась мысль найти яхту, или небольшое судно, уйти на нем в Америку и там, в южных морях, заняться каботажным плавани-

ем. Я согласилась на его план, ибо с детства любила все морское, атавизм: дед мой, великий князь Константин Николаевич, был генерал-адмиралом Российского Императорского Флота, стоявший тогда на 3-4-том месте в мире. После долгих поисков нашлось поднятое из воды, затопленное бомбами сторожевое судно речной полиции. «Вассершутцполицей 26» превратился в «Сейнт Джордж: 35 м длины, 5 м ширины и 6 м осадки. Началась перестройка при помощи жителей русского православного лагеря Фишбек, под Гамбургом. Вынули машину, купили подержанный полу-дизель Болиндер. Перегородку оставили, для большей прочности. Принцесса Ирина Прусская тоже советовала оставить перегородку. Я вспомнила участь немецкого легкого крейсера Визбаден: После Ютландского боя он еще дня три не тонул, хотя был совершенно разбит — благодаря водонепроницаемым перегородкам. Кстати на нем погиб известный немецкий морской писатель Горх Фок (Иоганн Кинау).

В итоге из нашей затеи конечно ничего не вышло и «Святой Георгий» (названный в память брата, умершего в 1938 г. в Нью Йорке) был продан на слом. Не жалею ни денег, ни проданных семейных драгоценностей. Слишком было интересно и увлекательно, да и многим Ди-Пи помогло.

После расформирования Британского Красного Креста я некоторое время работала в медицинском центре ди-пи и в аптеке, которую в конце-концов ликвидировали и нужно было все упаковывать. Последние 18 месяцев устроилась «ресепшионист» в главном британском центре, где у меня были друзья, английские офицеры. Время снова стало ненадежным и мне советовали покинуть Германию. Записалась в Канаду и США и визы пришли почти одновременно. Решилась на Соединенные Штаты. Хотя главный немецкий агент, работавший для англичан, обещал ускорить получение необходимого полицейского аттестата о «добром поведении», дело длилось все 6 недель. Это потому, что запрашивали советчиков в Берлине, или, короче говоря, сообщали «союзничкам» о движении беженцев из восточных зон! Американский консул, которому я объяснила задержку, делал вид, что ничего не знает и сказал, что в будущем станет требовать свидетельство только от Гамбурга и явно врал.

Начались хлопоты и приготовления к эмиграции. Наконец все было налажено... В поезде в Бремен меня спросил сидев-

ший против меня русский, не в родстве ли я с Романовым, который пишет в Посеве. (У меня на шее висел щит с фамилией): «нет», говорю, «и это не его настоящая фамилия». — В лагере Грон встретила чету Влесковых, знакомую по Берлину и еще кое-кого. Архимандрит Гермоген очень помогал. Это тот самый, который впоследствии перешел к Советам. Начальник транспорта, английский майор Хайд, большой роялист, тоже много помогал. Я столовалась у англичан, не в общей столовой. Думали-гадали, как мне попасть на самолет, а не в переполненный транспорт, да еще в декабре. В конце-концов решили, что качка вредна для моих близоруких глаз. Вылетела вместе с Влесковыми (их сын священник о. Глеб) и моими однофамильцами. Искала свою фамилию на списке пассажиров аэроплана: вижу, Романовы, Стефан и Анна.??? Когда взвешивали багаж, спросила их, не в родстве ли мы: они ответили — «немного ближе, чем от Адама, но все-таки в родстве».

Вылетели 10-го декабря 1951 г. в Шаноне, Ирландии, ночевали, ждали бурю. Чистенькие бараки, не горячая вода, а кипяток. Г-жа Влескова и я обнялись и прыгали от удовольствия. Сам Влесков офицер Ингерманландского гусарского полка. 10-го декабря его полковой праздник, в день иконы Знамения Божией Матери. Справили его насладившись шеколадом и свежим ананасом, подарком журналистки в Гроне. В моей каюте нас было четверо: Влесковы, поляк, немного за мной ухаживающий, и я. Жена поляка ревновала и осталась у себя, где ей, повидимому, стало скучно и она пришла к нам. Мы весело провели вечер.

На следующий день полетели через Исландию и Гренландию и 12-го декабря прибыли в Нью Йорк. На пенсильванском вокзале меня встретил мой племянник, князь Теймураз Багратион-Мухранский: припрыгивая от радости на одной ноге, сказал: «Вы приехали, как «ди-пи де люкс», и это так и было. Мне помогли так устроиться в Гамбурге и я имела на то право, как беженка из восточной зоны Грмании, хотя была там до 1939 г.

В Гроне встретила полковника Шатилова, Бориса Николаевича и семью Гудим-Левкович. Они ждали парохода.

Вот, вкратце, мой сказ о жизни после войны. Свет не без добрых людей. Всегда и везде мне помогают и я снова и снова повторяю: слава Богу за все! **Вера.**

ПОЛОЦКОЕ ЗНАМЯ В РОТЕ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА.

Заветный миг для всех, кто сердцем воин,
В ком будит Родина любви священной пламя:
Торжественно весь Корпус наш построен,
И вносится пред фронтом Полоцкое знамя.
У образа в цветах водружена Святыня,
Замолкли «встречи» радостные звуки...
Сказав о знамени, хранимом на чужбине,
Директор «производит» избранных им ныне
За верность корпусу и за успех в науке.
И вспыхнул магний, ярко освещая,
Украшенный погон директора рукой,
И галуном блестя, улыбки лиц встречая,
Под марш становятся счастливцы в строй.
«Повестка» раздалась. Идет поверка в ротах,
Звучит вокруг отчетливое «я»!
Прочтен приказ, и «с церемонией заря»
Оркестром сыграна в мажорных нотах.
Вот Богу гимн: «Коль славен наш Господь в Сионе»
Смягчает в сердце скорбь и горе и печаль,
И звук приятный в медном баритоне
Плывет «волной» бархатною в даль...
За ним молитвы пенье, душу умиляя,
Наполнило весь длинный коридор,
И к образу святого Николая
Молящихся кадет направлен взор.
Замолкло пение, и скорбный список
Открыт синодика, в нем — те, кого уж нет...
Среди усопших воина Бориса
С печалью в сердце помянул кадет.
А как недавно огненное слово
Здесь волновало всех из года в год
Призывами кадет, их сердца молодого
И Родину любить, и страждущий народ!
«Отбой» сыграл горнист. «Покойной ночи!»
И строй, за рядом ряд, двух младших рот,
Направив мысли к знамени и очи,
Под марш Семеновцев наверх к себе идет.
Вот первая в молчаньи разошлася рота.
В свои права «святая ночь» вошла...

И разводящих увлекла забота,
На пост за сменой смена, чтобы точно шла.
Вокруг покой... Замолкли шутки.
И незаметно, быстро так летят
В году счастливейшие сутки,
Когда пред знаменем светло огни горят.
Сто часовых с любовью к вековой Святыне
Проходят пост, и «смена» их звучит сто раз...
Услыши, Родина, как свято на чужбине
Хранят любовь к Тебе кадеты в грозный час!
Россия знай: побеги молодые
Великой Русской силой возрастут,
И близко дни желанные, святые,
Когда Земли Родной мучения падут!

5/18 декабря 1938 г.

Полк. П. Барышев,
офицер-воспитатель
1-го Русского Кад. Корпуса.

К ИСТОРИИ ВЕРСАЛЬСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

В конце 20-ых годов, под Парижем был основан Русский Версальский кадетский корпус-лицей. Начинание казалось бы невозможное в наших беженских нищенских, бесправных условиях. Но нашлись люди, загоревшиеся этой идеей, бессребренники, отдавшие все свои силы этому делу. Такие, как наш «Дед», ген. Владимир Валерьянович Римский-Корсаков, ставший первым директором этого корпуса, как полк. Борис Дмитриевич Приходкин, воспитатель этого корпуса, бывший кадет 2-го Московского кад. корпуса и другие. Нашлись люди, которые помогли достать деньги, купить дом под Парижем и организовать постоянную помощь. И вопреки всему что казалось невозможным, это хорошее начинание было осуществлено.

Во время 2-ой мировой войны этот корпус перестал существовать, после войны была попытка опять его возобновить. Был организован комитет, поставивший перед собой эту задачу. Конечно опять возник вопрос где получить финансовую помощь.

В двадцатых годах достать деньги для корпуса очень помог Белоусов, бывший кадет 1-го Моск. кад. корпуса. Поэтому Белоусову было написано одним из новых организаторов письмо, с просьбой ознакомить их с тем, что и как им (Белоусовым) было тогда в этом отношении сделано. Белоусов ответил и вот оригинал этого письма совершенно случайно попал мне в руки. Кто лицо, кому это письмо было адресовано, я не знаю.

Прошло почти 50 лет с того времени, которое описывается в этом письме, никого из тех кто упоминается в этом письме уже давно нет в живых. Поэтому, мне кажется, я в праве опубликовать это интересное письмо.

Дорогой Николай Людвигович!

Прости, что задержался с описанием того, как мне удалось достать деньги на создание Кад. Корпуса во Франции. Мне пришлось искать документ, в котором было написано, когда точно это происходило, т. к. я забыл не только месяцы, но и год.

В 1928 году я должен был по делу поехать в Америку. Перед отъездом я зашел попращаться с моим бывшим директором 1-го Моск. Кад. Корпуса Вл. Вал. Римским-Корсаковым. Несмотря на то, что из 1-го Моск. Кад. Корпуса я был переведен в Морской Корпус, отношения наши остались самыми хорошими.

Генерал, зная что у меня не мало знакомых на свете, просил меня не смог бы я достать денег на создание Кадетского корпуса здесь во Франции. К кому он ни обращался, ничего из этого не выходило. Я обещал сделать, что смогу. Уезжая я припоминал друзей и знакомых, кто находился в то время в Америке, и припомнил Анастаса Вонсяцкого, женатого на богатой американке. Адрес его я знал, знал и жену его Мэри (отчества не помню, да у них его и нет).

Вонсяцких было два брата. Старший был во 2-ом Московском К. К., откуда был переведен в Суворовский в 5-ом году. Младший, Анастас, тоже поступил в этот корпус.

Приехав в Нью-Йорк, я, не откладывая и прежде чем начать работу из-за которой я туда приехал, хотя в кармане у меня после поездки осталось всего лишь 12 долларов, отправился в город Томпсон (штат Коннектикут), где проживал Вонсяцкий. Там я его не застал, но встретил мужа его сестры, полк. Бекмамедова и благодаря его любезности смог дождаться Анастаса, который не замедлил приехать.

Для того, чтобы удачнее была моя миссия, я захватил с собой 2 кадетских журнала, выходивших уже тогда, — один с фотографиями маленьких оборванных и грязных кадет, выбравшихся из России, другой с фотографиями где они снова приобрели кадетский вид и смогли продолжить свое образование под руководством собравшего их старого генерала Римского-Корсакова. (Фотографии были из истории Крымского кад. корпуса). Показав эти журналы Вонсяцкому и спев с ним дружно нашу «Звериаду», я сказал, что уверен в том, что он поможет генералу в его хорошем начинании. Вонсяцкий спросил: «Сколько надо?» Я сказал ему, что отвечу дня через три и послал Римскому-Корсакову телеграмму с оплоченным ответом. Через 2 дня я получил ответ: «Хорошо, если бы 100 тысяч франков».

Вонсяцкому я сказал, — 200 тысяч франков. Не говоря ни слова, он подписал чек на 200 тысяч франков. (Это тогда было около 20 тысяч долларов, сумма по тем временам довольно большая.) Вонсяцким был устроен ужин, на который были приглашены соседи, — все богатейшие американцы. Он познакомил меня с ними и рассказал про цель моего приезда и про наше желание создать русский кад. корпус. Американцы на это сердечно откликнулись и сказали, что не трудно эту сумму поднять до 2-х с половиной миллионов франков, а может и больше. Зависеть будет, как люди возьмутся за это и будет ли дело поставлено по-американски. Я спросил, как понимать последнее. Они указали на огромное здание Бостонского университета — я его потом видел. Началом всего этого была большая ферма, с садом, огородом, парком и пр. Взрослые помимо занятий работали на этой ферме летом и на сколько это было возможным, эта ферма и жизнь в ней окупалась своими же средствами. «Не благотворительными вечерами, — как хитро сказал один из присутствовавших, — на них мы не надеялись». Окончившие же образование молодые люди, ставшие уже на ноги, помогали своими средст-

вами, — кто сколько мог, дальнейшему развитию этой школы, которая дала им возможность получить образование.

(Конечно это пример достойный подражания. Только для данного случая не совсем подходящий. В университете учатся взрослые люди, корпус-лицей же предполагался для детей. Можно предположить, что присутствующие американцы не совсем отдавали себе отчет о чем идет речь. **Б. П.)**

На следующий день я уехал в Нью-Йорк, где была моя работа.

Вернувшись в Париж в 1929 году, я застал там и Вонсяцкого. Он скзаал мне, что образовался комитет, но с его действиями он не согласен. Куплен дом по его мнению не подходящий. «Поезжайте посмотрите!» Я поехал.

Нужно сказать, что в те времена продавалось не мало помещичьих домов и цена некоторых из них была не очень высокая. В Парижском предместье я нашел этот дом, который мне тоже показался неважным, без всякого сада и парка. Внутренний вид соответстоввал наружному.

Вернувшись в Париж, я побывал у Вонсяцкого и у ген. Римского-Корсакова, который меня сердечно благодарил. На мою критику дома он сказал, что его касается только педагогическая часть и спросил меня чем лучше всего отблагодарить госпожу Вонсяцкую. На что я ответил, что я слышал, что Мэри выйдя замуж перешла в православие. В ее скромных комнатах, в Коннектикуте — они жили скромно, хотя рядом был их огромный и богатейший дворец, который Вонсяцкая мне показывала — всюду были иконы и в спальне горела лампада. Лучше всего, сказал я, поднесите ей образ Божьей Матери с дощечкой, на которой будет вырезана благодарность от русских кадет.

Я уехал работать на юг Франции. Слышал я также, что дом, купленный на деньги опять таки Вонсяцкого, был им продан корпусу за один франк.

Вот все, что я вспомнил.

Обнимаю Тебя крепко.

Твой Белоусов.

Хорошо бы было, чтобы кадеты Версальцы откликнулись на это письмо, разъяснили затронутые в этом письме вопросы и вообще познакомили бы нас с жизнью и историей Версальского корпуса, о чем большинство из нас мало что знает.

Борис Павлов.

«НОВЫЙ ДИРЕКТОР»

Посвящается светлой памяти ген. лейт. М. Промтова, директора Крымского Кад. Корпуса.

В ноябре 1924 г. пронеслась весть, что ген. лейт. Римский-Корсаков — «Дед», как его между собой называли кадеты, уходит с должности директора корпуса. Называли целый ряд имен его возможных заместителей. Между остальными, упоминали и ген. штаба ген. майора М. М. Георгиевича — быв. начальника Корниловского военного училища. Но наверное, никто ничего сказать не мог.

Только 1-го декабря стало более или менее официально известно, что директором назначен ген. лейт. М. Промтов.

Конечно, как и полагается в военной среде, в ожидании приезда нового директора, началась лихорадочная суета по приведению всего в надлежащий порядок.

Среди кадет нашлись и такие, что знали ген. Промтова или слышали что-нибудь о нем и пошли всякие толки и разговоры, в которые вплетались и небылицы и досужие вымыслы, но все они сводились к одному: новый директор очень строг.

«Звери», стращали нас «ежевыми рукавицами», и, не щадя наше воображение, расписывали картины, как нас будет подтягивать новый начальник.

И вот он грянул как снег на голову. Приехавши в Белую Церковь 10 декабря около 13 часов, пришел в корпус прямо с вокзала и приказал адъютанту распорядиться о построении корпуса к 15 часам. О радость! Это распоряжнеие срывало последний урок. К указанному времени роты были выведены из здания корпуса и построены в карре на «парадном плацу» с оркестром музыки на правом фланге 1 роты, которую тогда составляли 8-ой, 7-ой и 6-ой классы.

И «звери» и кадеты, каждый по своему, не скрывали любопытства и в приподнятом настроении ожидали встречи. Мы уже знали, что генерал сам бывший воспитанник Петровского Полтавского Кад. Корпуса, что он боевой генерал-артиллерист и к тому же Георгиевский кавалер.

Вдруг, на момент, начальство засуетилось, потом все замерло и раздалась команда полковника Чудинова: «Смирно! Равнение напрвао! Господа офицеры!» Грянул Преображен-

ский марш. У правого фланга я увидел стройного, пожилого генерала, с повадкой начальника привыкшего производить смотры, с Георгиевским крестом и при Георгиевском оружии, пристально всматриваясь в лица кадет, медленно идущего вдоль фронта. Не дойдя до меня, сделал замечание кадету Ковтуну, за недостаточно подтянутый подбородок, бросил слова: «и провожать начальника глазами».

Осмотрев все роты и выйдя на средину карре, отчетливо поздоровался: «здравствуйте молодцы кадеты»! — на что мы дружно, как нам казалось — «по гвардейски», гаркнули в ответ: «здравия желаем ваше превосходитель-ство», с ударением на «ство».

Все ожидали, что сейчас он начнет распекать за старые грехи, будет говорить о скучных вещах, касающихся учения и поведения, о мерах, которые он предпримет, чтобы привести нас в надлежащий вид, и так или иначе, мы сейчас же увидим эту пресловутую «ежовую рукавицу». Поэтому наше удивление было велико, когда вместо всего этого, генерал Промтов произнес короткую патриотическую речь, которую закончил провозглашением: «нашей матушке России громкое кадетское У Р А ».

Затем, подхватывая его приказ, пронеслась команда: «К церемониальному маршу....» Передвинулись, перестроились. Флейта, треск барабанов, церемониальный марш. Каждая рота удостоилась похвалы.

Встреча окончилась. Генерал приказал увести роты в помещения. Когда тронулся восьмой класс, директор сказал: «умеете ли вы петь? Какую-нибудь солдатскую песню? Залихватскую!» Я бывши запевалой, запел: «Еще солнце не всходило — батильон наш во цепу». Все дружно подхватили, с подголосками и присвистом.

Понятно, в тот день в «курилках» было особенно оживленно, т. к. все на перебой высказывались о новом директоре; было ясно, что первое впечатление, произведенное генералом на кадет, было в его пользу, т. к. слышалось не раз: «пистолет», «тоняга», «строевик».

На следующий день утром, я попал в лазарет. Оказалась ангина в тяжелой форме. К нам в лазарет доходили самые разнообразные и явно перевранные слухи о целом ряде нововведений, произведенных новым директором; о подтягивании не только кадет, но и «зверей». Но вот на третий или че-

твертый день моего пребывания в лазарете, около 10 часов утра, в палатах произошла какая-то суета. Оказалось, что директор, никого не предупреждая, явился в лазарет. Манера хороших строевых начальников: видеть все так, как есть, а не так, как покажут после подготовки, приборки и подглаживанья. Войдя в палату в сопровождении полковника Редина, бывшего тогда офицером воспитателем лазарета, генерал, как и полагается по уставу, не поздоровался со всеми кадетами, а подходя к каждому, вступал с ним в разговор. Стереотипные вопросы: имя и фамилия, класс и рота, чем болен, как себя чувствует. Подойдя к моей кровати, и увидя, что я приподнимаюсь, коротко бросил: «останьтесь лежать». Увидев на ночном столике мой Георгиевский крест, спросил, где я служил во время гражданской войны. Тут же на столике лежали и папиросы. «Кадетам разрешается курить?» спросил он обращаясь к воспитателю? «Только трем старшим классам», ответил полковник Редин. «А вы где же курите? Здесь в палате?» снова обратился генерал ко мне. «Так точно ваше превосходительство, в палате», ответил я, не сообразив сразу, какие последствия может иметь такое мое признание. «За это я взыщу с него», — сказал полк. Редин. Ну, думаю, сидеть мне в карцере, как и в прошлом году, на Полтавский праздник. Но такое печальное течение моих мыслей было прервано совершенно неожиданным образом. Ни к кому не обращаясь, как бы про себя, генерал словно отчеканил: «Повинную голову и меч не сечет».

Нужно ли распространяться, какое впечатление на всех нас произвело посещение лазарета генералом Промтовым. Мы почувствовали, что наш новый начальник не только строг, но и справедлив и главное не мелочен; что он считает своим долгом воспитывать, а не безразборно наказывать провинившихся подчиненных.

Больше полвека прошло с тех пор, но я не забыл этого случая; больше того: слова ген. Промтова принял как назидание опытного начальника и руководствовался им в течение моей дальнейшей жизни и особенно моей офицерской службы.

Кто-то, где-то, описывая наш Крымский корпус, назвал ген. Промтова «солдафоном». По этому поводу, даже развилась полемика на страницах «Нового Русского Слова». Генерал Промтов, по своему воспитанию и мировоззрению, был сол-

д а т, в лучшем смысле этого слова. Но кроме того, он был и очень образованный офицер, прекрасный начальник, заботившийся о своих подчиненных не только в стенах корпуса, но и после интересовавшийся их судьбой.

Мне пришлось быть в корпусе при обоих директорах. Каждый из них имел свои достоинства и возможно и недостатки. Но одно общее у них все же было: они считали своим долгом воспитать нас на чужбине так, как нас бы воспитали наши собственные родители. Думаю, что свой долг они честно исполнили и за это им ч е с т ь и х в а л а.

Сергей Якимович
5 вып. Крымского кад. Корпуса (1925 г.)

ЮНКЕРА НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА НА ИНСТИТУТСКОМ ВЫПУСКНОМ БАЛУ.

Из воспоминаний прежних лет я сохранила в памяти приезд Юнкеров из Белой Церкви, Югославия, к нам в Институт в Новый Бечей, на наш выпускной бал в июне 1922 года. Для нас институток выпускного класса, это было событие большой радости. Уже заранее об этом много говорилось, думалось и строились планы. Хотелось продолжить старую институтскую традицию и усторить выпускной бал « с Юнкерами». Начальство приняло наше предложение доброжелательно и было послано официальное приглашение Никол. Кав. Училищу. Много было волнений, хлопот и забот. Многое тревожило...

Бурю восторга вызавло это приглашение и среди Юнкеров Училища. Ведь явилась редкая возможность почувствовать себя снова в мирной обстановке со всеми доступными маленькими радостями жизни.

В дни общего морального падения и развала — это они, эти юные юнкера, кадеты, гимназисты бросили свой гордый вызов обнаглевшему, красному зверю... Со всех концов России, ежеминутно подвергая свою жизнь опасности, пробиралась эта молодежь в Добровольческую Армию, чтобы взять в свои полудетские руки винтовки и встать мужественно,

плечом к плечу рядом с офицером, отдавая за честь Родины свои только начинавшиеся жизни. Эти юноши оторванные от семьи, родных и прошедшие кровавые дни боев, гражданской войны, бывшие добровольцы Белой Армии, стали Юнкерами Николаевского Кавал. Училища. После тяжелой казарменной жизни со строгой дисциплиной вполне понятен порыв, с которым было встречено приглашение Харьковского Института. Волновались они, волновались и мы...

Не так просто смотрело начальство Училища... Много препятствий стояло на пути... В конечном счете Начальник Училища Ген. Говоров, разрешил поехать 20 юнкерам. Сопровождать юнкеров был назначен офицер училища подполковник А. Г. Сухачев. В назначенный день эта группа отправилась поездом в Новый Бечей. По дороге юнкера пели русские песни, чем привели в восторг ехавшую публику.

Поезд подходит к перону. На станции начальство Института, несколько институток, много публики. Как нам в эти минуты хотелось, чтобы гости остались всем довольны...

Выйдя из поезда, подполк. Сухачев, построив юнкеров, представился начальнице Института Марии Алексеевне Неклюдовой и инспектору классов генералу Макшееву. Генерал поздоровался с юнкерами и сказал, что он рад приветствовать юнкеров Никол. Кавал. Училища, упомянув о блестящем виде в каком представились юнкера. Несмотря на все трудности в те времена, юнкера были в белых гимнастерках, алых бескозырках и при шашках. Какое прекрасное впечатление произвели юнкреа на всех ожидавших их приезда... Бросалась в глаза подтянутость, выправка и дисциплина.

С вокзала юнкера, идя строем, пели песни, что было непривычно для местного населения и толпа сопровождала их до самого института. После короткого отдыха с дороги в местной гостинице, где им были отведены номера, юнкера в строю прибыли в институтскую столовую на обед. За большими столами разместились институтки и юнкера, а за столом для начальства — институтский персонал и гости. Настроение у нас всех было радостное, были речи, были тосты. После обильного и вкусного обеда, юнкера спели несколько военных песень, чем привели всех в восторг. Нам казалось, что так хорошо еще никто не пел и пели действительно прекрасно... До вечера юнкера были свободны.

Вечером был институтский бал, для многих это был пер-

вый бал в их жизни. Танцы начались с вальса и все веселились и радовались от души. Как нам было радостно смотреть на веселые лица юнкеров, ведь нам так хотелось доставить им эту маленькую радость и смотря на своих подруг я видела, что у всех одна и та же мысль: как можно теплее и ласковее отнестись к нашим гостям. Красивые пары кружились: тонкий юнкер с нарядной институткой в парадной форме, и как то забылось, что это не там, не дома, а здесь, где мы нашли под покровительством Короля Александра, в Югославии, приют и возможность окончить русский институт и получить русское воспитание.

Время мчится, настал час прощания, бал кончен... Юнкера сердечно благодарят, прощаются, оставляют свои адреса, уславливаются о переписке.

На следующее утро -- отъезд. Оставшиеся, мы долго вспоминали этот бал, думаю, что и побывавшие на нем юнкера не сразу его забыли...

Это воспоминание о далекой моей юности, о дорогой моему сердцу Югославии, о дорогом Институте.

Нина В. Сукк,
урожд. Борисова

ПРАЗДНИК КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В АРГЕНТИНЕ.

Пятого июня, — в ближайшее после дня св. Константина и Елены воскресенье, — Кадетское Объединение в Буэнос Айресе отпраздновало свой ежегодный праздник, на который мне, жителю уругвайского захолустья, посчастливилось попасть.

День был холодный и дождливый (в это время тут зима), что многим помешало приехать, но все же к часу дня более тридцати кадет, с семьями и приглашенными друзьями, собрались в церкви св. Сергия Радонежского на молебен. Его торжественно отслужили настоятель этой церкви, бывший кадет Русского корпуса в Югославии, о. Владимир Шленев. Было провозглашено многолетие Главе Императорского Дома великому князю Владимиру Кирилловичу и ныне здравствующим кадетам, а почившим — вечная память.

Затем на церковном дворе все присутствующие кадеты построились на церемонию подъема флагов, — аргентинского и русского национального. Председатель Объединения Сергей Якимович поздравил собравшихся с праздником, после чего по его команде два приставленных к флагам мальчика в кадетской форме, под звуки национальных гимнов, — аргентинского и русского «Боже Царя храни», — последовательно подняли флаги на установленную здесь мачту.

После этого все направились в нахдоившийся в нижнем этаже большой зал, где уже были приготовлены столы, густо уставленные всевозможными произведениями кулинарного искусства наших кадетских дам. Их мужья со своей стороны позаботились о том, чтобы не было недостатка в бутылках. Таким образом, все устраивалось на тоаврищеских, семейных началах, кроме того при входе каждый деньгами вносил в кассу Объединения некоторую сумму, сообразно своим возможностям.

Трапеза, перемежавшаяся традиционными здравицами, затянулась на несколько часов и прошла в атмосфере дружбы и братского единения. Отрадно было видеть среди присутствующих аргентинского кадета, сына нашего однокашника И. Андрушкевича, скромного, подтянутого юношу, отлично говорящего по-русски и вполне нашего по духу.

По окончании празднества мне показали русскую школу,

которая помещается во втором этаже того же церковного здания, — в ней обучается более семидесяти русских детей. То, что я тут увидел, привело меня в удивление и восхищение: восемь небольших, прекрасно оборудованных классов, любовно украшенных портретами русских монархов, национальных вождей, классиков литературы и различными эмблемами дорогого нам прошлого, — блистали безукоризненной чистотой и каким-то особым уютом. Честь и слава всем приложившим руку к этому святому делу, и в особенности нашему однокашнику, отцу Владимиру, сумевшему создать весь этот прекрасный церковный ансамбль, где каждый может чувствовать себя как бы в уголке нашей старой, православной России.

М. Каратеев.

БУКВА ЯТЬ.

В память моего дороггоо офицера-воспитателя Полковника Виталия Михайловича Гончаренко.

"Кто не знает буквы ять,
Где и как ее писать
Ведь неудобно-же конечно,
Писать, собаку, через ять".
Шуточная оперетка *"Иванов Павел."*

Обучались кадеты русскому языку по старой орфографии и многим доставляла неприятность буква «ять», в том числе и пишущему эти строки. Для облегчения «зазубривания» коренных слов с упомянутой буквой, кто-то из преподавателей, кажется Молчанов с Миляшкевичем — «Гробовщики», сложили целое стихотворение облегчающее выучивание наизусть, слова с этой каверзной буквой.

По природе своей я был мальчиком не очень прилежным, и в третьем классе мне предстояла переэкзаменовка по русскому языку, а в случае неудачи, оставление на второй год.

Пугало не вторичное повторение курса, а расставание с товарищами — ну я и «заскучал».

По успехам писания диктовок на букву «ять» я был в классе третьим с другого конца, хуже меня писали только два брата — Григоровы.

Мои диктовки в смысле ошибок на эту каверзную букву

варировали от 20-ти и больше, а братцы умудрялись всегда побить мой рекорд.

Устные же мои ответы, и письменные работы на другие темы, всегда были выше средних. Подлая же буква «ять», мне явно не давалась и была моим врагом номер один.

На вечерних занятиях (подготовка уроков к следующему дню) присутствие офицера-воспитателя было обязательным, это касалось младших классов, а то не дай Бог напроказят.

Моим отделенным командиром был полковник В. М. Гончаренко; старый опытный офицер, окончивший в свое время Петровский-Полтавский Кадетский Корпус. Таких воспитателей обманывать было очень трудно ибо они сами прошли эту же школу.

Характерно, что во время наступления большевиков на Полтаву — полковники, а тогда капитаны — Гончаренко и Чепурковский, возглавили добровольцев из кадет, гимназистов и реалистов, и успешно отбили все атаки красных, до момента пока не подошло подкрепление частей регулярной Белой Армии.

У этого человека была искренняя отцовская любовь ко мне, очутившемуся за рубежом без родителей. Эта забота — желание дать мне семейный очаг, выражалась во всем на протяжении всего моего пребывания в корпусе, как и после окончания его — «И были вечными друзьями кадет, корнет и генерал». В. М. Гончаренко органически не выносил подлиз, фискалов, доносчиков, но зачастую прощал шалости тем, кто имел «гражданское мужество» в них признаться.

Полковник был страстным рыболовом, что и послужило к началу нашей дружбы, продолжавшейся до ухода его в лучший мир. Таков краткий облик моего офицера-воспитателя.

Сидя за партой на вечерних занятиях и глядя на полученную обратно диктовку, на которой, жирным размашистым подчерком красовалась «тройка» — это при 12-ти бальной системе, — я механически ворочал лист бумаги «как мартышка очки», обдумывая свою горькую долю. Заметив мое грустное настроение, воспитатель подошел ко мне и спросил: «Ливай, ты хохол?» Вопрос был настолько неожиданным, что я растерялся, ничего подобного со мной не случалось за все пребывание в кадетском корпусе. У нас учились дети всех народов, населяющих нашу необъятную родину, плюс дети южных славян, с различными титулами и без оных,

главным же образом дети офицеров. Вообще ни сословной ни национальной, ни расовой нетерпимости, к чести нашей школы, у нас никогда не было.

«Хохол!», удивленно ответил я, совершенно упустив из вида, определение не лестное для малоросса. «Как по малороссийски: дѣд, мѣсяц, хлѣб?» «Дід, місяц, хліб!» ответил я. «Так вот запомни раз и навсегда, почти везде где в малороссийском наречии слышится «і» там в русском языке нужно писать «ять» — понял?» «Так точно понял Г-н Полковник!» В следующей диктовке на несчастную букву ять, я сделал всего пять ошибок. Это были слова которые мне не удалось перевести на малороссийское наречие. Преподавал русский язык А. А. Скрынька (сундук по малороссийски), он не верил своим глазам и заподозрив меня в списывании — поставил мне за диктовку неудовлетворительный бал.

А. А. Скрынька был милейший и добрейший человек, более 30-ти лет прослуживший преподавателем в Полтовском корпусе. Кадеты пользовались его добротой и не редко грубили ему. Воспользовался этим и я устроив «сундуку» настоящий скандал. Я упрекнул преподавателя в том, что будучи «хохлом» и преподавателем в течение столь долгого времени в Полтавском корпусе, не сумел объяснить такой простой вещи где пишется проклятущая буква «ять», а мучил меня заставляя зубрить коренные слова. Я говорил как пулемет не давая Скрыньке произнести ни одного слова, он только отдувался. В разгар нашего «Объяснения» в дверях появился полк. Гончаренко. Узнав от преподавателя причину «неудовольствия кадета Ливай», он скрывая улыбку, попросил А. Скрыньку, в его присутствии, вызвать меня для ответа к доске. Отвечая у доски я не сделал ни одной ошибки. Скрынька явно недоумевал, за мое же безтактное поведение я получил дисциплинарное наказание и прямо от доски был отправлен под арест с нравоучением, что «Воинская дисциплина состоит в строгом и точном исполнении правил предписанных военным законом, а поэтому она обязывает точно и беспрекословно исполнять приказания начальников, **соблюдать чинопочитание, и не оставлять поступков и упущений подчиненных без взыскания».**

В. Наливайко.

Примечание. В мое время украинского языка не было, а народ говорил по малороссийски.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЧТО:

После того когда русские войска разгромили Наполеона на родной земле, они начали освободительный поход по Европе. Кутузов все время находился среди своих войск, обычно верхом, редко пользуясь своей походной каретой. Была весна, ненастье и холод. Годы и раны дали себя знать. С трудом добрался он до силезского города Болеславец (прежний Бунцлау) и слег там простудившись на смерть. Умирая полководец отдал свое последнее распоряжение: тело свое он велел похоронить на Родине, а сердце зарыть здесь у обочины дороги, чтобы оно осталось с любимой им армией, которая должна была «довершить поражение неприятеля на собственных полях его».

В городе сохранился памятник фельдмаршалу Голенищеву-Кутузову, на постаменте которого выбиты слова:

> «До сих пор довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь положила смерть предел славным дням его».

В 1945 году, проходившими через город фронтовыми частями советской армии, на памятнике Кутузову была оставлена следующая надпись:

«Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты памятник бессмертной русской славы
На сердце собственном воздвиг.

Но не умолкло сердце полководца
И в грозный час оно зовет на бой
Оно живет и мужественно бьется
В сынах Отечества спасенного тобой

И ныне проходя по боевому следу
Твоих знамен, пронесшихся в дыму
Знамена собственной победы
Мы клоним сердцу твоему.»

Н. В. К.

ЮГОСЛАВСКИЕ КОНТРАСТЫ
(25 лет спустя)

Весной и летом 1975 года мне посчастливилось попасть опять в заокеанскую командировку и провести полтора месяца в Югославии. Короткое пребывание в Брюсселе, неожиданная задержка во Франкфурте из-за непогоды, и, вот мы уже в самолете JAT — (Югославянский аэротранспорт), который бросает из стороны в сторону, как лодку на расходившихся волнах, так что даже прекращается выдача обеда. Неожиданно облака редеют, «качка» стихает и под вами появляются величественные снеговые вершины Альп. Еще пол часа спокойного полета и мы плавно спускаемся на Загребском аэродроме. Таможенник пропускает нас без осмотра с целью «компенсировать» пропажу одного чемодана, который впрочем мы получаем через пару дней из Белграда. Обливаясь потом, усаживаемся в удобный автобус JAT-а, пересадка на такси на Зриневце, и черзе 5 минут мы уже в гостинице Интернешиональ, многоэтажной коробке на новом широком проспекте «Пролетерских бригада», где автомобильное движение не прекращается ни днем ни ночью, и в нашем номере стоит все время запах бензинного перегара.

Весь Загреб разукрашен красными флагами, пестрит разными плакатами и полон партийных активистов по случаю празднования 30-тилетия «освобождения», и по всем этажам нашей гостиницы снуют, с важным видом, украшенные красными розетками, «другови и другарице».

Старый Загреб, в котором я учился, мало изменился, только стал заметно грязней, тесней и шумней! С главной площади давно исчез грузный всадник, изображавший бана Елачича, и на его месте теснятся живописные ларьки с разноцветными зонтиками. Чудный вид открывается на город с крыши небольшого небоскреба у начала Илицы, где разместилась закусочная, предлагающая посетителям «настоящие» американские сендвичи.

В магазинах, ресторанах и других публичных местах предпочитают английский — сербскому, и Боже вас упаси, в обращении к подавальщице, вместо «господична», употребить сербское слово, или попросить «парадайза» вместо «райчицы» — она смерит вас таким уничтожающим взглядом, что кровь заледенеет в жилах.

Звоню к бывшему Донскому кадету и моему товарищу по военной службе, который занимает теперь хороший пост в гос. страх. обществе и женат, конечно, на хорватке. Спрашиваю его в шутку: «Ну, что-же, и ты наверно стал теперь настоящим хорватом»? «Да», отвечает он мне самым серьезным образом. Целое воскресение проводим мы у них, встреченные с чисто славянским радушием, но бедным сербам, в разговорах, «пощады не дается»!

Старый Казалишни Трг испорчен одним современным зданием. Хожу мимо своего факультета и вспоминаю далекие дни. Театр, в стиле барокко, тождественный Одесскому и Киевскому по формам, величине и проектированный тем же архитектором, отделан заново «с иголочки». Достают нам билеты на Травиату, и, в ожидании спектакля, толпимся среди публики вокруг здания, изнывая от жары. Кругом газоны и много цветов: две бабы не спеша их заливают из пивных бутылок!!!

На следующий день иду «приявиться» на Петриньскую улицу в СУП (модифицированная и либерализированная УДБА). Перед главным входом собирается толпа в терпеливом ожидании. В 8 часов открываются ворота и людская лавина бросается в проход. Внутри здание не ремонтировалось с времен «царя Гороха», наверно с 1941 г. Мне предлагают хлопотать разрешение на «боравак у земли» так как приехал я не как турист, а по делу. И начинается хождение по мукам, хотя все «господичны» вежливы, помогают и одна, как бы в извинение говорит, что есть страны, где бюрократия похуже нашей! «Уж не о Советском ли Союзе вы думаете»? — спрашиваю я ее, и получаю ответ: «Тачно». Отчаявшись достать нужную мне «дозволу», отправляюсь в деканат философского факультета, где объясняю мои заключения главной «тайнице», она берет трубку, набирает нужный номер и начинает разговор с: «Знаш шта друже...» На другой день, без всяких затруднений, выдают мне нужное разрешение.

Недельный отпуск решаем провести в Венеции, благо этот чудесный город находится у нас под боком. Собственно говоря туда хотел я попасть не только из-за одной его красоты, но и по другим причинам: 1) Посетить могилу Дягилева и 2) Разыскать следы пребывания в Венеции композитора Бортнянского, воспитанника 1-го Корпуса, учившегося теории музыки в Венеции в 1775-1779 годах. (Эта попытка

мне не удалась).

Иду в международную кассу на Главном вокзале, который находится в ремонте, грязи и суматохе. Пожилой кассир, с усищами Тараса Бульбы, тщательно выписывает мне в билет название города: «Венетция», и делает резервацию на несуществующий вагон. Дело улаживает «всезнающий носач», конечно не даром, а за 2 доллара. Дорога Белград-Сежана теперь вся электрофицирована и поезд мчится с непривычной, для довоенного времени, скоростью. В пути попадаем в электрический шторм в результате чего стоим два часа на новенькой станции «Вилла Опичина! куда, с волной русских изгнанников, попали и мы 25 лет назад. Затем медленно волочимся в Триест и стоим там часами.

На обратном пути от Загреба до Белграда предпочитаем сменить поезд на самолет, и уже через 35 минут спускаемся на Сурчинском аэродроме, а затем около часу ждем автобуса JAT-а, доставившего нас к собору Св. Марка, на бывшей Александровой улице. В первый же день отправляемся посидеть в сад гостиницы Москва, которую только что отреновировали. В густой сени разросшихся деревьев, за доброй сотней столиков, сидят и стар и млад, потягивая через соломинки, кока-колу, лимонад или «делают политику» (какой серб может жить без политики) за чашкой черного кофе. На что-нибудь более «крупное» редко кто решается, так как цены горячие.

Русскую речь, которая раньше в Белграде звучала повсюду, теперь на улицах не услышишь! Оставшиеся наши компатриоты сошли в могилу или сидят тише воды — ниже травы. А их потомство, превратившись в сербов, хорватов, словенцев или просто «югославен», делает карьеру в современном марксистском обществе. И только по попадающимся в газетах, журналах и на телевизии именам и фамилиям, догадываешься что были они детьми наших родственников, друзей или знакомых. Из старых Могикан не сдается О. Янчевецкая, все еще очень популярная среди старшего поколения. В Белградском балете блещет звезда Пелипенко. Из молодого поколения на главной телевизионной станции подвизается в роли директора новостей Серг. Шестаков, сын кадета. Там же на «малом экране» выступает Белякова, дочь Др. Белякова, участника партизанского движения и, увы, бывшего крымца (его брат кад. Евгений Беляков, будучи членом «клуба само-

убийц», кажется, бросился под поезд). А страницы «Илустроване Политике» пестрят фотографиями другой «сербской» артистки — Колюбаевой.

Зато граждан Советского Союза встретишь на каждом шагу. Обычно снуют они небольшими группами, стараясь купить в «робных кучах» как можно больше за те крохи, что им удалось отложить на родине. «Иностранцев» говорящих хорошо по русски они опасаются и стараются избегать.

Нам, прожившим долгие годы в Белграде, наверно, еще вспоминаются «Казбек» с его бочками, «Мимоза» с Янчевецкой, «Батал-Джамия» — с Франком и другие рестораны и кафаны с русскими «балалайка»-оркестрами. Но и теперь (замечал это я не раз и в провинции) сербы любят кутить («лумповати») под русскую музыку, предпочитая «наш старый» репертуар. Однажды с друзьями сидели мы вечером в огромном ресторане «Парк», что на Васиной улице против Калемегдана. Музыканты начали со «шлагеров», перешли на «севдалинке» и потом на цыганские романсы, под бурное рукоплескание публики. Неожиданно какой-то тип, с колючими глазами, подошел к шефу оркестра, и шепнул ему что-то на ухо, и русская музыка мигом прекратилась. Впрочем есть ночные рестораны где русский репертуар вполне легализирован. Первое место из них занимает «Тройка» в новом районе, у бывших Топовских Шуп. Там прекрасный оркестр, только русская музыка. лакеи в народных рубашках и прекрасная русско-сербская кухня.

Про американцев, а особенно про канадцев, мы обычно говорим, что они очень неосторожные автомобилисты, но их можно назвать ангелами, по сравнению с европейскими, и югославяне занимают среди них почетное место. Нам пришлось поездить по юго-дорогам и удовольствия мы не получили. До автострад Югославия еще не дожила, дороги плохие (хотя за 25 лет можно было заметить невероятный прогресс), машины крохотные, и каждый ваш добрый приятель считает своим долгом показать ухарство на своей «скорлупе» — гонит почем зря, выматывая вам на ухабах все кишки. Главная магистраль Белград-Загреб, перегруженная движением до отказу днем и ночью, является настоящей западней для автомобилистов. Особую опасность представляют турки и греки, купившие машины в Германии, едва научившиеся управлять и мчащиеся и днем и ночью без отдыха

к себе на родину. Конец такой гонке, обычно один: автомобилисты засыпают за рулем и вызывают тяжелые автомобильные катастрофы. К счастью, мы ни разу не пострадали, но были свидетелями двух, трех таких аварий. Процедура ликвидации застоя, после столкновения, в Югославии длительна. Сначала приезжает милиция, начинаются «тары-бары», и бесконечное ожидание настоящей следственной комиссии. Однажды трамвай, в котором мне пришлось ехать вверх от Славии на Вождовац, слегка зацепил мальчишку, перебегавшего полотно. На его ногах даже не было видно ссадин, но движение по целой линии задержали больше чем на час.

Кто из нас не помнит центра для встреч всех русских в Белграде на Ташмайдане:

«Там, по прибытии из Крыма,
Меж старых склепов и могил,
Где жизнь ключем теперь бьет мимо,
Храм русский кто-то соорудил.
«Хранились в нем остатки славы:
Штандартов много и знамен,
Как призрак доблести кровавой,
С Петровских, дедовских времен.»

А теперь церковь закрыта со всех сторон: с быв. Александровой громадой собора Св. Марка, с северной зданием белградской телевизионной станции. И если мы, в былые годы, не молились внутри здания то, во всяком случае, «подпирали» стены, встречались с друзьями, знакомыми и своими симпатиями. А когда начался исход на запад, особенно во вторую волну (1948-52), и скорый поезд на Триест уносил каждую ночь по несколько русских семейств, в сразу же как-то постаревшем храме, служились многочисленные напутственные молебны. А теперь, почти совсем опустев, церковь осиротела, внутренние стены и фрески требуют ремонта и реставрации. Давно вывезены знамена, овеянные славой, — но, милостью Божией, не осквернена могила генерала Врангеля, закрытая прислоненной вдоль картиной-иконой «Суд Пилата». Наверху стоит с десяток маленьких образков и все время теплится лампада. Справа от бокового-северного входа (теперь единственного) свежая гробница долголетнего настоятеля церкви — митр. протоиерея о. Виталия. Снаружи церковный комплекс приобрел аккуратный вид: обнесен железной оградой, дворик забетонирован и сбоку выросли березки.

Еду на Новое «Гробле» (кладбище) посмотреть усыпальницу, на ремонт которой кадетские объединения и отдельные лица (кадеты) собрали значительную сумму, и посетить могилы близких. Кладбище кишит народом. У центральной церкви сонм духовенства встречает молодого владыку, дальше марксистские похороны, без креста и священника, но к прохожим пристают с «коливом». У старого, смотрящего со скорбью ангела Верховского, совсем зажили пораненные крылья, исчезли глубокие шрамы на теле, и памятник снаружи выглядит как новый. (См. подробно в конце статьи). Между русскими могилами кругом Иверской и усыпальницы все больше и больше марксистских надгробий без крестов с красными звездами...

Позднее, в соборе Св. Марка встречаю случайно его проектанта проф. П. Крстича. В беседе со мной вспоминает он своих учителей, русских профессоров и Верховского, добавив, что лично он считает «композицию руске костурнице-величанственом». Другой серб, с которым я разговорился около Иверской, рассказал мне любопытную историю о посещении «руске парцеле» какими-то туристами, причем он ясно слыхал, как гид объяснял: «Она костурница подигнута русима-белогардистима».!!!

Необходимо нам было отслужить панихиду в Вуковаре. Но наш старый знакомый прота, сумевший укрыть от озверевших усташей драгоценнейшую реликвию церкви: русское евангелие, гигантских размеров, украшенное дорогими камнями (дар императрицы Елизаветы Петровны), ушел на покой. Нового священника мы не знали. Из затруднительного положения вывел нас О. Василий Тарасьев, «летучий голландец-младший». Он теперь действительно летает на своем, не совсем молодом, но выносливом, опеле. И вот, в одно прекрасное летнее утро отправились мы по главной, латано-перелатаной, магистрали, обгоняемые и обгоняя бесчисленные машины, грузовики с прицепами и цистерны. От Шида, свернув круто на северо-запад, можно было съехать на более спокойное шоссе, вьющееся между хлебами, полями кукурузы, подсолнуха и виноградниками. Часто приходилось замедлять ход, чтобы обойти крестьянский дутик, трактор или просто телегу.

На обратном пути, проехав уже старый Вуковар, где Ю. Бринер в 1970 году снимал фильм из жизни русских цыган,

наш опель закашлял и безнадежно остановился. При виде представительного русского священника, в мантии на цветной подкладке, с большим наперстным крестом, склонившегося над мотором, тихая улица мигом ожила. Кто-то начал давать советы, кто-то послал за частным механиком, кто-то предложил свои запасные части. И вскоре тим из 4-х человек приступил к поправке автомобиля.

Чтобы как-то скоротать время я отправился ближе к центру и начал охотиться с фотокамерой за семейством аистов, уютно свивших себе гнездо на трубе какого-то «важного» присутственного здания, и неожиданно ощутил на себе пристальный взгляд. Оборачиваюсь: за моей спиной — милицейский офицер. «Что вы хотите снимать» спросил он меня довольно резко! «Аистов, вон на той трубе»! Мой ответ, повидимому, вполне удовлетворил ревнивого блюстителя порядка, и он даже дал мне совет о выборе выгодной позиции для снимков. Между тем какая-то весьма скромно одетая женщина, выйдя из калитки домика-развалюшки и заметив мою супругу, скучающую возле нашего автомобиля, подошла и пригласила ее внутрь: «На црну кафицу и слатко, да не би било вама досадно», а когда я вернулся, не забыли и меня. Наконец автомобиль был починен и, от души поблагодарив добрых людей за помощь и гостеприимство, мы тронулись в обратный путь.

Нашей целью была коммуна Печинци, что-то вроде уездного городка, в 40-ка километрах от Белграда, где теперь живут наши старые друзья-сербы. На перекрестке главных улиц городка, против станции милиции, с автомобилем снова случился «припадок», и опять повторилась та же самая история, только теперь в починке приняли участие и два блюстителя порядка: командир и помощник млиицейской станции. Я нарочно описал весь этот эпизод с автомобильным злоключением, с целью показать, что не перевелись еще среди югославянского (особенно сербского) народа хорошие и доброжелательные люди, и думаю, вряд ли что-нибудь подобное могло бы случиться, у нас, в Сев. Америке!

Всем известна пресловутая советская песенка о... дороге для молодых и почете для стариков... Что касается первого, то вряд ли молодежная дорога в Югославии может быть широкой, при создавшихся обстоятельствах. И многие молодые люди, закончив бесплатно образование на родине, предпочи-

тают устраиваться заграницей. Относительно уважения к седине, сохранились еще какие-то традиционные устои. Както, влез я в переполненный тролейбус у Лондона. Вдруг, со своего места сорвалась студентка со словами: «Седните, молим вас, господине». Огорошенный, после Америки, такой вежливостью, я с грустью подумал: «Неужели же я стал таким старым»!? Однажды в трамвае, шедшем вниз по Неманиной, наблюдал я следующий случай: на остановке вошли две старушки, и буквально чуть ли не пол трамвая бросилось им уступать места. В другой раз вошли мы в небольшой городской автобус в Зренянине (Петровград). Немногие сидячие места были уже заняты молодыми людьми хулиганского вида, которые перебранивались и награждали друг-друга подзатыльниками. Продолжая потасовку, они моментально уступили нам места. И еще интересно одно явление: разного рода вандализм, принявший такие чудовищные размеры, даже в благополучных штатах Америки, в Югославии, фактически, не существует. И вот, такие контрасты приходилось все время наблюдать, несмотря на значительное огрубение нравов, и снижение многих моральных ценностей!

Нашим следующим этапом, по плану, было посещение сербских исторических памятников на Косовом Поле: Печьской Патриархии и, особенно, Высоко-Дечанской лавры, в стенах которой мы прожили несколько дней. Поезд на Печь отходит с Белградского вокзала поздно вечером и зная, из прошлой поездки, что существует какой-то более или менее приличный ожидательный зал, мы приехали на станцию несколько раньше. В худшем виде мы никогда ее не видали: повсюду толпы народу, битком набитые залы, коридоры, лежащие в повалку прямо на голом, заплеванном полу, шиптары, босанские и македонские турки. Маленькая, непрезентабельная комната 1-го класса полна спящих солдат, и каких-то, неопрятно одетых, людей. Дверь на перон забили, так что для посадки приходилось идти в круговую по всем коридорам. Разместившись в своем купе, мы начали наблюдать за публикой. И было, что посмотреть. Прямо против нашего окна, на первом пероне, около огромных мешков с полусгнившим луком или чем-то подобным, копошились два обтрепанных босанских турка. Их головы были замотаны во что-то невообразимое. Они делили содержание мешков тут же, пересыпая вонючую массу, и взваливая затем мешки на спину, бе-

гом таскали их к себе в поезд. Вся эта картина была, даже для нас бывших «балканцев» настолько необычайной, что я рискнул возможными неприятностями и попробовал запечатлеть на пленку всю виденную «операцию». (Аэродромы, станции, почтамты, мосты и подобные места в Югославии запрещено снимать).

Как только поезд тронулся, проводник сообщил нам, что мы не сможем выходить, даже на больших станциях, т. к. двери нашего вагона будут до Печи закрыты. Оказывается шиптары, теперешние хозяева Космета, от Косовской Митровицы и дальше, не считаются с классами, и лезут куда удобней. Связь с Печью в настоящее время удобная: идет ночной экспресс, превращаясь от узловой станции Косово Поле в пассажирский, и, вместо американского дизеля, тянет его добрая, старая «хилядарка» (модель локомотива), застилая клубами дыма придорожные поля, небольшие перелески и шиптарские поселки. Как бы позавидовали такой поездке, с настоящим паровозом, американцы, платящие хорошие деньги за подобные прогулки по рельсам.

После бури, грозы и града в Белграде, Печь встретила нас приятной, солнечной погодой, и только на вершине мрачного Чакора, до сих пор еще покрытого снегом, гуляли облака. Не успел поезд еще совсем остановиться, как из него, сплошным потоком, хлынула людская масса в белых шапочках, разливаясь по привокзальной площади и прилегающим улицам. День оказался базарным и город (около 50 тыс.) гудел как улей, а около главной мечети было «столпотворение вавилонское». И создавалось впечатление, что находимся мы вовсе не в сердце древней Сербии с ее национальными святынями, а в албанской столице — Тиране.

В этих местах раньше я никогда не бывал, но во время пребывания в Иерусалиме, один араб сказал мне, что турки и балканские мусульмане — очень грязные люди. И действительно арабский Иерусалим, по сравнению с Печью — идеал чистоты. Уже на станции все железнодорожные пути, насколько видит глаз, усеяны мелким битым стеклом. Вокзальная площадь в мусоре, запросто валяются выброшенные предметы домашнего обихода. На перроне джигитует на мотоциклете, чуть ли не по ногам пассажиров, молодой албанец... И в то же самое время много улиц заасфальтировано, в горо-

де заметно интенсивное строительство, есть современные гостиницы, на улицах порядочно автомашин.

Берем таксиста-шиптара, который честно и усердно показывает нам городскую «чаршию», которую я с «наслаждением» снимаю, и отвозит в прелестную, миниатюрных размеров, Печьскую Патриархию. При выходе из храма, кладем в кружку «добровольни прилог», и нашему примеру следует возница-шиптар. Весь монастырский комплекс расположен в исключительно живописном месте, при въезде в знаменитую Руговску Клисуру, сербский Дарьял. В 18 клм. от Печи, в предгорьи массива Проклетие возвышается уже почти что 700 лет Высоко-Дечанская лавра, с исключительно хорошо сохранившимися фресками. Новейшая история монастыря очень интересна для нас русских, так как до сих пор еще монастырь может считаться филиалом русской Афонской обители Св. Иоанна Златоуста. С целью спасения древней святыни от арнаутов, митрополит Рашко-Призренский Никифор передал Дечаны в русские руки, в 1903 году, и туда были посланы монахи и русский настоятель. С началом Первой мир. войны, и отступлением сербских войск на о. Корфу, австрийцы интернировали русских иноков, а по окончании ее, патриарх Димитрий, вернувшихся в Сербию, разослал по разным монастырям. Но на этом роль русских людей в судьбе Дечан не кончилась. Во вторую оккупацию (1941-45) монастырь опять-таки спас русский человек: архимандрит и бывший келейник митрополита Антония — о. Феодосий (в миру Федор Мельник). В церковной ограде монастыря, на его крохотном кладбище, мы обнаружили надгробье схимо-архимандрита Мелитона, долголетнего настоятеля русского храма в Белой Церкви, умершего в глубокой старости, на 94 году (1957).

Нашим последним маршрутом в Югославии была поездка за Дунай — в Банат и посещение Белой Церкви, куда отправился я с В. Н. Чепурковским (Донск. корп.). Его пок. отец, полк. Н. А. Чепурковский был воспитателем Полтавского, Крымского и Донского корпусов. Наш путь лежал через Вршац чей, когда-то нарядный, вокзал теперь и не узнаешь: повсюду выбитые стекла, вывороченный кафель полов, некрашенные десятилетиями стены. Нет теперь поездов на Белую Церковь, а только «шинобусы» — моторные вагончики. На станции встретил нас Влад. Гапонов (Донск. корп.), вышедший на пенсию в Приштине, и повидимому решивший,

что в Белой Церкви жизнь для него будет более спокойной. Дом его как раз против Бурга, который превращен в сарай и зернохранилище. Посмотрев на небо, мы немедленно решили ехать на кладбище, так как синяя туча на горизонте не предвещала ничего хорошего... В этот день, в 4 часа, были назначены похороны вдовы др. Резнякова, ликвидированного сразу же после «освобождения» в октябре 1944 г. В головах, свеже вырытой могилы, еще стоял памятник какому-то русскому генералу (фамилию нельзя было разобрать), но останки его «Комуналац» успел куда-то вытащить. Нам удалось закончить обход кладбища до дождя, и остальное время провели мы в гостеприимном доме Гапоновых за обедом и разбором, в бережно хранимых кадетских альбомах, поблекших карточек, перенесших нас на короткий срок в далекое, невозвратное прошлое. Заехав, перед отходом поезда, к Гл. Джурджевичу (Донск. корп.) мы отправились на станцию.

Подробный осмотр кладбища показал, что ни одна из оставленных могил преподавателей, воспитателей или кадет, не имеющая прямого спонсора, не приведена в порядок, независимо, посылаются ли деньги из щедрой Америки, или нет. Подправлен только, да и то халтурным способом, крест кап. Трусова, но стоит он накренившись на бок, среди густого сорняка. После разговора с о. Василием Тарасьевым, пришли мы к заключению, что единственный способ сохранить все останки: собрать кости в одну братскую могилу. Если этого не последует, то в скором времени надгробия исчезнут одно за другим, как это уже случилось с двумя западными рядами могил. Но это уже зависит от нас всех и нашей щедрости...

Покидали Белград мы жаркой, тропической ночью, и наш экспресс, под громким названием «Аврора», сияя чистотой своих окон, белизной белья в купе, и даже знаменитое в Югославии место «WC» не оставляло желать лучшего. Загреб мы застали весь залитый водой, от накануне промчавшегося урагана, тем не менее, вылетели во время и в тот же день приземились на Монреальском аэродроме Дорваль.

В Белграде встретился я с тремя членами «Комитета по ремонту и починке усыпальницы русским воинам». Его состав: председатель о. Василий Тарасьев; члены комитета: Инж. Влад. Руссиан (Крымского корпуса), Инж. А. Постников,

проф. ун-та (Р.К.К.), Инж. Л. Бородкин (Р.К.К.) и Инж. Н. Сплe.

Вот, что мне сообщили инженеры Руссиан и Спле:

Перед началом ремонта был сделан детальный осмотр, который показал следующее: усыпальница совсем протекала, сквозные трещины были вдоль и поперек с восточной и южной стороны. Крылья ангела обваливались, особенно правое на 90%. На горизонтальной поверхности постамента появились сквозные трещины, вызывавшие просачивание воды. Около памятника во время войны упала большая бомба, вызвавшая сильное сотрясение и внутренние трещины. Для постамента нормально употребляются гранитные или мраморные глыбы. В данном случае Верховской выбрал бетон, который не был сплошным, а внутреннюю пустоту, вероятно, заполняли кирпичами или землей, которая хорошо аккумулирует влагу. Своевременно не была произведена и соответствующая изоляция. Работать приходилось в слепую, т. к. планы памятника были увезены в 1944 году, в Америку. Ко всем трудностям надо еще прибавить непосредственную близость могил с одной стороны постамента.

Ремонт. Комитет выбрал способ впрыскивания, под давлением, специальной смолы — «крантоксин» №№ 1471 и 1480 и перемазывание всех поверхностей разными видами смол, имеющими отпорность в два с половиной раза больше, чем бетон (крантоксин). К маю 1975 года закончили ремонт Ангела, фигур, офицера и гербы. Горизонтальные поверхности постамента (Зтер.) перемазали смесью смолы и порошка кварца, создав внешнюю изоляцию. Моляры очистили совершенно усыпальницу и будет видно — течет она, или нет. Поскольку будет обнаружено просачивание влаги, контрактор обязан произвести снова изоляцию. Гробы с останками воинов заржавели и их очистят и покрасят черным лаком. Затем остается вставить разбитые стекла, переменить цепи, и, когда все высохнет, побелить внутри усыпальницу. Невероятно влажная весна и первая половина лета задержали эту работу.

В заключение инж. Владимир Руссиан добавил: «Перед началом ремонта памятник был в стадии полного разрушения, теперь же он выглядит снаружи лучше, чем был в оригинале, и легко выдержит следующие 50-70 лет»!

Вермонт. **Пав. Паг.**

ХРОНИКА

Наш однокашник, 10-го выпуска Крымского и Русского Кадетских Корпусов, Доктор-инженер В. Бодиско награжден высшим орденом за научные заслуги республики Венецуэлы Андрес Белло 1-го класса с лентой за его работы и открытия в молочно-хозяйственном и агрикультурном секторе народного хозяйства этой страны.

Редакция «Переклички» приносит поздравления награжденному и желает ему дальнейших успехов в его научной деятельности.

В. Бодиско был председателем президиума 2-го съезда зарубежных кадет в Венецуэле в 1970 году.

ЗАПОЗДАЛЫЙ НЕКРОЛОГ.

Нас жизнь столкнула в 1920 году в Крыму, в Феодосии, в Сводно-кадетской роте при Константиновском военном училище. А потом на два с половиной десятка лет, до самой его трагической и ненужной смерти, нас крепко связала судьба. Наши жизни текли бок о бок.

Осенью 1920 года ген. Врангель приказал всех подростков, находившихся в армии, отправить в школы для продолжения образования. Леня Слабов тогда, как и я, приехал в Феодосию с фронта — он из Дроздовского конного полка, я из Алексеевского пехотного. Его полк, проделав Бредовский поход и потом отсидев несколько месяцев за колючей проволкой в лагерях Польши, как раз прибыл в Крым и был отправлен на фронт, а Леня в Феодосию.

Мы с ним оба попали в 3-ий класс. Он был одно время в нашем классе за Старшего и водил нас строем на занятия; мы занимались во вторую смену в Феодосийской гимназии. Но в Феодосии мы долго не задержались, неожиданно грянула эвакуация и мы очутились в трюме транспорта «Корнилов». Длинный морской путь в Константинополь и дальше в Югославию. Там сначала Стрнище, а через два года Белая Церковь, где наш корпус осел и обосновался.

За это время мы подросли и повзрослели. У Лени оказались музыкальные способности. Влечение и любовь к музыке потом прошли через всю его короткую жизнь. Уже тогда он начал заниматься композицией. Помню, наш духовой оркестр, в котором играл и Леня, исполнял его марш и вальс.

В 1926 году Леня и я окончили корпус. Перед нами встал вопрос, что делать с собой дальше? Ему бы идти в консерваторию, а он поступил, а вместе с ним и я, на горное отделение Люблянского университета. В Любляне у студентов горняков существовала своя корпорация, традиции, была даже своя парадная форма, чего ни в одном другом из югославянских университетов не было. День Св. Варвары, (4-ое декабря) покровительницы горняков, как всеми горняками Западной Европы, торжественно праздновался и у нас в Любляне. Каждый год в этот день на балу горняков происходило торжественное принятие новичков — «бруцов» (по нашему сугубых) в сословие горняков. Церемония заканчивалась их испытанием: каждый бруц, влезши на высокую бочку пива, перед лицом большой толпы гостей, должен был ответить на вопросы особой комиссии, потом объявить свой девиз, которым он будет руководиться в жизни, выпить огромную кружку пива и наконец прыгнуть через старый кожаный горняцкий фартук, который держали старейший профессор горного отделения и старейший горный инженер из здесь присутствующих.

Помню, Леня, огромного роста, широкоплечий, с пышной копной волос на голове, взобравшись на бочку, своим голосом, силой которого славился, на всю залу прогремел по-русски: «Считаю, что в гостях хорошо, а дома лучше!» Его девиз был встречен долгими аплодисментами. Из словенцев его наверное мало кто понял, он подействовал на них своим внешним видом, который к слову сказать совсем не соответствовал его фамилии. В нашей узкой дружной компании на каждого из нас существовал шутливый «журавель» и вот на Леню:

«Рост два метра, вид победный,
Вес сто кило, голос медный,
Речь — дорога без ухабов,
Мышцы — сталь, зовется СЛАБОВ!»

Примечание: Автором нашего "журавля" был наш общий близкий друг Юра Ассеев, тоже уже покойный.

Это, конечно, был шарж. Леня по существу, несмотря на свою внешность, был скромный и скорее застенчивый человек.

В Любляне мы с ним прожили типичной нелегкой жизнью русских студентов 1-ой эмиграции много лет. Жили в одной комнате, вместе ходили на лекции, вместе сдавали экзамены. Чтобы подработать играли в балалаечном оркестре и выступали статистами в местном театре. Зарекомендовав себя как высоко порядочный, исключительно аккуратный и добросовестный человек, Леня несколько раз выбирался председателем Союза Русских Студентов в Любляне. А когда в начале 30-х годов в Любляне открылось отделение Союза Нового Поколения, Леня и я были одни из первых, вступивших в него. Отделение у нас не было многочисленное, но очень дружное. Союз в те годы играл большую роль в нашей жизни. Состоял он в главном из бывших зарубежных кадет, институток и гимназистов.

Продолжал Леня заниматься и музыкой. Самоучкой освоив основные правила гармонии и контрапункта, он все время что-то сочинял и компонировал. Его часто можно было видеть в студенческой столовой за роялем, углубленного, что-то подбирающего, а потом записывающего. Один молодой словенский композитор, с которым у Лени была «музыкальная дружба», мне как-то говорил, что получил Леня настоящее музыкальное образование, из него бы получился крупный композитор.

После окончания университета мы разъехались, но связь у нас сохранилась. В конце 1944-го года я оказался в Граце (Австрия). Нас всех тогда, помимо нашей воли, судьба бросала во все стороны. Там Леня и я опять встретились в последний раз и прожили вместе последние месяцы его жизни. Он бежал из Любляны, которая ожидалось, что будет занята партизанами. Я устроил его в фирму, где тогда я работал и мы вместе поселились в моей комнате. Нам тогда, хоть и инженерам, пришлось работать десятниками на постройке подземных бомбоубежищ.

Это были тяжелые дни для Граца: его, как и другие города Германии, каждый день бомбили и он постепенно превращался в груды развалин. Единственным спасением для населения было глубоко закапываться под землю.

Мою жену, с нашей маленькой дочкой, приютили друзья в деревне под Грацом, где было жить безопаснее. Там в

деревне Леня встречал с нами Сочельник. Помню, он нам под гитару пел свои песни и романсы. Об утесе Стеньки Разина на Волге, о тоске по родной земле, на слова Тютчева, и замечательно трогательную и оригинальную по композиции колыбельную песню, посвященную моей дочке. Голоса настоящего у него не было, но это не мешало: взамен была большая музыкальность, умение передачи и чистые, иногда за душу хватающие мелодии его произведений.

Вскоре я начал замечать, что с Леней творится что-то неладное, — он стал очень задумчивый и молчаливый. Как-то вечером он был особенно грустным. Я уже собирался ложиться спать, а он все сидел за столом, подперев голову обеими руками. Он начал сам разговор, который затянулся почти на всю ночь. Он вдруг излил все, что за долгие годы у него накипело: что он потерял веру в себя, что он и инженер плохой, и композитор никуда, и семью не сумел создать и т. д. И, что может самое главное, он ничего не видит хорошего для России, а потому и жить нет смысла, и что он решил покончить жизнь самоубийством.

Я старался всеми силами его убедить, что не все так мрачно что все это разгулявшиеся нервы, что с этим надо бороться и что он способный человек, так малодушно сдаваться не имеет права... Он как-то успокоился и мне казалось, что мне удалось его убедить, что жить все таки стоит; он мне обещал, что он это выбросит из головы.

А через две недели, в понедельник, вернувшись из деревни (я туда ездил к семье), я узнал, что накануне Леня перерезал себе вены.

Мы достали русского священника, организовали маленький хор, но даже похоронить спокойно его не удалось: во время отпевания, когда мы были на кладбище, началась воздушная тревога, пришлось прервать службу и прятаться в бомбоубежище. Похоронили мы Леню только под вечер, когда уже начинало темнеть.

Потом я пошел провожать жену в деревню (это километров 10-12), на автобус мы уже опоздали. Началась опять воздушная тревога. Мы бежали по глубокому снегу (улицы не были расчищены), чтобы уйти за черту города. Начался оглушающий шум моторов, город был весь освещен разбросанными в небе гирляндами ослепительных свечей: разрывы бомб, сотрясающие воздух и землю, горящие здания. Было

жутко — красиво... Так мы в последний раз проводили Леню... Это середина февраля 1945-го года, точную дату память не сохранила.

Через несколько дней бомба попала в тот дом, где мы с ним жили. Большая папка нот его произведений, которой он так дорожил, при этом сгорела. В этом была моя вина, нужно было ее сразу отнести в деревню, там бы она сохранилась. Так ничего и не осталось от Лени Слабова, подающего надежды русского композитора...

Из нашего отделения, окончившего в 1926-ом году Крымский корпус, Леня был не единственным так трагически кончившим свою жизнь. Поскольку я знаю, кроме него так же поступили: Федя Здор, Павел Карагичев, Григорий Чумаков (на 25 человек нашего отделения довольно большой процент). Подробности о том, что их толкнуло на этот страшный шаг, мне не известны, после корпуса мне не приходлиось с ними встречаться.

В моей памяти Федя Здор остался как хороший товарищ, отличный гимнаст, талантливый художник. Мы еще в Феодосии попали в одно отделение. Он застрелился в Белграде, будучи студентом.

Павел Карагичев, скромный, тихий, из кубанских казаков. У него был хороший голос. Потом, как мне рассказывали, он пел в каком-то балалаечном оркестре. Может быть не перенес кабацкой жизни, связанной с такой работой.

Григорий Чумаков, последний Старший нашего отделения. После корпуса пошел в Югославянскую Военную Академию. Во время войны был взят немцами в плен, отсидел у них 4 года. После войны вернулся в Югославию, у него там осталась семья. Прямой, явный антикоммунист, он в Титовской армии оказался белой вороной. Как мне потом говорили, там его затравили и он не выдержав застрелился.

Вечная им память!

Каждая преждевременная смерть трагедия. Но сколько нужно пережить и до какого предела страданий нужно дойти, чтобы человек, нормально до последнего хватающийся за свою жизнь, пошел на то, чтобы самому наложить на себя руки.

Борис Павлов.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ УШЕДШИМ ОДНОКАШНИКАМ

1. **Савельев Константин**
   Крымского Кадетского Корпуса, 13 выпуска
   в США
2. **Пиннинский Виктор, Инж.-Архитектор**
   Крымского Кадетского Корпуса, III выпуска
   в Югославии
3. **Васильев Павел, Инж.-химик**
   Донского Кадетского Корпуса, 24-го выпуска
   в Югославии
4. **Мальцев Николай**
   Первого Русского Кадетского Корпуса, VII выпуска
   в Югославии
5. **Вукичевич Георгий, офицер Югославской Армии**
   Крымского Кадетского Корпуса, IX выпуска
   в Югославии
6. **Педашев Андрей, георгиевский кавалер**
   Петровского-Полтавского и Крымского Кад. Корпуса
   III выпуска
   в Канаде
7. **Кузнецов Георгий, землемер**
   Крымского Кадетского Корпуса VIII выпуска
   в Югославии
8. **Копыльченко Лев**
   Донского Кадетского Корпуса
   в Венецуэле.
9. **Щербович-Вечор Владимир**
   Донского Кадетского Корпуса
   22 сент. в США
10. **Левандовский Александр**
    Первого Русского Кадетского Корпуса
    2 окт. в США
11. **Громыко Андрей**
    Русского Кадетского Корпуса
    7 окт. в США

НЕКРОЛОГ

Андрюша Педашев, в кадетской жизни «Папашка», но этому есть весьма веская причина, которую я позже расскажу. —

Андрюша происходил из старой дворянской семьи, Полтавской губернии, а поэтому и воспитывался в Петровском Полтавском Кад. Корпусе, который фактически окончил в 1919 году, т. е. незадолго до эвакуации Кад. Корпуса в октябре 1919 года. В это время в Полтаве ожидали приход большевиков и Андрюше вместо училища пришлось вступить вольноопределяющимся в один из полков Добровольческой Армии. После падения Крыма он попадает в Болгарию, где в течение 2-х лет страшно мучился, тяжело работая у крестьян.

В конце концов он попадает в 1922 году в Югославию в Белую Церковь, где и обратился к директору, в то время ген. Римскому Корсакову, которого мы все величали «Дедушкой», рассказав ему все по совести, что он Кад. Корпус окончил в 1919 г. Директор, видя его в изорванной форме и ужасном состоянии, приказал принять его в корпус. Таким образом он как «Полтавец» был принят в 7-ой класс, 2-ое отделение к воспитателю кап. Трусову, т. е. в мой выпуск, который мы вместе окончили в первый год пребывания корпуса, в г. Белая Цероквь после лагеря Стрнище.

Вот когда мы его увидели, то и окрестили «Папашкой», т. к. он слишком выделялся в нашей среде, своим уже зрелым возрастом. Учился он прекрасно, никогда не учил уроков и за выход получал 9-10 баллов, т. к. нормально окончил корпус еще в России.

Он был прекрасным товарищем в полном смысле этого слова, всегда помогал нам, так как учебников не было доста-

точно, и он нас группами снабжал знаниями по всем предметам.

Ушел от нас честный и храбрый русский воин-доброволец, награжденный крестом Св. Георгия и несколько раз раненый в борьбе за Россию.

Мир праху твоему дорогой «Папашка», да будет тебе легка земля здесь на далекой чужбине. —

Твой однокашник и одноклассник

Г.. Хижняков.

В память о ВИТАЛИИ ЛЕБЕДЕВЕ.

18 марта 1977 г. в г. Пасифик Гров, Калифорния, скоропостижно скончлася наш талантливый оперный певец, артист, поэт и писатель, донец Виталий Лебедев. Вице-урядник 43 выпуска Донского Императора Александра III Кад. Корпуса. Невольно вспоминаем его слова в стихотворении, посвященном «ДОНСКОМУ КОРПУСУ»:

«Ну, вот и все. И здесь мы ныне,
Угасала юность навсегда
Но корпус наш в горах на Дрине
Мы не забудем никогда.

Спи спокойно, дорогой Виталий и мы тебя никогда не забудем.

Твои однокашники-донцы.

Памяти Е. А. БОГАЕВСКОГО

28 мая скоропостижно скончался Евгений Африканович Богаевский, старший сын бывшего донского атамана ген. А. П. Богаевского, капитан Югославской армии.

Е. А .Богаевский окончил в 1926 г. Донской императора Александра III кадетский корпус и по желанию отца поступил в военное училище в Сен-Сире, во Франции. По окончании его в соответствии со специальным указом короля Александра Первого он был принят в Югославскую армию, в 5-й кавалерийский полк королевы Марии — полк, в рядах которого он впоследствии принял участие во Второй мировой войне, был тяжело ранен и попал в плен к немцам.

После окончания войны Е. А. Богаевский возвращается в Югославию, но по сложившимся обстоятельствам покидает вторую родину — Сербию и попадает в Америку — в штат Нью Джерзи.

Е. А. Богаевский был хорошим другом, отличался скромностью, пользовался любовью и уважением окружающих...

Панихиду и отпевание совершил отец Валерий Лукьянов в Александро-Невском храме. Похоронен он на Лейквудском кладбище.

После смерти Е. А. остались жена, сын, дочь и внуки, которым мы выражаем свое глубокое соболезнование.

Вечная память, дорогой друг Женя!

Твои друзья,
донцы-однокашники.

Подписывайтесь и распространяйте

«Кадетскую Перекличку»

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Памяти Константина де Боде

Весть словно гром оглушила,
Все потемнело вокруг,
Что-то в груди защемило...
Умер хороший наш друг!
Умер внезапно, от сердца,
Мог бы прожить еще век:
Свиду здоровый и крепкий,
Бодрый, живой человек!
Очень способный, толковый,
Труженник был он большой,
Скромный, приветливый, добрый,
Умница с ясной душой!
В Корпусе, в классе, отличный
Старший, примерный кадет,
Верный товарищ, надежный,
Свято хранивший завет.
В годы войны он средь прочих
Юношей русских в строю,
Чтобы идти против красных
В бой, за Отчизну свою!
Был наделен и отвагой,
Доблестный стал офицер;
Высшей отмечен наградой:
Железного Креста Кавалер!
Рано ушедшему другу
Вечную память пою,
У свежей его могилы,
По воински, «смирно» стою.
Кот, дорогой, дружище —
Обиды все нам прости,
А Господу Богу, при встрече,
Чем живы мы — доложи!
Да смилуется Он над нами,
Утешит твоих родных,
А нашу страну Россию,
Очистит от власти злых!

Э. М.

К СВЕДЕНИЮ КАДЕТ ХАБАРОВЦЕВ И ВСЕХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ. НАША КНИГА СДАНА В ИЗДАТЕЛЬСТВО. В ней около 350 стр., много фотографий, художественный твердый переплет. Тираж всего 150 книг. Уплатившие сообщите свой адрес. Цена 15.- дол. + пересылка. Заказы и вопросы направлять по адресам:

N. Mursin: 184-05-89 Ave. Hollis, New York 11423

V. Yegorov: 10104 Leder Road, Silver Spring, Maryland 20302

A. Martianov: 1627 East 1st Street, Bloomington, Indiana 47401

ХАБАРОВСКИЙ
ГРАФА МУРАВЬЁВА-АМУРСКОГО
КАДЕТСКИЙ КОРПУС

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

издание кадет хабаровцев

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.18

Printed by monastery Press, 8011 Champagneur Ave., Mtl. P. Q., H3N 2K4. Canada